

Андрей
Краско

НЕПОХОЖИЙ
НА АРТИСТА,
БОЛЬШЕ ЧЕМ АРТИСТ

HELLO!

Андрей
Краско
НЕПОХОЖИЙ
НА АРТИСТА,
БОЛЬШЕ ЧЕМ АРТИСТ

Оформление художника И. А. Озерова

Фото на обложке *В. Широкова*

Издательство выражает благодарность журналу «Hello!» за предоставленную для оформления книги фотографию А. Краско

В книге использованы фотографии из личных архивов
*А. Гаккеля, В. Турецкого, К. Ивановой,
И. Краско, Т. Путенковой и М. Куликова,
Д. Светозарова, А. Столыпина, К. Ульянова,*
а также из архива театра «Приют комедианта»
и продюсерского центра «Брат»

© ЗАО «Центрполиграф», 2008

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2008

ISBN 978-5-9524-3585-8

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

КОГДА УМИРАЮТ ЗВЕЗДЫ, ИЛИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Когда умирают звезды, небосвод тускнеет. Не помогает даже рождение новых звездочек...

На звезды хочется смотреть снова и снова, до них трудно дотянуться рукой, иногда их трудно понять, временами — сложно оценить по достоинству. Не потому, что звездность — понятие весьма условное, а потому, что мы склонны либо переоценивать, либо недооценивать их.

Андрей Краско принадлежал к созвездию талантливых людей, чей талант был замечен и признан не сразу, а спустя время. Вернее, безвременье, потому что для НАСТОЯЩЕГО АРТИСТА быть невостребованным в своей профессии — значит не жить, не существовать, находиться в полном вакууме.

Судьба зачастую сурова с людьми, а с людьми творческих профессий — вдвойне. Внимание обывателей привлекают две злые шутки судьбы: когда кто-то умирает совсем молодым и когда умирает в расцвете своей популярности. Почему так происходит, остается загадкой.

Каждому предназначено пройти в жизни определенный маршрут, у которого есть начало и конец. Повлиять на этот маршрут практически невозможно. И, к сожалению, умершие не воскресают, а уходят в небытие или навечно остаются в памяти тех, кому они дороги. Когда уходят кумиры, судьбу упрекают в несправедливости. Возникают бесчисленные «почему»: «почему именно он», «что было бы, если...» и т. д. Когда умер Андрей Краско, хотелось закричать: «Как же так?! Почему именно сейчас, в расцвете карьеры, когда человек только начал ЖИТЬ?!» Но в ответ все равно была бы лишь тишина... Абсолютно беззвучная и от этого кажущаяся еще страшнее, еще нелепее, еще мрачнее. Мрачнее потому, что погасла одна из самых ярких звезд...

Андрея не стало в ночь с 4 на 5 июля 2006 года. Кто-то потерял сына, кто-то любимого человека, кто-то друга. Для большинства же он был в первую очередь талантливым актером. Какой канал ни включи - можно было увидеть его. Всегда разного, всегда предельно реалистичного, органичного. Он жил, чтобы играть. И играл, чтобы жить. Работа была для него всем! Андрей и умер на работе.

В Одессе шли съемки сериала Сергея Урсуляка «Ликвидация», в котором Краско играл Фиму — добровольного помощника угрозыска. Его герой ловил бандитов в послевоенной Одессе, влюблялся, гулял под ручку с барышнями по размякшему от солнца городу. Казалось бы, ему еще гулять и гулять... Но Фиму убили. По сценарию в этот момент он должен был упасть на руки Владимиру Машкову. Этот эпизод снимали накануне смерти Андрея.

Андрей не мог адаптироваться к жаре и духоте, чувствовал себя плохо. Съемки решили проводить под вечер, когда наступит прохлада. Но ему становилось все хуже.

Кто знает, что было бы, если бы «скорая помощь» приехала вовремя, если бы не возникло проблем со страховым полисом, если бы Андрей больше беспокоился о своем здоровье, если бы не было такой жары, если бы он вообще не согласился на эту роль? Но говорить об этом бессмысленно. Факт остается фактом — врачам не удалось спасти актера. Андрей скончался от сердечного приступа, не дожив 37 дней до 49-летия.

Последние два года Андрей Краско входил в десятку самых востребованных актеров, за пятнадцать лет он сыграл «полсотни суперменов из народа». Кем он только не был: и капитаном подводной лодки, и владельцем книжного издательства, и агентом национальной безопасности, и журналистом, и сыщиком, и даже азербайджанцем... Да и в настоящей, реальной жизни Краско, помимо актерской, пришлось освоить еще несколько самых разных профессий — начиная от монтировщика сцены и заканчивая портным.

Он всегда и всего добивался сам, не ждал ни от кого поблажек и не сетовал на судьбу. Напротив, относился к жизни с иронией, с присущими ему стойкостью, мужеством и чувством юмора. Он верил в собственные силы даже тогда, когда другой опустил бы руки... Он верил, что добьется своего, и твердо шел к намеченной цели. Он оставил о себе самые светлые воспоминания.

Эта книга — об актере, не похожем на артиста. Просто о хорошем человеке.

Иван Краско
А ПОМНИШЬ, СЫНОК?..

Теперь-то, Андрюша, у нас с тобой появилась возможность поговорить... Видишь, как в жизни бывает. С утра до ночи смотрю я на твои фотографии, расставленные по квартире, мысленно разговариваю с тобой — так и родилась идея написать эту книгу. Я понимаю, Андрюша, что все это несколько скоропалительно, и ты наверняка не одобрил бы эту затею, но я думаю иначе. Если у людей есть потребность, то почему бы не написать о тебе? Хотя я и твой отец, но один рассказать о тебе не смогу. У тебя очень много друзей, которые обязательно что-нибудь добавят. Они делили с тобой радости и горести, знали о тебе многое.

При жизни, сынок, нам с тобой редко удавалось выкроить время для полноценного общения: то ты был занят на съемках и гастролях, то я... В последние годы мы виделись так редко! Понятно, что сейчас особенно остро вспоминается твое детство. И если твоя душа сейчас где-то витает и все слышит... Я хочу, сынок, чтобы ты услышал все.

В этой книге собраны мои разговоры с тобой, воспоминания твоих друзей, коллег и поклонников. Ты дорог многим людям, Андрюша, и все мы любим тебя!

Твой уход — такой внезапный — наложил печать интереса. Если помнишь, я тебе как-то рассказывал, что неожиданная смерть Паши Луспекаева сделала его чуть ли не национальным героем. И резонанс, который ты вызвал, не менее ярок... Совершенно неожиданно как-то все обрушилось...

Твоя любимая тетя Тома спрашивала, почему тебя не похоронили рядом с мамой, в Пушкине, но для этого, сынок, потребовалось бы специальное разрешение на подхоронение или, в крайнем случае, место, куда урнучку положить, а нам не хотелось тебя кремировать. Все пытались меня оберегать, опасались, как я переживу такое горе. И это твоя заслуга, Андрюша. Все получилось само собой — Валентина Ивановна Матвиенко распорядилась похоронить тебя в Комарове. Там лежат многие близкие тебе люди: дядя Саша Володин, дядя Коля Боярский, Сережа Курехин... Да там, в какую сторону ни обернись, Андрюша, — близкие и знакомые! А совсем рядом — могила Анны Андреевны Ахматовой...

Сосны кругом, песочек — просто великолепное место. И цветы, цветы... Мы часто туда ездим.

У тебя верные друзья, ты у хороших людей снимался, Андрюша. Дима Месхиев и его кинокомпания «Черепаша» взяли на себя организацию твоих проводов. И провода были такие достойные, такие красивые! Я даже не удержался в тот день и грустно пошутил: «Андрюша всю жизнь стремился к красивой жизни, а получил красивые похороны».

Андрюша, я не мог осудить врачей в Одессе, которые к тебе вовремя не приехали. Страна-то теперь другая — Украина. Мы с тобой сами виноваты. Я не сумел тебя убедить. Значит, неважный я артист, раз не нашел ходов к твоей душе, не сумел внушить тебе, как это опасно — *увлекаться*... Но я думаю, причина не в воспитании. Когда человек самостоятелен, самобытен, у него свой характер — а в тебе все это было, — повлиять на него крайне сложно. В детстве ты был управляемым, но все равно своевольным. Лев все-таки по гороскопу...

Знаешь, мне бы хотелось поговорить вот о чем.

Тебя действительно не вернешь... Но не входит это ощущение в меня целиком, не входит это осознание... Я до сих пор не верю, что тебя больше нет... Но куда не денешься: церковь, батюшка, люди, которые пришли с тобой попрощаться... Твои друзья рыдают. А я говорю им: «Ну же, ребята, ведите себя достойно. Андрюша просто уснул. Видите, он спит». Я был не то что спокоен, Андрюша, а... как бы тебе сказать?.. Если всем переживаниям дать волю, то можно и психикой повредиться. Можно вообще не выдержать всего и свалиться с очередным приступом. Даже когда люди из добрых побуждений выражают соболезнования, они не понимают, что тем самым увеличивают страдание близких.

Давно это было — лет сорок тому назад. Когда в Вартемяках умер мой старший брат Николай, твой любимый дядя Серега сказал вечером на поминках: «Вот сейчас сват — так он называл Николая — из-за угла выйдет». А я и говорю: «Серега, милый, вся беда-то в том, что он уже ни из-за какого угла не выйдет. Никогда мы Колю живым больше не увидим». Мы боимся впервые увидеть мертвого человека... У тебя же, Андрюша, отношение к смерти было особое. Когда умерла твоя бабушка, ты нашел

ее первым, и маму потом тоже нашел. Их обеих увезли на машине «Скорой помощи» — им стало плохо на улице. Так вот, когда умерла бабуля, ты оберегал нас с мамой. Ты сказал: «Тихо, тихо, я найду!» Ты использовал все свои связи, чтобы тебе помогла милиция. Так же было и с мамой. На этот раз ты оберегал меня... Мама упала на улице, внезапно ей стало плохо.

То, что ты их нашел, сообщил адрес и принимал участие во всех приготовлениях к похоронам, — так мужественно. Я у тебя этому научился. Я перенял от тебя это спокойствие. То, как ты себя вел, — это мудрость, сынок. Ты принимал то, чего никому не избежать...

Мне очень помогли люди, которые тебя любили. Пришли ребяташки, твои сокурники, — Игорь Сляк с Натальей Акимовой, Барон и другие. И все они рыдали, а я сказал им: «Ребятки, не надо так! Вы же на меня все перекладываете». Они даже опешили... А Марат Башаров рухнул на колени и закричал: «Андрюха! Я многому у тебя научился!» Этого, по-моему, не способно выдержать ни одно сердце... И все хотят сказать тебе добрые слова, сказать тебе «спасибо». А ты об этом даже как-то и не думал, ты жил легко и свободно. Помнишь наш с тобой разговор о Моцарте и Сальери? Конечно, лучше быть Моцартом. Но Бог тебя не обидел, дарование у тебя оказалось большое. Причем такое, которое нужно людям, и это самое главное. Ты состоялся как артист. Вроде бы такой ненавязчивый, простой, а сделал себе имя в кино — и не заразился этой «московской болезнью».

Неизвестно, может быть, история пишется только для того, чтобы там было хорошо. Понимаешь? Этого ведь не определить, эти вещи находятся за гранью нашего понимания. Мне кажется, ты понимаешь.

Жаль, что ты себя не берег. Эти твои бесшабашность и свобода... Ты абсолютно не опасался за свою жизнь. Помнишь Сократа: «Человеку, поистине мужественному, не к лицу стараться прожить как можно дольше, а принимать жизнь, какой бы она ни была». Великая мудрость.

В тебе, Андрюша, тоже была мудрость — при кажущемся ее отсутствии. Мудрость вообще такая категория — либо она есть, либо ее нет. Но если ты ею обладаешь, она со временем вырастает, накапливается, примиряет с жизненными невзгодами. Мудрость подсказывает человеку, как вести себя в тех или иных ситуациях, позволяет лучше узнать других людей. А людей ты, сынок, любил. Как ты любил своих друзей! Вон какие они стали! Недавно мы встречались с Лешей Гаккелем, и он рассказывал, как вы с ним шили джинсовые куртки и продавали их как импортные. Тогда это было в духе времени. Что поделат — в те годы ты не был востребован как артист. Чья в этом вина, сказать трудно. Во всяком случае, не твоя, сынок. Хотя, чего уж греха таить, ты тоже руку приложил к тому, что к тебе стали настороженно относиться в театре. Помнишь, после армии ты дал повод думать о себе как о человеке несколько легкомысленном. Режим в театре нельзя нарушать — это святое. Об этом мы с тобой неоднократно спорили. Тебе в вину никто ничего не ставит, теперь все выглядит в особом свете. Но сколько бы ты еще успел сделать и в кино, и в театре! Ты мог бы сыграть очень весомые, серьезные роли.

Я помню, как ты рассказывал мне о своей встрече с Галиной Польских. Ты неожиданно для самого себя назвал ее тетей Галей. Она очень нравилась тебе как актриса. Как ты сказал: «Это такая очаровательная тетка!» Ты ей что-то посоветовал на съемочной площадке, и вместо того, чтобы спросить тебя, кто ты такой и что тебе нужно, Галина Польских стала, как школьница, внимательно тебя выслушивать. Ей это было интересно и нужно. Даже в этом маленьком эпизоде — весь ты. Важно, Андрюша, что к твоему мнению прислушивались многие люди, в том числе весьма известные и уже состоявшиеся. Сцена — вообще сложная вещь, не все ходы на ней можно просчитать заранее, и со стороны, разумеется, виднее. И ты просто не мог не поделиться своим впечатлением от игры. Молодец, сынок! Я думаю, что Галина Польских помнит этот случай и благодарна тебе.

Так люди и должны жить. Я понимаю, сынок, когда ты слышал от меня «должен», «не имеешь права» или «как не стыдно» и т.д., тебя это всегда коробило. У тебя были свои взгляды, свои принципы. Ты по гороскопу, как я уже говорил, львиного происхождения. А тут папа-Дева советы дает... Но я также знаю, что ты был очень неравнодушен к этим советам. Я чувствовал, что тебя интересуется мое мнение.

С детства я был для тебя авторитетом. Папа защитит, папа объяснит... Потом между нами возникло отчуждение, с твоей стороны это были нигилистические, чисто возрастные вещи. Вспомни, с какой иронией ты относился к моей работе, называя ее смешной. Для меня это было понятно и естественно. Но отношения «отец и сын» всегда были корректными. С твоей стороны — как элемент уважения и профессионального, и человеческого.

Мы держались друг с другом на равных. Я мог сделать тебе замечание, скажем, по поводу твоего

спектакля «Мужчины на час». Оба мы понимали, что нужны деньги, что зрителям почему-то нравятся именно такие спектакли... Но я знал, что в театре ты можешь гораздо большее! К примеру, твоя роль Венечки в спектакле «Москва — Петушки» или главная роль в «Смерти Тарелкина». «Тарелкина» поставил прекрасный режиссер Юра Бутусов, который и собрал самых популярных актеров. Миша Пореченков, Костя Хабенский, Андрей Краско — это же, как говорится, «убойная команда». Но и ты не отставал, ты тоже иногда делал мне замечания. Помнишь, ты посмотрел спектакль «Заноза» по Франсуазе Саган в театре «Приют комедианта» и вдруг сказал мне: «Папа, а чего ты под партнеров подстраиваешься?» — «В смысле?» Ты пояснил: «Поскольку автор — француженка, пьесу вы пытаетесь играть по-французски (а американскую якобы нужно играть по-американски и т. д.), будто вы не русские артисты. Иди от себя — ты интереснее этого твоего Люсьена». И хотел бы я этого или нет, перемены налицо — мне даже интереснее стал этот спектакль, а роль — явно убедительнее.

У нас с тобой было нормальное взаимообогащение, Андрюша. Мы постоянно чему-то друг у друга учились. Вспомнить хотя бы ту хмельную сцену в «Блокпосте».

Фильм был только что снят, и режиссер Саша Рогожкин пригласил меня на просмотр. Картина мне понравилась. Я только сказал: «Андрюш, а пьяного-то ты так и не сыграл. Ведь в той сцене твой персонаж буквально «надирается». Ты смутился, а я тебя успокоил: «Пьяного сыграть непросто... Но ты не расстраивайся!»

Через год в Доме кино, когда фильм вышел уже официально, я посмотрел его повторно и произнес: «Андрюха! Я должен перед тобой извиниться». — «А что случилось?» — «Да ты был прав, сынок. Вас предал генерал (его играл Леша Булдаков), и ты пьешь, но водка тебя не берет. Очень правильно ты сыграл!» — «Да иди ты, — удивился ты и добавил: — А я об этом даже не думал». — «Видишь, я заставил тебя расстроиться тогда, год назад, а получилось, что ты все верно сыграл. Но и я только сейчас это понял». То есть ты, сынок, интуитивно чувствовал, как нужно сыграть. Саша Рогожкин по этому поводу сказал: «А я очень доволен работой Андрея. Мне и не нужно было, чтобы он играл не-меняемого пьяного».

Похожая история, сынок, как ты помнишь, случилась у меня с Александром Володиным. Я назвал это «пружиной». Мы часто обсуждали с тобой эту историю.

Володин завел во мне «пружину». Когда я собирался уходить из БДТ, он спросил: «Ваня, говорят, ты собираешься уходить из театра? А куда?» — «Да не знаю, никуда я не готовлюсь». — «Но куда-то ведь хочется?» — «Да хотелось бы в «Современник». — «Да? Так там же у меня все друзья. Давай я тебе протекцию составлю. Там же тебе конкурировать не с кем».

И он это как-то так сказал, что, мне показалось, имел в виду следующее: взять-то меня возьмут, но... Я покраснел, а Володин, видимо, списал это на мою стеснительность. А на самом деле я в это время разозлился до необычайности: «Ах вот ты как, гениальный драматург, про меня мыслишь — думаешь, я бездарный артист? Ну уж нет! Я докажу, что чего-то стою!» Года за два до его смерти я открыл ему эту тайну. (Мы, кстати, Андрюша, ехали тогда в твоей машине - ты вез нас на могилку к Паше Луспекаеву.)

«Дядя Саша, а знаешь, какую ты во мне «пружину» завел тогда?» — «Миленький, ты что, господи! Вань, да я не хотел тебя обидеть! Прости, ради бога!» - «Какая там обида, — наоборот, я тебе благодарен по гроб жизни! Ты же меня так завел, я тебе столько лет доказывал, как ты тогда был не прав!» — «Да ты что? А я-то и не думал...»

Вот если бы все педагоги умели заводить в своих учениках такие «пружины»! Я считаю, сынок, что в тебе смог завести такую пружину, и ты был со мной согласен. В чем-то я был для тебя авторитетом. Во всяком случае, мои роли ты очень любил. «Продавец дождя», «Принц и нищий», «Люди и мыши» — ты смотрел эти спектакли много раз, так они тебе нравились.

Но если у меня в детстве необоснованное желание стать артистом переросло в неудержимое, то ты видимого желания не проявлял.

Неожиданно для всех нас — для мамы, для меня — ты заявил, что хочешь поступать в театральный вуз. До этого твое отношение к театру было несколько ироничным. Помнишь, как лет в девять ты по моей просьбе посмотрел по телевизору спектакль с моим участием. В то время передачи транслировались в прямом эфире, а не в записи. Я играл главную роль — учителя рисования — в спектакле по повести Виктора Голявкина «Рисунки на асфальте». Голявкин, кстати, тебе очень нравился. Материал добрый, человечный: старый учитель рисования, фронтовик, перенесший тяжелое ранение, работает в школе. Он любит детей, и у него самого несколько ребятишек. Учитель посвящает себя работе, и однажды у него не выдерживает сердце... Когда я, вернувшись домой, спросил тебя, понравился ли тебе

спектакль, ты ответил, что понравился. Но я же вижу, с какой интонацией ты это произнес. «Андрюша, тут что-то не так. Думаешь одно, а говоришь совсем другое. В чем дело?» Тебе вообще в детстве была свойственна некая минорная тональность. И тут ты меня, как говорится, уложил — ты сказал: «Да работа у тебя смешная. Умер, а сам домой пришел». Вот такое нигилистическое отношение к актерскому мастерству не предвещало, что в конце десятого класса ты обнаружишь желание стать актером. Это было неожиданно, и я обрадовался, что ты хочешь идти по моим стопам. Я спросил тебя, знаешь ли ты, что нужно будет прочесть перед приемной комиссией басню, стихотворение и прозаический отрывок. Ты спокойно ответил: «Знаю. Проза у меня уже выбрана». — «Что именно?» — «Андрей Платонов. «Сокровенный человек». — «Ну, Андрюша, уже за один выбор пятерка, — воодушевился я, — материал достойный». Мы с тобой разобрали несколько предложений, ты и так прекрасно все понимал, много читал, да и мама у тебя филолог. «Ну что, — говорю я, — выучишь наизусть отрывок. Сколько тебе нужно? Дня три хватит?» — «Хватит, па. Ну что там учить». Когда дня через четыре ты снова взял в руки книжку и начал читать с листа, я взбесился. «Ты не удосужился выучить наизусть, бездарь! Я отказываюсь с тобой заниматься, артиста из тебя не выйдет. В нашем деле, голубчик, нужен фанатизм». Мама, конечно, встала на защиту: «Как ты разговариваешь с ребенком?! Разве так можно?!» — «А вот так и разговариваю! Беспощадно. Никакого толку из него не выйдет!» Думаю, ты на меня тогда очень обиделся. Возможно, мне не стоило так резко себя вести. Однако ты не передумал поступать и настаивал на своем решении. Твоя мать просила меня как-нибудь поспособствовать, хотя бы узнать, кто принимает экзамены и т. д., но я отказался это делать. Ты должен был сам всего добиваться. В искусстве нельзя жить по благу!

Набирал курс Игорь Петрович Владимиров, руководитель Театра им. Ленсовета, человек известный. Он даже не спросил, не сын ли ты Ивана Краско, случайно. Он просто послушал и сказал: «Сырой материал». И тебя отшили.

Ты не поступил. И далее, сынок, решалась твоя судьба. Нужно было куда-то тебя пристраивать. Я, конечно, мог поспособствовать, тем более слышал, что театру требуются монтировщики сцены. Директор театра пошел навстречу и, несмотря на не совсем подходящий возраст для работы, взял тебя на эту должность.

Мы поехали на гастроли: Киев, Рига, Одесса... (Роковой город. Ну не мистика ли? Не в этом ли городе началось твое печальное восхождение к проклятому божеству по имени Бахус? Здесь ты и закончил путь земной...) Тебя тянуло к самостоятельной жизни. Жил ты, кстати, в гостинице вместе с другим техническим персоналом, хотя мог жить со мной в двухместном номере. Но может, это и правильно. По крайней мере, никто не говорил про тебя «папенькин сынок». Плохо, что ты начал употреблять портвешок наравне с рабочими. Зато за год работы монтировщиком ты изучил весь репертуар театра.

Помнишь, как мы с тобой обсуждали игру того или иного артиста? Ты хорошо разбирался в театральных делах, ты знал, кто чего стоит. Так что, сынок, тот год не прошел для тебя даром — это была хорошая школа. Ты прилично справлялся со своими служебными обязанностями. Тебя даже повысили в должности — ты стал бригадиром, ты делал все, что от тебя требовалось, и мне это было приятно.

Потом подошло время, когда ты сказал: «Па, а не слушаешь ли ты?» — «Платонова?» — «Да». — «Наизусть?» — «Да». — «С удовольствием, сынок».

Ты прочел мне отрывочек из этого самого «Сокровенного человека». Ты все понимал, Андрюша! И твоя любовь к литературе, привитая тебе мамой (да и мной тоже), очень помогала. Я выслушал и сказал, что нужно исправить лишь некоторые шероховатости, буквально пару моментов, связанных с интонационным порядком. Я подсказал тебе, где следует выдерживать паузу и т.д. На этот раз ты, сынок, поступил...

Поступил ты на курс Аркадия Иосифовича Кацмана, с ним был Лева Додин. Кстати, я позже выразил благодарность некоторым преподавателям, что они со вниманием отнеслись к моему сыну. «Да нет, это вам спасибо», — возразили они. «Почему?» — удивился я. В глубине души я думал, они скажут, мол, спасибо за то, что у талантливого отца такой сын. Но сказали они совсем другое: «Спасибо за то, что вы не просили за сына. Тогда бы мы его не взяли». Видишь, как дело оборачивается.

Между прочим, «период безделья» - и театрального, и киношного — пошел тебе на пользу. И знаешь почему? Ты не опустил руки, а накапливал все это время жизненный опыт, человеческий. А это и есть самое главное! Ведь неизвестно, что нам пригодится для создания того или иного образа. Когда понимаешь, почем фунт лиха, — и играть становится легче. Тогда игра становится именно такой, какой и должна быть...

Кстати, твой курс прославился тем, что поставил «Братьев и сестер» Ф. Абрамова. Федор Александрович Абрамов, как ты помнишь, очень часто приходил к вам на курс, наблюдал за репетициями и дорабатывал вместе с вами инсценировку своего романа. Летом всем курсом вы ездили в деревню Веркола — на родину Абрамова. Вы наблюдали тамошнюю жизнь, изучали, как разговаривают местные жители и т. д. Разумеется, это очень полезные вещи для начинающего артиста. Помнишь, как все вы на курсе по очереди вели творческий дневник? Каждый из вас писал о том, как прошел день. Так вот, Федор Абрамов обратил внимание на то, что ты пишешь очень интересно, и сказал тебе: «Андрюха, пиши!» — и подарил одну из своих книг с дарственной надписью. С какой гордостью ты мне об этом рассказывал! Абрамов считал, что из тебя мог бы выйти неплохой писатель. А какие письма ты присылал мне из армии или когда я был на гастролях — в них были такие интересные обороты! Например, ты почему-то использовал фразу «Ну ведь мы же с тобой настоящие мужчины. Не правда ли, па?». Я всегда смеялся над этим «Не правда ли, па?».

Ты был по-своему упрямый, воспитанный и образованный. Твоя мама закончила филологический факультет университета. Там, на занятиях, мы и встретились. Она опоздала на лекцию, заглянула в аудиторию, а я ей сказал: «Заходи сюда, садись. Пропусти полстраницы и записывай дальше». Она возмутилась: «С какой это стати вы мной командуете?» — «Делай, что тебе говорят». С тех пор я ее не выпустил... Вот такая у нас была история знакомства. Это романтическое начало тебе очень нравилось, ты говорил: «Правильно, так и надо». Мама для тебя вообще была святым человеком.

Ты родился в 1957 году, через год после того, как мы встретились с Кирой Васильевной. Брак у нас с ней поначалу был гражданским — в тот момент я еще не успел развестись. Я был женат, у меня была маленькая дочка Галя. Но в той семье меня поставили перед выбором: либо семья, либо театр. Я сильно удивился. Разве можно ставить вопрос так категорично? Теща не понимала, как это можно быть артистом, — это же так несерьезно. И я принял единственное решение — попросил собрать в мой чемодан самое необходимое.

Еще раньше я пожертвовал ради театра другой своей профессией. До театрального института я учился в Первом Балтийском высшем военно-морском училище (позже оно стало называться училищем подводного плавания).

Мне помогли обстоятельства. К тому времени флот уже терял свою силу, и я оказался на свободе, ибо служба для меня была несвободой. В общем, это долгая история...

Первые годы жизни за тобой ухаживали мама и бабушка, они же тебя и воспитывали. Мне было некогда, поскольку я поступил в театральный институт как раз в год твоего рождения. Когда тебе было три года, мама пошла работать в детский сад воспитателем, чтобы ты находился под ее присмотром. Садик этот был при мельнице, где твоя бабушка работала главным бухгалтером.

О твоей бабушке, сынок, ходили легенды.

Бабуля — Мария Александровна — была почетной блокадницей. Работая на мельнице им. В.И. Ленина, она никогда не пользовалась своим служебным положением, то есть не воровала муку, хотя и падала в голодные обмороки. Твоя бабушка, Андрюша, была самоотверженной, честной, правильной. И то, что она воспитывала тебя, своего любимого внука, конечно же оказало большое влияние на твой характер.

Как она тебя любила! Ты же первенец у нее был.

Именно она назвала тебя Андреем. И вот ведь какая история интересная приключилась. Когда мы с мамой привезли тебя из роддома и бабуля впервые тебя увидела — а у тебя был довольно-таки выдающийся нос, — она сказала: «Ну ничего. Ну будет энергетиком». (Мы потом даже тебя поддразнивали иногда: «Ну как, будущий энергетик?»). Почему она так решила? Какая тут логика?..

Баба Муся вообще была удивительным человеком. Ты помнишь эту историю, когда к ней на работу в бухгалтерию забежала крыса? Все сотрудницы повскакивали с мест: кто залез на стол, кто на стул, кто взял в руки счеты, кто арифмометр, и все стали дико кричать: «Ой! Ой-ой-ой! Крыса!» Когда в бухгалтерию вошла твоя бабуля, крыса шмыгнула мимо нее в раскрытую дверь. Визг в комнате стоял невыносимый. «Что это вы тут переполошились?» — «Тут крыса, Мария Александровна», — стали оправдываться сотрудницы. «Да я видела, она вот прошла мимо меня, — невозмутимо ответила бабушка. — У нее было нормальное, вполне приличное выражение лица. По-моему, она приходила сюда с добрыми намерениями. Она никого не укусила, ничего не сгрызла». Потом по мельнице ходили легенды... «Так могла сказать только Мария Александровна», — в один голос подтверждали все.

У Марии Александровны было две замечательных дочери: Кира Васильевна — твоя мама — и Тамара Васильевна — твоя любимая тетя. Кстати, в своих интервью ты часто рассказывал о тете Томе.

Как тетя Тома переживает! Твои двоюродные братья, Митька и Ярослав, до сих пор потерянные... Юлька, твоя сестра, даже в больницу попала. Все отмечали, как папа держится... А папа не держится вовсе... Папа даже вынужден был сказать: «Да подождите вы с соблезнованиями! Вы же все перекладываете на меня, потому что вас очень много, а я один». И люди понимали, что в этом действительно есть резон. Все-таки я и постарше всех, вот уже восьмой десяток на исходе... Я сказал твоим ребятам на похоронах: «Что подделаешь, ребята. Время — лучший лекарь». Но какое там... Просто уходит все куда-то в глубину, а говорят, время... Может быть, я еще и поэтому с тобой разговариваю. Нужно выговориться. Держать это в себе невозможно. А поговорить, сынок, хочется обо всем, все-все вспомнить...

Мама и бабушка с тобой нянчились. В результате в тебе появилась некая инфантильность, и я всячески ее выбивал. Помнишь, как ты полтора месяца провел в летнем лагере за городом — детский садик вывез ребятшек на природу. Все это время ты не видел ни меня, ни маму, и, когда мы приехали тебя навестить, ты смотрел на нас как волчонок. Ты даже не дал себя приласкать. Ты был обижен, что мы так долго не приезжали. Нам тебя стало так жалко! А потом ты прижался ко мне, взял меня за руку. Мы устроили пикник на лужайке. И тут ты убил нас тем, что сразу же выругался матом — неизбежное влияние детсадовских друзей. Когда ты выругался в третий раз, я сказал: «Стоп, парень! Кто тебя учил?» К нашему изумлению, ты сказал: «Мне нужны бумага и карандаш». - «Ты хочешь записать имена тех, кто тебя учил?» — «Да». — «И тем самым заклеить?» — пошутил я. «Да», — ответил ты серьезно, вряд ли понимая, что такое «заклеить». Ты действительно стал называть имена и фамилии своих одноклассников. Примечательно, что через раз в твоём списке повторялось имя одного и того же мальчика. «Это кто, главный развратник?» — поинтересовался я. «Да», — подтвердил ты чуть не плача. С тех пор ты не повторял эти слова. На тебя не нужно было действовать запретом. Тебя можно было как-то отвлечь — так, что ты сразу все забывал.

Однажды в Вартемьяках ты, совсем еще маленький, прибежал ко мне и закричал: «Папа, папа! Как сейчас дядя Толя на лошадь заругался!» Ты почему-то понял, что он именно выругался. «Как?» — спрашиваю я, и ты произнес нехорошее слово — такое, что и не всякий-то взрослый посмеет произнести. И вот тут педагогический дар, видимо, во мне сработал. И я спросил: «Подожди, подожди, сынок! А дядя Толя что сейчас делает?» — «Пашет». Я уточнил: «А лошадь ровно по борозде идет?» — «Не знаю» — задумался ты. «Так вот, сынок, - говорю я. — Наверное, она неровно по борозде шла, и дядя Толя направил ее и закричал: «Гляди еще!» Это слово по созвучию напоминало то, что ты недавно произнес. Ты изумился: «Да? А я как сказал?» А я говорю: «Да ты, наверное, так и сказал». И ты напрочь забыл это нехорошее слово. Еще мне понравилось, что ты не заупрямился и не пошел выяснять у дяди Толи, что же он там все-таки сказал. Когда мне удавалось быть таким убедительным с тобой, это действовало на тебя, наверное, лучше всего. Да и потом ты все тут же забывал — это особенности детского восприятия.

А помнишь, как Герой вздыбил шерсть на загривке, увидев тебя? Герой — злющий пес, живший во дворе у твоего дяди — моего брата Николая. Ты бежал ко мне с очередным «открытием». Герой сидел на длинной цепи. Видит — бежит мальчишка. Для него законов не существовало, он приготовился к прыжку. Когда я это увидел, то неожиданно для самого себя осадил его нечеловеческим голосом: «Герой!» От моего крика даже ты споткнулся и упал, а собака залезла в будку, поджав хвост. Такая была сила у звука! Тут вышел Николай и спросил, что случилось. Я говорю, собака собиралась на ребенка прыгнуть, а я с перепугу заорал на нее. И Николай поступил совершенно неожиданно, вроде бы совсем нелогично. Он предложил мне покормить Героя и принес миску с едой. Меня и так всего трясло... А Николай продолжал настаивать: «Позови собаку таким же властным голосом и покорми». И я решил: «Герой, иди сюда!» Из будки высунулась виноватая морда. «Ешь!» — приказал я. Пес стал есть, поглядывая на меня с опаской. Николай снова сказал нечто несусветное: «Теперь погладь его». — «Да ты что, Николай! — возмутился я. — Собака ест, как я могу ее погладить, она ведь тяпнуть может». — «Погладь, я тебе говорю», — не унимался брат. Пересилив в себе страх, я подошел к Герою и погладил его. А Коля говорит: «Ну все, теперь ты тоже его хозяин».

Кстати, Андрюха, не оттуда ли твоя любовь к собакам? Ты ведь очень их любил, хоть и страдал астмой (у тебя была аллергия на шерсть). У тебя жила овчарка Глаша, а потом смешная такса, которую ты прозвал Шурупом. Этот Шуруп был невозможным псом — перегрызал все провода в доме, но ты все равно любил его безумно. Глашенька снималась с тобой в «Блокпосте» — такая славная собака. Глашенька появилась у тебя после съемок в картине Мити Светозарова «Псы».

Кстати, недавно я видел Митю — он снимает «Преступление и наказание». И знаешь где? Во дворе

храма на Конюшенной площади. Как Митя тебя любил! Что-то необъяснимое такое в тебе было. Тебя любили многие режиссеры. Я вот, например, до сих пор не знаю, почему Леша Герман вызвал тебя на озвучание своей картины «Хрусталева, машину!». Помнишь, ты там смен пятьдесят, если не больше, провел. И, как мне известно, (с Лешей-то мы старые друзья, еще со времен театрального института), вы большую часть времени проводили в беседах. Леша тебе все время что-то рассказывал. Ты был нужен Леше, что-то интересное он в тебе нашел.

В детстве ты выкидывал разные штуки.

У нас с тобой было условие — в общественном месте нельзя было говорить, что у тебя папа артист, что он работает в театре. «Это нескромно», — объяснял я тебе. Однажды в троллейбусе, обеспокоенный тем, что мы скоро расстанемся (я уезжал на гастроли), ты начал спрашивать: «Папа, а у тебя сегодня в театре...» — и неожиданно замолчал. Посмотрел вокруг: поняли люди, о чем речь, или нет? И уже по-другому спросил: «Папа, а у тебя на службе сегодня какой спектакль?» И тут люди рассмеялись, потому что сначала они были удивлены, почему ребенок осекся на слове «театр»...

А помнишь, как мы с тобой изучали английский язык? Это было очень интересно. Я спрашиваю: «Андрюша, как будет по-английски «встать»?» — «Stand up», — твердо отвечаешь ты. «Как будет «стол»?» — «Table». — «А как «окно»?» — «Window».

И все было нормально, пока не спросил тебя: «А как по-английски будет «сесть»?» Ты не смог вспомнить слово «sit down» и сделал очень просто: взял и сел. То есть показал на деле. Слово «голова» ты тоже не мог вспомнить и поэтому со свойственной тебе изобретательностью произнес на иностранный манер: «Гольоуа»...

А помнишь, как мы с тобой придумали произносить слово «так» для еще большей категоричности с «г» на конце? Получалось «таг». А еще было слово «щаз», то есть «сейчас». Ты любил играть словами, от мамы тебе передался филологический слух.

Да и театральные склонности у тебя, сынок, были.

Помнишь, как в детстве ты ходил со мной в театральный институт, я знакомил тебя с ребятами. Ты называл Стасика Ландграфа «дядей Тазиком». Он это до сих пор вспоминает. Ты показывал моим сокурсникам «этюды». Строил рожицы, наливал в воображаемый стакан воображаемый лимонад из воображаемой бутылки... Последнее ты делал очень лихо, несмотря на твой совсем еще маленький возраст. Однажды Роберт Петров, заговорившись и уже совершенно забыв, что ты «пил лимонад», обратил внимание на твою руку. Твои пальцы были так странно раздвинуты. Роберт спросил: «Андрюха, а что у тебя с рукой?» Ты сказал: «Как это что? Я держу лимонад. Я же его не допил» — и стал «пить» лимонад. Все были изумлены. Ребята просили: «Андрюха, а ну-ка, прикинься!» Ты начинал дрожать лицом. Это было смешно, нелепо — так ты «прикидывался». Ты говорил: «Я все умею». А было тебе тогда, сынок, года три-четыре.

Ты очень смешной был маленький. Наверное, я слишком сурово с тобой обращался. Однажды, обнаружив, что ты соврал, я буквально рассвирепел: «Сейчас кто-то получит ремня!» А ты прижался попкой к батарее у окна, говоря: «Иван, ты фто? Иван, ты фто?!» И этим снял весь серьез угрозы.

А помнишь, мы смотрели с тобой фильм «Мир входящему» (тебе тогда было лет пять), и по дороге из кинотеатра домой ты с восторгом попросил: «Папа! Купи мне автомат. Я буду стрелять и убивать всех гадов». Я говорю: «Сынок, во-первых, стрелять — не самое лучшее занятие. Ты же видишь — я не стреляю». — «Да, папа! Ты-то свое уже отстрелял!» Я так смеялся. А ты и не понял почему.

Помнишь, как-то дедушка попросил тебя принести червей для рыбалки. Ты взял в руки червяка, а дед спрашивает: «Ну-ка, Андрюша, посмотри внимательно, где у него лицо». Ты посмотрел, покрутил червяка с разных сторон и выдал: «А у него нет лица. Зато у него две попы».

Маленьким ты любил смотреть, как я бреюсь. Стоишь, смотришь... Я как-то повернулся, и ракурс моего кривого носа мне не понравился, и я говорю тебе: «Да, сынок, видишь, как не повезло твоему папе с носом». А ты сказал: «Эх, папа! Если бы ты только знал, как мне нравится твой нос!» У тебя был период восхищения отцом. Папа — главный человек в доме.

А помнишь, как ты пошел в кружок гимнастики? После первого занятия я спросил тебя: «Ну как, интересно, Андрей?» — «Да, па, интересно. Кувыркались». После второго занятия ты пришел какой-то грустный. «В чем дело?» — «Да ну, там все одно и то же». Кстати, это одна из черт твоего характера: ты не любил однообразия. Одно и то же для тебя — нож в сердце. После третьего занятия ты пришел домой и заявил: «Папа! Я больше туда не пойду. Там нужны одни чемпионы». Ты сразу раскусил, что не представляешь особой ценности для тренера. Тренер же уделял внимание лишь особо одаренным спортсменам. Не знаю, как это назвать: практицизм, здравый смысл или как-то еще, но у тебя это

всегда было...

С Юлькой, твоей сестренкой, у вас разница девять лет. Как она тебя обожала и обожает до сих пор! Вы никогда не дрались, ты вел себя с ней как защитник, как старший брат. Она тебя, кстати, никогда не осуждала. Всегда, как коршун, бросалась защищать.

А помнишь, в 1965 году я строил домик в Рошине (тогда я как раз ушел из БДТ и все лето у меня было свободно), ты был со мной. Рошино — прекрасная курортная зона, там протекает хорошая река. Пока я что-то строгал, ты втихаря спустился к берегу, где около причала стояла лодка, забрался в лодку, чтобы порыбачить, и опрокинулся. Плавать ты еще не умел. Но должно быть, провидение тебя спасло. Ты топ-топ-топ под водой и вышел к берегу, а мог бы ведь и в другую сторону пойти или головой стукнуться о дно лодки. Ты прибежал ко мне весь как мокрая курица и, всхлипывая, сообщил: «Папа, я утонул». Я хлопнул тебя по затылку. Знаешь, сынок, родители часто, когда ребенок только что избежал беды, начинают почему-то кричать, хлопать его по мягкому месту или по затылку и т. д. Это сложно объяснить. А помнишь, как мы с тобой и моим другом Веней Кутиковым пошли в поход на неделю? Ты тогда закончил девятый класс. Мы растянули палатку на юру реки — на возвышенности, — выкопали яму, которая служила холодильником. А потом мы сделали городки, причем у нас и ножовки-то не было. Вырезали с помощью ножа. Играли мы с таким азартом! И даже в шутку называли нашу игру «чемпионатом юра по городкам». Еще помнишь, молодой крепкий парень вилами передавал с берега охапки сена своему деду, который стоял в лодке. Тот принимал сено и аккуратно укладывал, чтобы потом перевезти. Мы поразились такому способу транспортировки. Копна сена в лодке все вырастала. Парень как-то неосторожно подал очередную порцию, задев деда. И вдруг лодка начала переворачиваться. Мы вскочили, — дед исчез под водой (а река была глубокой). Парень оторопел, испугался, но застыл. Дальше — как в рапиде. Из охапки сена, расплзшейся посреди воды, вынырнул Дед. Отряхнувшись, он спокойно так сказал: «Нет бяды». «Нет бяды» — значит ничего страшного не случилось. Это такая чисто русская реакция на происходящее. Для нас с тобой это выражение стало неким символом, и мы его часто потом повторяли...

А еще в нашей семье никогда не забудут письмо твоего закадычного друга — Вовки Вардунаса (ныне известный кинодраматург. — *А. В.*). Он в девятилетнем возрасте вынужден был уехать с родителями в Германию, его отец был военным. И Вовка прислал тебе первое письмо из-за рубежа. Текст, Андрюша, я помню до сих пор.

«Здравствуй, дорогой друг Андрей! Мне здесь скучно, поговорить не с кем — кругом одна немчура. А в заключение посылаю тебе стихи.

Птичка прыгает в кусте
С дребезделкой на хвосте.

Твой друг *Вова*».

Вова с детства был человеком юмористического склада, и это в дальнейшем сказалось на его профессии. Когда он стал кинодраматургом, то работал в основном над комедийными сюжетами. «Праздник Нептуна», «Фонтан», «Окно в Париж» — сценарии к этим фильмам написал твой друг.

Кстати, помнишь, ты тоже пытался сочинять стихи? Второклассником был, когда попросил у меня новую тетрадь.

«Зачем?» — спрашиваю. «Стихи записать», — спокойно отвечаешь ты. «Чьи?» — «Свои».

Через полчаса принес мне, как положено, подписанную «Тетрадь для стихотворений ученика 2 класса 329 школы Андрея Краско». Открываю с интересом. Вещь, можно сказать, программная.

Написал я на абложки
Ленин, Партия, сапожки.

«Да-а, парень, кажется, зря я тебе тетрадку дал». — «Почему?» — «За такие стихи в тюрьму посадить могут. Тебя-то по малости лет — вряд ли, а меня... Завязывай, сынок, с поэзией, пока не поздно».

Через пару дней ты принес на отцовский суд новые вирши:

Учиться на пять, учиться на пять
И никогда не унывать!!!

Слава богу, не стал ты дальше седлать Пегаса, сынок, — не помню уж, как я тебя отговорил...

У тебя всегда были очень хорошие друзья, творческие люди. Мне они очень нравились. Двое жили в нашем доме: Андрей Проничев и Вова Вардунас; в соседнем доме жил Леша Гаккель, с отцом которого я вместе учился в военно-морском училище. Леша стал капитаном дальнего плавания.

Недавно он рассказал мне, как вы с ним наладили «одежный бизнес».

В детстве я обучал тебя столярному ремеслу. Это то, что я мог тебе передать, потому что сам очень

любил работать с деревом. Но когда ты стал шить — тут уж я удивился. Думаю, ты бы мог меня научить потом всем этим премудростям. Только вот у меня все времени не хватало. Меня радовало, что у тебя, сынок, руки растут, откуда нужно.

Так вот, Леша поведал мне, что вы сбывали сшитые тобой вещи как фирменные, якобы привезенные из загранплавания. Правильно, артист должен уметь приспособиться, разумеется не принося особого ущерба людям. Ведь предлагаемые обстоятельства — наша стихия. Характер персонажа, придуманный автором, артист должен пропустить через себя, стать этим человеком. Только когда судьба, мысли, чувства и поступки героя станут твоими, можно хорошо сыграть роль. И мне кажется, что артисты, которые остаются без ролей, без работы, не знают, чем им заняться, — неважные артисты, и время тут ни при чем. Тот десятилетний опыт, накопившийся у тебя за время, скажем так, неактерской работы, позволил тебе созреть не только как человеку, но и как артисту. У тебя накопилось в душе столько, что стоило сказать людям! Важно, что ты не озлобился, не ударился в панику, а просто занимался делом: шил одежду, делал оградки на могилках, зарабатывал извозом... Ты, Андрюша, остался человеком! Это достойно!

Думаю, когда ты впервые почувствовал, что люди тебя выделяют, ты понял, что наступило соответствие между восприятием тобой самого себя и тем, как воспринимали тебя люди. Ты понял, что живешь не зря, что действуешь правильно. Когда Людмила Павловна Шувалова, вдова Владислава Игнатьевича Стрельчика, посмотрела спектакль «Смерть Тарелкина», она сказала: «Эй, парень! Да ты же гений!» — и предложила тройственному союзу в лице Алисы Фрейдлих, Кирилла Лаврова и ее самой номинировать тебя на независимую актерскую премию. И вот объявили победителя: Андрей Краско. Здесь есть один маленький нюанс. Я когда-то работал в БДТ (Большом драматическом театре) и в свое время ушел от самого Товстоногова. Поэтому я допускал, что Кирилл Лавров может относиться ко мне, так сказать, не очень, потому что он, апологет товстоноговского духа, занял место художественного руководителя. Он имел полное право считать, что я ушел из театра неверно. Если ты по-настоящему любишь БДТ и Товстоногова, ты не имеешь права уходить — такова была позиция большинства. Сейчас я, Андрюша, впервые об этом говорю. Тем не менее фамилия Краско членом жюри не испугала, и Кирилл не противился. И это мне было очень приятно. Алиса Бруновна тогда сказала: «При чем тут ты? Неужели — гены?»

Когда телевидение снимало церемонию награждения, было решено, что мы с тобой будем вместе. Пришлось признать: «Наверное, я в первый раз рад, что сын поперек батьки скачет». Эта премия, сынок, свидетельствует об очень многом. В год персонально дают лишь одну такую премию в номинации «Лучший актер». Это большое достижение. Ты принимал это как должное. Я больше смутился и возгордился за тебя. А ты был совершенно спокоен и абсолютно не кичился. На кинофестивале «Виват кино России» тебя тоже наградили. Миша Боярский, с которым ты давно дружишь, держа тебя за плечи, произнес: «Когда на экране Андрюха, я кричу домашним: «Тихо все! Молчать! Я смотрю Краско». Я очень удивился, но оказалось, что он действительно любит тебя не только как друга, но и как актера.

Динара Асанова в тебе души не чаяла. Дима Месхиев, Саша Рогожкин тоже тебя выделяли. Самое интересное, что у всех у них — никакой позы, а ведь они — великие режиссеры. Но прежде всего они люди, прекрасные люди... И они тебя заметили, приняли. Значит, ты действительно выделялся среди остальных. Так просто не бывает — все в жизни имеет свое предназначение, свои цели. И это хорошо.

Люди восприняли твой уход как несправедливость, для многих это стало невосполнимой потерей. Ты умел задевать самые потаенные струны человеческой души. И это, наверное, главное, что должен уметь делать артист. Ты никогда не выпендривался, делал все чисто, честно, от души. Ты был органичен, как кошка. И это большое достоинство, поверь мне. Твое умение было замечено. Значит, все было не зря!

Тебе с каждым днем становилось интереснее жить. Я видел это во всем. Даже в той заботе, которую ты проявлял к людям. Когда у тебя появилась возможность помогать, ты не обделял помощью ни одного родственника. Ты очень любил делать подарки. Своих младших братиков ты называл шкетами и всегда спрашивал, как они там... Я понимал: ты уже идешь к тому, что заслужил. Ты наконец-таки стал получать от жизни то, чем был обделен несколько лет. Те радость и эйфория, которые я заметил в тебе во время нашей последней встречи.... Ты был очень радостный, очень веселый. Помнишь, я рассказал тебе чисто мужской анекдот, и ты так хохотал! А потом стал кому-то звонить. Я спросил кому. «Сергею Гармашу — он такие анекдоты обожает!» То, что ты так хохотал навзрыд и сразу же решил поделиться с близким тебе человеком, говорит о радости, которую ты испытывал в жизни. Ты не

предполагал, *что* с тобой может произойти... И в этом-то — главная боль, главная обида... Ты всегда жил, ничего не загадывая наперед. Жил сегодняшним днем. Наверное, это черта русского характера. Но сил не хватило... Сердце остановилось... Оно было так натружено, сынок... Оно было изношено, Андрюша... А я ведь говорил тебе: «Смотри, твои приятели завязали, они поняли, что это гибельный путь. Так зачем же? Получается, ты идешь на это сознательно?» Правда, ты пил только тогда, когда наступала пауза в работе. Главным для тебя была работа, и ты хорошо понимал ответственность и соблюдал ее. Когда работал, ты не нарушал режим. У актеров работа — действительно главное в жизни. Но может быть, все-таки самое главное — это дом и семья, откуда идет вся подпитка? Подспудно и бессознательно почему-то оказывается, что, видимо, творчество и есть главная побуждающая сила. Человек состоялся, когда он на своем месте, когда он занят любимой работой. Даже напряжение и усилие для выполнения этой работы дают ему еще больше дополнительной энергии. Вот ведь что поразительно! А отдых — лежать на диване, к примеру, — дает такую расслабуху, что дальше и работать не хочется.

Но как можно отдыхать артисту? Можно ли не выпивать в театре? Как найти способ себя контролировать?

Отношение артистов с алкоголем — тема известная. Этого не избежали ни Олег Даль, ни Владимир Высоцкий, ни Динара Асанова... Мне не хотелось бы заострять внимание на этой теме, хотя от правды не уйдешь, сынок...

Однажды, почувствовав, что от тебя несет перегаром, я поинтересовался, в чем дело. «Да понимаешь...» Ты приготовился к длительному объяснению. Я ответил тебе репликой из «Ревизора» любимого твоего Гоголя: «Только не говори, что тебя в детстве мамка уронила и с тех пор от тебя водкой отдает». Ты расхохотался! Мы же были на равных. Не уважать тебя я не мог — ты действительно был очень одаренным парнем. И пожалуй, с самого начала ты настоял на том, чтобы я тебя уважал и относился к тебе серьезно. Помнишь, когда ты однажды истерично, как клятву, прокричал: «Папа, я никогда не вру!» — я понял, что сын созрел для серьезных дел. Ты действительно не был вруном и обманщиком...

Как-то был у нас с тобой разговор. Я сказал: «Андрюша, твои кумиры, Олег Даль, Владимир Высоцкий и Динара Асанова, не оттого гении, что выпивают. Может, у них болезнь такая?» А ты ни в коем случае не признавал, что и у тебя это — болезнь. Ни мои увещевания, ни попытки остановить тебя ни к чему не приводили. Ты считал, что это не болезнь, а страсть, и хотел, чтобы все оставили тебя в покое... Наша с тобой извечная тема — тема свободы. Самое главное, что я пытался тебе внушить: ты сам отвечаешь за свое дарование. Тут ты неожиданно остановился и спросил: «Так ты считаешь, что я талантливый человек?» — «Да, Андрюша! Теперь я могу это сказать. Раньше не говорил, чтобы голова твоя не вскружилась. Но теперь я уверен, что ты профессионально стоишь на ногах. Ты ведь помнишь Чехова: «Мы в ответе за свой талант?» Тогда ты задумался, и у меня появилась надежда, что ты остановишься, переборешь себя. Все-таки я уверен: в основе всего стоит воля. И Станиславский говорил, что, может быть, среди качеств, необходимых актеру, на первом месте — именно воля. Я знаю, что это так. Если актер безвольный, он не добьется многого. Ведь актер репетирует, находит какие-то, так сказать, ходы для воплощения персонажей. Чтобы сыграть роль, надо иметь хотя бы настойчивость, усидчивость, заставить себя довести роль до конца. Ведь бывает так, что роль не нравится, и человек безвольный может плюнуть на все и сказать: «Да пропади она пропадом! Зачем она мне нужна?!» Но тогда встанет вопрос: извините, а зачем вы в театре? Потому что такого права у артиста нет. В театре есть закон: артист должен исполнить то, что ему поручают. И сделать это нужно надлежащим образом, чтобы было хорошо. Да и зрители сразу увидят, как ты работаешь — хорошо или плохо. Театр — дело коллективное. Подводить никого нельзя, поэтому капризов там не терпят.

Лично мне воспитать волю помогла судьба. Те восемь лет, которые я отдал флоту (или флот отдал мне), как раз и укрепили мою волю. Она стала стержневой в моем характере. Я сейчас, Андрюша, говорю сокровенные вещи. Ты понимаешь, какая история? Человека с самого детства наступают испытания. И ребенок даже может пойти на обман, чтобы добыть конфетку, потому что конфетка для него — это страсть. Ему хочется сладкого, и все тут. Понятно, что ребенком начинают руководить вкусовые ощущения. Дальше — больше. Дети дерутся из-за игрушек: «Моя, не дам!» А когда не сдерживаются клятвы и просто обещания, человек привыкает к подлости. Вот и привычка — это тоже испытание. Надо знать, к чему ты привык. И если тебе настоящий друг скажет правду, а ты обидишься и разорвешь с ним дружбу, грош цена такой дружбе. Потом к некоторым приходят слава, известность. Говорят, нужно пройти огонь, воду и медные трубы. Не всякий это, сынок, выдерживает. Сколько на

нашем с тобой веку было вспыхивающих звездочек, которые на самом деле оказывались искорками — они тут же угасали. Блеснет, сыграет одну роль, и все, пошел купаться в славе и тут же утонул... Серьезное испытание, сынок, которое предстоит пройти человеку, — испытание славой. Люди, которые закидываются на собственной славе, недалекие. Богатство — тоже мифическое состояние. С собой-то туда ничего не возьмешь... А испытание властью не выдерживали даже самые крепкие умы. Пожалуй, один из немногих — Сократ. Он понимал, что власть может раздавить человека, что она лишает его основы. Человек теряет самого себя, поддавшись обаянию власти.

Мудрость и воля... Мудрости у тебя было достаточно. Чтобы вызвать такое волнение, трепетное отношение и память о себе, нужно было сделать многое. И ты это сделал.

Ты оказался подготовленным к театру, потому что знал всю его подноготную — дома я часто рассказывал о закулисных интригах. Тебя было трудно провести. Тебе было непонятно, зачем в театре директор, который лезет во все дела, в том числе и творческие. С директором Театра им. Ленинского комсомола, где ты работал, отношения у тебя были непростые. Зато режиссер — Г.М. Опоков — очень тебя любил, но не мог простить тебе дисциплинарных срывов. Иногда ты засыпал на репетициях.

Воли у тебя, сынок, было маловато. У тебя бывали проблески, счастливые моменты, когда удавалось сделать хорошую работу, сыграть в кино, и ты знал, что мне это понравится и что ты не сломался, что у тебя хватило сил и терпения. Это прекрасно, и ты знаешь, что я всегда оценивал твои работы по достоинству.

Я не знаю, как ты вел себя с продюсерами, режиссерами и прочими, как договаривался о сумме гонорара. Но думаю, что достойно. Я и сам страшно не люблю все эти разговоры на тему оплаты. Я слышал, ты был готов сниматься бесплатно. А в принципе, почему бы и нет, если нравятся сценарий и режиссер?

Когда Лиза Башарова согласилась вести твои дела и выступить в роли твоего агента, ты с радостью сообщил мне об этом. Сказал, что теперь с твоих плеч спадет столько забот: график съемок, подписание контрактов, переговоры по поводу гонораров и т. д.

Мне кажется, сынок, что твоя жизнь с каждым годом становилась все интереснее и интереснее. И это даже по тебе было видно.

Ты отдавал очень много. Это, может быть, главный человеческий закон. Почему говорят: «Не укради»? Да потому, что, если украдешь, у тебя тоже рано или поздно что-то пропадет. А если отдашь — к тебе в конечном итоге это вернется, а то еще и вдвойне. И этот закон существует, каким бы мистическим он ни казался. Повторюсь, ты отдавал очень много, работал без устали. Как ты сказал в одном интервью, ты должен заботиться о семье, а семья у тебя большая. Ты помогал мне, тете Томе, своим сыновьям и многим другим людям.

Ты всегда меня оберегал. Когда мы занимались какой-нибудь работой на даче, самое сложное ты делал сам.

А как ты кормил меня! Ты умел хорошо готовить, любил придумывать какие-то замысловатые блюда, что-нибудь эдакое с картошкой, мог сварить шикарные щи. Когда нам вдвоем приходилось жить на даче, мы делали так называемый «солус», картошку с тушенкой или другими мясными консервами. Ты спрашивал меня: «Солус будешь?» И мы вдвоем уплетали это немудреное, но шикарное кушанье...

Во время одной из наших последних встреч я спросил у тебя: «И что это, сынок, ты так раздобыл?» — «Питаюсь вкусно», — улыбнулся ты...

Получается, что я сейчас бесконечно с тобой разговариваю.

Хочешь, я расскажу тебе об отце Константине? В прошлом он актер. И в религию обратился, может быть, потому, что хотел разобраться: каково это артисту — сочетать в себе духовное и греховное начала. Актеров же в давние времена считали страшными грешниками и даже хоронили за оградой кладбища...

Кстати, отец Константин помог выбрать имена твоим младшим братьям — Ивану и Федору.

У тебя день рождения 10 августа, а у Ванечки — 12. И так совпало, что сорок дней со дня твоей смерти пришлось на день рождения твоего брата. И я подумал: наверное, это неспроста, есть какая-то связь. Да, сынок, все взаимосвязано, одно из другого вытекает.

Кстати, ты помнишь, когда впервые пришел в мою новую семью (теперешнюю) и заявил, что твой младший брат непременно должен быть Иваном, потому что Иваном должен был быть ты, но бабуля назвала тебя Анд рюшей. Ты даже скандал небольшой устроил... А мы действительно выбирали имя. Я

сказал Натальюшке (жене), что это ее право — у нее первый ребенок. Она хотела назвать сына сначала Геннадием, затем Вячеславом, потом Святославом, затем Николаем, но и последнее имя отпало. Я решил позвонить отцу Константину. Он сказал: «Давай разберемся». Взял святцы, уточнил, когда родился мальчик, и произнес: «Иоанн — воин, то есть Иван. А у вас были сомнения?» И тут моя жена сказала: «Нет, я с самого начала знала, что он будет Ваней». Так что видишь, Андрюша, все вернулось на круги своя, а ты бунтовал и переживал. Все, все в жизни не случайно. Все, как ни крути, выйдет так, как надо. Вот как интересно! А с Федором, вторым твоим младшим братом (ты, Андрюша, его только на фотографиях видел), такая история вышла. Не помню, рассказывал тебе или нет. Мы не стали обсуждать, как назвать мальчика, — сразу позвонили отцу Константину. Оказалось, что на неделе пять Федоров-именинников. Так и стал твой самый младший братик Федором. Федор Иванович — прямо тезка Шалапина. Да и вообще был у меня дядька — Федор Афанасьевич Бахвалов, брат моего отца, твоего дедушки, Андрюша. С ним тоже интересная история связана.

Он погиб в 1921 году, когда в Кронштадте был мятеж. О нем предпочитали тогда не говорить, поэтому мы долгое время ничего не знали о Федоре Афанасьевиче. Однажды я встретился с Мишей Коновальчуком (знаешь такого кинодраматурга?) и узнал, что он пишет сценарий про Кронштадтский мятеж. «Ой, — говорю я ему, — так у меня же дядя там замешан был». Миша не поленился заглянуть в архив и выяснил, что такой человек действительно был. Таким образом в Мишином сценарии появился новый персонаж. Это любопытно, когда в художественном произведении появляются люди, реально жившие в описываемое время и принимавшие участие в тех или иных событиях. Это было за девять лет до моего рождения.

Помнишь, как ты впервые увидел Ванечку, своего младшего брата? Ты так удивился, что он в нашу породу и похож на тебя в детстве. Ты тогда пришел с большой тревогой: «Отец! Что ты наделал! Мне же его потом растить придется!» Кстати, моя жена тебе сразу понравилась. Ты подошел к Наталье, обнял и сказал: «Привет!», чем сразу ее успокоил — она очень волновалась, как ты ее воспримешь. Ты ровно на двадцать лет старше своей мачехи. А когда появился Федор, снова сказал: «Ты же на меня все взваливаешь». Я ответил: «Андрюша, раньше времени меня не хорони. Дай сначала я женю их, а уж потом...» Мы тогда вместе посмеялись... «Ну ты вообще дал, па», — добавил ты. В одном из интервью ты как-то сказал, что гордишься мной, потому что в моем возрасте сотворить двоих детей — это, конечно...

Жаль, Андрюша, ты не все успел увидеть и не все знаешь. А они растут. Федя смотрит на твою фотографию и говорит: «Это нас сталсий блатик». Ему уже два с половиной года. Он говорит бабушке после завтрака: «Спасибо за качество». — «А за количество?» — спрашивает бабушка. «Ну уж нет». А еще он может сказать: «Твои советы мне не нужны». В этом я, Андрюша, вижу твое влияние. Абсолютно такая же независимость была свойственна и тебе.

Ваня, как и ты, сынок, обожает машины. Пока у него только игрушечные — он собрал их целый парк. Федя его спрашивает: «Ты хочешь со мной поделиться?» — «Не знаю пока», — раздумывает Ваня.

Как-то на даче Юля, твоя сестра, показала всем присутствующим фотографию маленького Вани (первого сына от брака с Наталией Николаевной. — *А. В.*), и все в один голос сказали, что на фото изображен ты! Даже сейчас я замечаю, что он реагирует на некоторые вещи в точности как ты. Думаю, однажды наступит время, когда я скажу Ивану: «Почему ты говоришь неправду?» — и он, как и ты в детстве, прижмется к батарее и испуганным голосом произнесет: «Иван, ты фто?» Как ты, сынок, тогда, в детстве. Помню, я тогда несколько опешил, а потом рассмеялся до слез. Смеялись все мы: я, твои мама и бабушка. (Тебе тогда было года четыре, как сейчас твоему братишке.) Эти твои слова сразили меня наповал... И правда, «фто» это я так рассердился?.. Через энное количество лет ты в серьезном разговоре заявил мне, что никогда не врешь, и для меня это стало показателем. Значит, даже самые маленькие уроки, полученные в детстве, не проходят бесследно и дают свои плоды. Ты запомнил то критическое, шоковое состояние, и оно в тебе отозвалось, возросло. И потом, Андрюша, ты стал артистом, который ни в чем не врет! У нас, артистов, все так связано с жизнью. Кстати, сынок, я тоже многому у тебя научился. Ты говорил какие-то простые истины и все же попадал в самую точку. Я всегда удивлялся твоему умению разглядеть роль, признаки, которые тебе свойственны. Помнишь, как ты притащил домой очередной сценарий (уже не помню, кто был режиссером) и сказал: «Па, почитай! Любопытный сценарий». Я подумал, что тебе предложили главную роль. А ты говоришь: «Да нет, эта роль не моя». Я удивился: «Как же, Андрюша! Ты хотя бы попробуйся». — «Нет, па, роль не моя», — настаивал ты на своем. Тебе понравилась небольшая эпизодическая роль, ты считал, что она-то и есть

«твоя», и именно ее ты потом сыграл. Ты, сынок, очень хорошо чувствовал, какая роль кому подходит, ты «видел» все свои роли. Мне, к примеру, это было несвойственно. Я, как и многие другие, был жаден до ролей, и главные роли мне всегда нравились больше — хотелось сыграть именно их. А ты руководствовался совсем иными принципами. Ты был профессионалом, Андрюша, тебе было дано очень много... Думаю, ты бы обязательно состоялся как режиссер.

Актеры делятся на лирических и характерных. Лирический — это артист, который из роли в роль, из фильма в фильм играет самого себя. Это как поэт, который может демонстрировать только себя. Характерный актер может сыграть кого угодно. Я обращал твое внимание на то, что ты видишь только себя изнутри и пытаешься искать подходящие тебе по духу роли. Но ты так скептически к этому относился. После «Блокпоста», как мне кажется, в твоём репертуаре стали появляться характерные роли. Я подумал: «Неторопливый парень». Ты вообще, сынок, любил говорить: «Мы позднего развития люди». Ты делал все не вдруг и не сразу. Потихоньку. Это действительно правильно, сынок. Скороспелых очень много: получил роль, сыграл ее, шум пошел, слава, народное признание и т. д. А потом пшик — и нет дальше ничего. А ты наработал фундамент, понимаешь? Ты молодец, сынок! Может быть, это и благо, что ты в детстве относился к театру нигилистически, в десятом классе понял, что хотел бы стать актером, и поступил только со второй попытки. Кстати, тебе было сложно учиться на курсе, ты не был отличником. Физически тебе тоже было нелегко, поскольку у тебя уже начиналась астма. Однажды ты заявил, что хочешь уйти с курса и поступить на режиссерский факультет. Разговор у нас состоялся по телефону — я был в Сибири на гастролях. Мама сообщила мне плача, что ты сбрендил и собрался бросить институт. Мне казалось, из трубки вот-вот польются слезы. Я думал, как мне быть. Но, зная твое чувство юмора, которое, кстати, не раз тебя выручало, я сказал жене: «Послушай меня. Успокойся и спроси у Андрюши, что он хочет поставить». Слышу, она передает тебе мой вопрос. Ты ответил: «Ну, например, «Ромео и Джульетту». Затем я сказал: «Теперь, мама, спроси, он хочет поставить «Ромео и Джульетту» на попа?» Мама сама засмеялась, передала тебе этот вопрос, и ты так захохотал. Проблема была решена! Ты остался на курсе и закончил актерский класс. Это тоже тебя характеризовало.

Когда театральные актеры приходят в кино, они могут многого там добиться. Редко какие киноактеры не имеют за плечами театральную карьеру. Хотя есть известные, очень талантливые актеры, не игравшие в театре. Например, Алексей Баталов.

Ты обожал театр, сынок.

Но когда у тебя спросили, почему ты, в отличие от своих однокурсников, не в Малом драматическом театре, ты ответил: «Диктата не терплю». И этим все сказано. В этом, Андрюша, мы с тобой похожи.

Между прочим, после просмотра картины «72 метра» адмирал Лев Давыдович Чернавин сказал: «Смотри, Иван! Андрюха к морю отношения не имел, но как сыграл моряка! Видимо, это от тебя передалось». В нашем доме всегда в гостях были моряки: отец Леши Гаккеля — капитан первого ранга, мои однокашники — адмиралы, капитаны. Ты души не чаял в этих людях!

Помнишь, раньше мы всегда делились друг с другом тем, что у нас случилось, как обычно мужики разговаривают об общих делах.

Но я никогда не вмешивался в твои романы. У меня тоже бывали грехи, и ты тоже относился к этому спокойно. Однажды ты услышал, как мама заявила мне весьма категорично: «Ты должен любить только меня!» И ты, Андрюша, спросил: «Как это?» — и так удивился. Тогда я понял, что ты — взрослый человек. Ты считал, что отношения с женщиной — это нечто интимное, святое и не подлежит всеобщему обсуждению. Ты никогда не спрашивал у меня совета насчет женщин. Ты никогда не спрашивал, как тебе лучше сыграть какую-то вещь, эпизод и т. д.

Но людям интересно, как складывались твои отношения с женщинами, во что они перерастали и почему прекращались.

Подруг жизни ты иногда выбирал похожих на маму, ориентировал женщин на мамин облик. Между прочим, когда это совпадение было, у тебя складывалась дружелюбная связь. Если же этого не было, связь распадалась гораздо быстрее. Наверное, в этом есть какой-то биологический жизненный закон.

Театральная художница Ольга Контарева, с которой ты одно время встречался, была практически копией твоей мамы. Нам с мамой очень нравилась Маша Тхоржевская. Ни о ком, сынок, я не могу сказать ничего плохого. Не понимаю только ту девушку, которая в порыве ревности пырнула тебя ножом... Подробности вспоминать не хочу, в одном из интервью ты рассказывал об этой барышне. Я ее никогда не видел. Ты жил с ней на Пушкинской, 10 — это место прославилось в молодежной анде-

граундной среде. Это место — гнездышко будь здоров, бомжеватое такое. В тот период ты отошел от нас с мамой и редко появлялся дома.

А дома для тебя самым важным было хорошо поесть, хорошо поспать, хорошо отдохнуть, а там — опять свобода.

Мне, Андрюш, вообще не хотелось бы касаться темы твоих взаимоотношений с женщинами. Всем известно, что официально ты был женат дважды и у тебя двое сыновей: старший Ваня (Ян Анджей), который сейчас живет в Польше, и младший Кирилл. Ванина мама, Мириам Александрович, которую ты называл Мишкой, была второй твоей женой. Очень долго вы не могли развестись, потому что она была гражданкой Польши, и возникли проблемы с документами. Мать Кирюши - актриса Маргарита Звонарева.

Света Кузнецова, наверное, была для тебя самой лучшей. Добрая, заботливая... Света везде сопровождала тебя, ты всегда представлял ее как свою жену.

И ни одна из твоих жен — гражданских или официальных — не может слова худого сказать в мой с Кирой Васильевной адрес.

Когда умирает человек, происходит переоценка ценностей или смена собственных взглядов. Во всяком случае, позволительно говорить, например, о твоей доброте. Ведь обаяние, свойственное тебе, происходит от внутренней доброты. И это освещает тебя по-особенному... На тебя приятно смотреть. Теперь я иначе вижу, как ты ту или иную роль в фильме или сериале преподносишь, как ты ее понимаешь. Как ты перевоплощаешься в того или иного персонажа. Теперь-то я уже могу сказать: ты не только лирический актер, но еще и характерный. Потому что ты все это понимал и понимаешь тоньше, чем я. Ты понимаешь все точно, абсолютно профессионально. Вот, значит, как получается. То, что я был к тебе строгим, в детстве особенно, — это ведь зависело не только от меня, сынок. Многие зависело от бабы Поли, которая мне это все внушила. Понимаешь, не случайно одной из моих дипломных работ была «Егор Булычев» по М. Горькому. Почему? Да потому, что это истинно русский характер! Довольно суровый мужик, который явно наложил на мой характер свой отпечаток. Баба Поля была человеком, по существу, Добрым. Она тянула на себе внуков, одна. И приучала нас к жизни, чтобы мы сами могли себя обеспечить. Натуральное хозяйство, корова... Помнишь, я все это тебе рассказывал — ты ведь не застал бабу Полю, видел только дом... Так вот, баба Поля была очень строгой женщиной, но справедливой и доброй. И от нее-то все наши корни. Я воспитывал тебя строго только потому, что понимал — иначе нельзя. Да я и сейчас строгаю с твоими младшими братишками. Я-то знаю: вложишь какие-то истины или задатки с самого детства, и они навсегда останутся в человеке, на подсознательном уровне. Бывает, я накажу маленького Федора, шлепну по попе или поставлю в угол, а он потом ко мне бежит, руки тянет. Что удивительно — бежит именно ко мне, а не к маме. Откуда такая диалектика? Наверное, это заложено природой. Посмотри хотя бы, как ведет себя львица со львятами. В этом и есть смысл воспитания — когда любишь, сюсюкать ни к чему. Сюсюканье — это собственное наслаждение детьми, и только. А если думаешь о том, какими они должны вырасти, — это же дело серьезное... И дети это бессознательно чувствуют. Но вот они вырастают, и отец уже не может влиять на сына, поскольку никто не вправе распорядиться судьбой другого человека.

Тема очень тонкая. Папа — профессиональный актер, давно работает. Но на наших взаимоотношениях это не должно было сказываться. Хотя, наверное, присутствовало некое соперничество: тебе хотелось доказать, что ты тоже не лыком шит. У тебя вообще была сильна позиция: я сам по себе. Мне это нравилось. Это был повод надеяться на то, что из тебя выйдет толк. Так и получилось, сынок, ты оправдал мои ожидания. Но все равно я считал, что с волей у тебя было слабовато. Меня это не устраивало. Ты знаешь, что любимое мое слово — «мужик», в самом хорошем смысле, правильном, традиционно русском. На одном из венков, возложенных на твою могилу, было написано: «Андрею Краско от мужиков». И я понял: ты дружил с такими ребятами, для которых это понятие — знамя.

Ты очень любил приезжать в Вартемяки, на мою родину. Тебе нравился дядя Вася — чисто русский такой мужик. А больше всего ты любил моего двоюродного брата Серегу. Оригинальный человек. Помнишь, как ты привез с собой приятеля из театрального института — иностранца из Коста-Рики. Звали его Филиандр. Он очень интересовался русской культурой. Прическа у него была как у Анджелы Дэвис — переплетенные какие-то волосы, да и одет он был странно. Этот парнишка бежал от каких-то преследований в собственной стране, поскольку симпатизировал советскому строю. Удрал в Россию, чтобы учиться здесь на режиссера. Очень способный парень, интересный, неплохо говорил по-русски. Первым делом ты решил познакомить его с дядей Сережей. А тот был непростой. Про него говорили: не поймешь, пошутил Серега или нет. Как только Сергей увидел Филиандра, он сказал: «Это еще что

такое?! Откуда такой появился?» Ты засмеялся, потому что хорошо знал дядю Серегу: «Он из Коста-Рики. Ты не бойся, он нормальный». — «Ага, нормальный! Моя коза его увидела — доиться перестала». Кончилось тем, что Филиандр и Серега подружились. Кстати, Филиандр парился в бане и пил водку наравне с русскими мужиками, Сереге эти его качества пришлись по душе. Серега предложил Филиандру остаться жить у него в деревне, помогать колоть дрова... И вот, сынок, уже нет ни Сереги, ни дяди Васи, ни тебя...

Кстати, знаешь ли ты, сынок, историю про то, как дядя Серега воспринимал мою работу? Каждый отпуск я проводил в Вартемяках и первым делом бежал к нему. Привозил с собой закуску — то, что нельзя было купить в сельском магазине, водку. Мы садились на мостике у реки и долго-долго разговаривали, обсуждали кино и театр. Когда Серега впервые увидел меня в каком-то фильме — сыграл кочегара в эпизоде, он спросил: «Ну и чего? И стоило ради этого уходить с флота?» Через год он увидел меня уже в главных ролях в спектаклях: «Ну вот, уже лучше». И только когда я стал более-менее популярным актером ленинградского телевидения, Серега признал мой талант. Он давал очень мудрые советы и делал справедливые замечания. Когда однажды я сказал ему: «Серега, а ведь из тебя мог бы получиться артист лучший, чем я», он зарыдал! Я никогда не видел, чтобы он плакал; даже когда он в детстве упал с велосипеда на спину и повредил ключицу, он только произнес: «Ух ты!» А тут зарыдал... И тогда я понял, что задел его за живое, за самые потаенные струны его души. Оказывается, он действительно мечтал стать артистом. Но ему было лень учиться и тем более уезжать в город. В деревне могли засмеять: что за глупость — ехать в город, чтобы стать артистом. Я, сынок, поначалу тоже никому не говорил о своей мечте.

У французского писателя и философа Дени Дидро есть книга «Парадокс об актере». Одна мысль задела меня еще с институтских времен: актер не должен иметь собственного характера, собственной личной судьбы, потому что сообразно своей профессии он должен воплощать характер и состояние персонажа, созданного драматургом. Автор описывает комплекс свойств, который обязательно выражается действием героя. Поэтому профессия так и называется — «актер», от глагола «действовать». Вот интересно, Андрюша: в то же время эти роли, если они по-настоящему прожиты, оставляют в актере свой след. То есть получается, что (это я уже в полемике с Дидро пришел к такому выводу) актер, чем опытнее, тем больше свойств добавляет в свой характер от сыгранных ролей. И получается, что он не то что не должен иметь своего собственного, личного характера, а, наоборот, приобретает всеобъемлющий характер. И поэтому ему, чем он старше, тем легче работать — его опыт есть некая кладовочка. И как в шутку говорили мхатовцы, «взял с полочки образец характера номер 18 и сыграл. И роль учить не надо». Думаю, в этом есть свой резон. Но при этом человек себя не теряет. Если, конечно, он не уверует в то, что, например, свойства Ивана Грозного — это его собственные свойства, а не приобретенные. В нас столько заложено «зародышей», что это все может разродиться, возрасти! Думаешь, моя флотская юность — потерянное время? Ничего подобного — морское правило: один за всех и все за одного — это чисто театральное правило. Поэтому, Андрюшка, я так сурово относился к тому, что ты срывал репетиции. Конечно, поэтому я мог сказать руководителю театра «Приют комедианта» Виктору Минкову, чтобы он высчитал из твоей зарплаты стоимость аншлага, когда по твоей вине был отменен спектакль. И он высчитал. А потом спросил: «Дядя Ваня, что мне делать? Я не могу рассчитывать на Андрея». — «Не можешь рассчитывать — увольняй!» Я был непреклонен. И когда Геннадий Михайлович Опорков, обожавший тебя театральным режиссер, спросил меня: «Иван, что мне делать с твоим сыном, если он не признает распорядок дня театра?» «Что, ты не знаешь, Гена? Гони!» Иного отношения, сынок, к твоим поступкам у меня быть не могло. Я прекрасно знаю, что такое театр. Ты, между прочим, тоже это знал. Ты ведь знал, что из-за конфликта с художественным руководством театра я не мог себе позволить ни малейшего нарушения дисциплины. У меня ведь и этот «стерженек» еще был, и это правило, эта «пружинка». Потому что люди, с которыми я был в принципиальном конфликте, только и ждали, чтобы я сорвался, чтобы меня прижать. Нет, сынок, это театр. Тут такие вещи не проходят. Но самое главное — не страх должен быть, а понимание того, что такое театр. Раз пошел на службу в театр — служи в нем, как в церкви! Потому что здесь твои и душа, и тело, и разум, и воля, и дух. Все, все там! А в общем-то это достоинство человека.

Ты накапливал мастерский опыт, не знаю, откуда что бралось, и все было очень органично. Помнишь наш разговор о Моцарте и Сальери? Ты говорил: «Да ну, какой там Сальери. Моцарт был убежден: как живешь, так и играешь». Это правильно, сынок. Это высший класс! Ты выходил на уровень превосходных актеров, но смог бы еще больше, если бы бережнее к себе относился.

Да, я носил в себе это ощущение беды, Андрюша. Мистика? Может быть... Я, когда с тобой начал

разговаривать, вспомнил одну историю. Однажды Володя Бортко предложил мне сыграть в «Бандитском Петербурге» страшного мерзавца Черепа, убийцу. Меня свалил инфаркт, но я не придал этому значения. Когда поправился и вернулся к работе, мне выпала роль мафиозного депутата в сериале «Коррупция», и я схлопотал сердечный приступ. И тут до меня дошло: «Э-э-э... Это же мне сигналы свыше: а зачем тебе эти негодяи, ты человек достаточно добрый? Зачем ты будешь себя переламывать?» И мне сразу как-то легче стало. С тех пор я физически чувствую себя лучше. Вот ведь какие интересные вещи бывают! А ты, сынок, всегда это понимал. Ты вроде бы никаких гадов не играл. Я думаю, что полновесные мерзавцы у нас с тобой не получились бы.

Ты появлялся на экране как лучик, который все освещал кругом. То доброе, что оставили в тебе мама, бабушка и, надеюсь, я, твой Па, было прочно. Потому что это настоящее. Человечное. Потому ты и не изменил себе за те годы «безвременья». Ты всегда оставался самим собой...

Помнишь, как ты написал мне на гастроли: «Папа! Все у нас будет хорошо, не правда ли?» Да, сынок, все будет хорошо!..

ВОСПОМИНАНИЯ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ ОБ АНДРЕЕ

У Андрея Краско было много друзей и людей, которые его любили. С кем-то он снимался в одном фильме или работал на сцене, с кем-то сидел за одной партией или шил джинсовые куртки, с кем-то ходил сдавать финансовый отчет в пароходство, дрался или бегал по лужам, с кем-то подписывал солидные контракты или устраивал веселые капустники... Кто-то обучал его самым разным вещам, кого-то учил он... Кто-то видел в нем своего лучшего друга, кто-то — коллегу по съемочной площадке, а кто-то — любимого мужчину или талантливого артиста... И не было ни одного человека, который сказал бы об Андрее что-то плохое. Его действительно любили, его считали добрым, открытым, надежным, талантливым, веселым и сильным человеком. Сильным потому, что судьбу его сложно назвать легкой. А какой она была, его судьба? Каким человеком был Андрей? Пожалуй, об этом могут рассказать только те, кто знал его лично.

К сожалению, поделиться своими воспоминаниями об Андрее смогли не все — помешали гастроли, съемки, какие-то другие обстоятельства. Но Андрей на них не в обиде — он знает, что настоящие друзья по-прежнему любят и ценят его.

Михаил Пореченков, актер

(фильмы «Агент национальной безопасности», «9 рота», «Солдатский Декамерон», «Спецназ», «Бандитский Петербург. Барон. Часть 2», «Особенности национальной охоты в зимний период», «Большая любовь», «Вовочка», «Трио», «Линии судьбы», «Ниро Вульф и Арчи Гуд вин», «Особенности национальной политики», «Менты. Улицы разбитых фонарей», «Грозовые ворота»; спектакли «Калигула», «Мнимый больной», «Смерть Тарелкина», «Белая гвардия», «Утиная охота» и т. д.)

Мы дружили с Андреем последние лет десять. Когда закончился проект «Агент национальной безопасности», мы, конечно, стали встречаться реже. Я знал Андрея еще до «Агента...». Так получилось, что в своей первой картине («Колесо любви») я снимался вместе с отцом Андрея — дядей Ваней. Мы сразу подружились с ним, много разговаривали. Тогда я впервые увидел Андрея и узнал, что он работает в театре, но лично знакомы мы не были. Помню, вокруг говорили, что он очень хороший артист.

А вообще получается, что я увидел Андрея намного раньше, но тогда еще не знал, что это он. Я учился в Польше, и нас все время водили в консульство и показывали разные фильмы российских режиссеров. Именно там я посмотрел фильм Дмитрия Светозарова «Псы» и в нем впервые увидел Андриюху. Картина произвела на меня шоковое впечатление, я не поверил, что это фильм русского режиссера. По тем временам таких картин просто не было! Поражало все: и сюжет, и съемки, и актеры... Андриюха сыграл в «Псах» одну из главных ролей. Я тогда подумал, что это не актер, что профессионального бандита может сыграть только какой-то специальный человек, который будет вести себя в кадре «по-живому». Не актер, и все: лицо не такое; ведет себя иначе; не видно, что он играет. Я снова подумал: «Как это так, непрофессиональные люди в фильм попадают, и так здорово, прямо на свое место. Надо же, чтобы типаж так совпал!» Но потом я понял, что Андрей все-таки актер, и это стало еще одним потрясением для меня. Он совершенно по-другому вел себя на экране, руководствовался другими принципами игры.

Когда нам выпало работать вместе, мы сначала долго друг к другу присматривались, настороженно. И вдруг поняли, что у нас много общего: одинаковое чувство юмора, мы разговариваем на одном языке, нам дороги одни и те же вещи, у нас схожие принципы в работе и т.д. Где-то после второй серии, когда мы с Андреем стали чаще появляться в кадре вместе, все уже поняли, что сложилась такая вот удивительная пара. Вообще же было две странных пары: двое начальников и двое подчиненных (то есть мы с Андриюхой).

В «Агенте...» у меня была серьезная роль, и Андрей сказал, что рядом должен быть человек, который будет все время шутить, совершать какие-то ляпы. У нас была очень хорошая, очень правильная

пара для этой картины, потому что Андрюха выглядел таким аляповатым, серьезным, в серьезном костюме, а я, наоборот, — несерьезный, в свободной одежде, но выполняю серьезную работу. Он же постоянно попадал в какие-то передряги и олицетворял собой комическую сторону картины. И это было здорово!

Андрюша очень ответственно относился к работе. Он выбрал для себя именно комичную линию в характере персонажа. Он хотел шутить в кино и дышать абсолютно легко. Ему это удавалось — он был на грани фола, ходил по тонкой линии, и это действительно было смешно и забавно. Андрей буквально купался в работе. Мы постоянно переписывали сценарий — шутки рождались тут же, по ходу съемок. Часто мы переносили в картину шутки и истории из нашей жизни. Если шутили вне съемочной площадки, то переносили это на площадку. Если посмотреть все серии «Агента...», то там сплошные случаи. Съемки были напряженными — фильм снимали в короткий промежуток времени.

Я всегда очень аккуратно отношусь к партнерам по съемочной площадке, стремлюсь, чтобы между актерами был нормальный человеческий контакт, иначе я не могу работать. Андрюшка тоже любил спокойствие на площадке. Никаких конфликтов с ним у нас не было. Единственное, мы спорили по поводу того, как отснять тот или иной эпизод. Андрюха говорил: «Давай снимем так», а я возражал: «Нет, давай лучше так». В конце концов мы снимали оба варианта и выбирали лучший. Андрей все время что-то придумывал, переписывал текст. Иногда я останавливал его: «Андрюха, здесь уже явный перебор». — «Да?» — спрашивал он и снова начинал переписывать. Здорово было с ним работать, очень здорово!

Я всегда говорил ему: «Андрюха, ты у нас - рептилия большая». — «Чё это я — рептилия?» — удивлялся он. Он все делал очень медленно и так же медленно разговаривал. Андрюха подшучивал надо мной: «Ну куда ты так торопишься? Давай останавливайся! Смотри на вещи с другой стороны, не торопись». Андрюха был само спокойствие. Он приходил на площадку с огромной кучей газет, журналов, стопками книг, разгаданными и неразгаданными кроссвордами. Кроссворды он разгадывал на раз-два-три, с огромной скоростью, как счетно-вычислительная машина. Постоянно носил баночки с лекарствами — Андрюха страдал астмой. В его одежде всегда было множество карманов. Такой забавный персонаж... Вот так мы и прожили почти семь лет — время, пока снимался «Агент...».

Мы встречались и на многих других проектах: «9 рота», «Грозные ворота». Нам удалось поработать и в театре, в спектакле «Смерть Тарелкина».

Особенно хорош Андрей был в фильме «72 метра», похож на себя. Он выглядел очень спокойным, особенно когда не был раздерган работой. Собранный, добрый, но достаточно жесткий. Его можно было бояться в работе, потому что он относился к работе очень требовательно. И, наверное, поэтому за его кажущейся немного неряшливостью скрывался собранный и цельный человек, очень умный и очень начитанный, серьезный. Поэтому лично мне так нравится его роль Янычара — она ему очень подходила. Что-то в ней было неторопливое и угрожающее, хотя Андрюха достаточно добрый человек. И к тому же очень щедрый.

В последнее время у него было много работы и, наверное, благодаря этому он испытывал счастье. Он говорил: «Ну наконец-то я могу поработать!» Самое главное в его жизни — работа, и он этого не скрывал. Без работы ему было совсем тяжело. Он не умел справляться с жизненными неурядицами, которых у него хватало. Все, что происходило вне работы, ему было тяжело делать. Андрей не был жестким человеком в жизни, а мог только сыграть такого человека, мог быть таким в кино. Пожалуй, из-за того, что в жизни он не умел что-то делать, у него это хорошо получалось в кино. Все, что он не успевал доделывать в жизни, он осуществлял в кино. Он жил в кино! Между фильмами у него было как бы ожидание жизни, сама же жизнь заключалась в кино. Ему это нравилось, он наслаждался этим ощущением. Поэтому все свои слабости и какие-то проблемы он предпочитал решать именно в кино. Я думаю, что сейчас там он тоже снимается...

Творческим людям очень сложно наладить личную Жизнь. Все творческие люди непростые, с ними нелегко. Личная жизнь, так или иначе, связана с работой. Рядом нужен человек, который понимает тебя и поддерживает во всем целиком и полностью. Нас не надо вдохновлять на работу, мы и так трудоголики. Нас, актеров, нужно, наоборот, тормозить, останавливать. Иначе Просто сносит крышу. Поэтому рядом нужен человек, который будет в тебе растворяться, будет заполнять существующий вакуум, чтобы ты не был оторван от нормальной жизни. Актер просьбу сходить, к примеру, в магазин или сделать еще что-нибудь бытовое иногда воспринимает как нечто неестественное. Куда уж тут идти за хлебом, когда все твои мысли — о работе в кино. Так что с актерами очень сложно... Андрей, по-видимому, нуждался в человеке, который будет понимать и поддерживать его во всем, жить его

интересами. Человек, рядом с которым можно «ждать момента жизни в кино». Как мне кажется, Андрею нужно было пережить время до начала фильма, то есть промежуток между съемками. Прожил в кино одну жизнь, пережди и начинай новую. Примерно так. И вот тот вакуум, период ожидания, кто-то должен был заполнять. Почему не складывались предыдущие браки Андрея, сказать сложно. Может быть, потому, что он все время менялся. Сегодня он был одним, завтра становился другим. Менялся не только как актер, но и как человек. Каждая роль накладывает определенный отпечаток на человека, каждая прожитая жизнь в кино дает о себе знать. Андрей взрослел, менялся, становился другим, приобретал какие-то новые привычки, отказывался от старых. В нем появлялось что-то новое, с чем, может быть, некоторые люди не хотели мириться, соглашаться. И в кино мы видим его таким странным, немножко шероховатым, как бы неприглаженным. Но именно в этой шероховатости и весь интерес. Думаешь: «Что же это за человек? Что же он собой представляет?» Он всегда был таким непонятным, неоднозначным. Как ракушка: вроде бы он закрыт, мало разговаривает, все время подшучивает над людьми. Он никогда не раскрывался полностью, не выставлял свой внутренний мир на всеобщее обозрение. У Андрея были какие-то свои отношения с Богом, свое понятие любви и т.д. Андрюха относился ко всему с юмором. Он зарабатывал деньги и сразу же их тратил на всякую ерунду, ни о чем не задумываясь. Делал всем подарки. У него не было желания создать некую «крепость»: дом, быт и прочее. Ему было и так хорошо... Главное, чтобы дул ветер с моря... Помню, мы снимали один из эпизодов в Судаче. Андрюха стоял на горе, обдуваемый ветром, он был счастлив. Андрюха сказал: «А что еще надо? Есть горы, свежий ветер с моря, любимое занятие, друзья рядом!» Он как человек на горе — сидит и наблюдает за всеми, за природой, как она на него действует. Вот такой он был человек! Ему не нужно было знать какие-то сплетни или новости, не нужны были кресло или стул и т. д. Ему нужен был весь мир, чтобы он стоял так, обдуваемый ветром мира. Он легко дышал, абсолютно легко, несмотря на все проблемы, которые были у него со здоровьем. У многих этого нет — они здоровы, но еле ходят, не могут поднять голову. А ему было все равно. И с людьми он общался легко. Если чувствовал, что что-то несправедливо, то говорил об этом прямо. Кто-то делал плохо, он так и говорил: «Это плохо».

Я очень много наблюдал за Андреем, многому у него учился. Даже воровал многие вещи, но это нормально (я имею в виду какие-то актерские секреты). То долгое время, что мы были вместе, конечно, сильно повлияло на меня. С ним никогда не было проблем, он был готов выручить меня в любую минуту. Обычно люди оправдываются: «Вот, у меня там то-то и то-то, я не могу» и т. д. Андрюха не относился к их числу. В силу того, что у него ничего не было, он так жил — *свободно*. Внешне он тоже создавал впечатление, что у него ничего нет. Эта его любимая куртка с карманами, штаны с таким же количеством карманов, — казалось, что у него весь мир по карманам рассован. И еще любимая машина. Все, больше ему ничего и не нужно... Я мог позвонить в любое время. Андрюха тут же откликался: «Куда приехать? Давай я приеду, нет проблем! Я ничем не занимаюсь. Надо помочь, я помогу» и в том же духе. Человек, у которого мир в карманах... А все остальное не существует. Он был свободным внутри себя, не держался ни за что никакими крючками. Строится дом — ну и пускай строится. Только начал строить дом, как снова уехал в Москву. И бросал не из-за того, что ему не хватало силы воли или чего-то еще, а потому, что не мог сидеть на месте. Тяжело ему было. Воздуха не хватало.

Творчество для него было всем. Он мог сниматься даже бесплатно. Я иногда удивлялся, имея в виду его роли: «Андрюха, чего ты набрал?» — «Да вот, ребята попросили. У них все равно денег нет». Он не устанавливал себе какую-то ставку, соглашался на ту сумму, что ему платили. Не было такого, чтобы он заявлял: «Ниже этой ставки я работать не буду». Он не торговался и не умел этого делать. Ему нравились какие-то маленькие эпизодики, из которых можно было сделать «бриллианты»: раз блеснул, и все. Он все делал спокойно, и ничто его не держало. Платили деньги — хорошо, не платили — ну и не надо. Ему нравилось работать, без этого он жить не мог.

От других актеров Андрея отличала абсолютная естественность в кадре, то есть он играл не напрягаясь, как будто бы с некоей ленцой. Но он вовсе не ленился. В нем была масса внутренней энергии, которую он выдавал как бы порциями, очень экономно. И когда все ожидали какой-то развязки, он выполнял ее блестяще. Он мог молчать в кадре, и все думали: «Что же скрывается внутри этого человека?» Как я уже говорил, он был коробочкой, ракушкой, в которую было интересно заглянуть. Он давал смотреть на свой внутренний мир через замочную скважину своего сердца. Когда он раскрывался, все восклицали: «Елки-палки, что же там происходит!» — «А вот что происходит, то и смотрите», — усмехался Андрюха и тут же закрывал коробочку.

Андрюха обладал, если можно так выразиться, голосом на правду. Он хорошо чувствовал текст, замечал фальшь и несостыковки. Поэтому каждый раз вносил какие-то изменения в сценарий. Он «переставлял кубики» для того, чтобы получалась та правильная, по его мнению, картинка, и в конечном итоге она оказывалась единственно верной. У него был потрясающий режиссерский талант. Жаль, что он не успел его реализовать.

Мы дружили семьями, встречались все вместе в свободное время, ездили на дачу. Тот промежуток времени (съемки сериала «Агент национальной безопасности». — А. В.) мы были как одно целое, как два брата-близнеца.

Он имел свое представление обо всем. Бывало, я говорил ему: «Андрюха, ты как рептилия двигаешься. У тебя старомодные понятия». — «Ничего ты не понимаешь! Это у тебя старомодные понятия, — возражал он и добавлял: — У меня есть чувство прекрасного». По ритму, по темпераменту мы были абсолютно разные люди и поэтому всегда дополняли друг друга. Кстати, мы оба любили оружие. Мы подарили друг другу столько ножей! Каких только ножей у него не было! И все время он их куда-то рассовывал: то там они у него лежали, то еще где-то. Помню, мы хвастались друг перед другом: «А я вот какой себе нож купил!» — «Ну и что? А я — вот какой!» Мы часто подходили к витрине оружейного магазина и рассматривали ножи, дарили друг другу книги о холодном оружии. Вот такая у нас была привычка, страсть — одна на двоих...

Недавно я вернулся со съемок «Ликвидации» — там Володя Машков развесил по всему вагончику фотографии Андрея. Я никак не могу поверить, что его больше нет. Такое впечатление, что он просто уехал куда-то на съемки. Я вижу повсюду его фотографии, о нем спрашивают люди, берут у меня интервью... А я думаю: «Ну вот, уехал Андрюха на другие съемки, снимается сейчас в другой картине. Придет время, я буду посвободнее, он будет посвободнее, и мы обязательно встретимся». Рано или поздно это, конечно, произойдет...

Кстати, в «Ликвидации» я играю плохого человека, и по сценарию именно я стреляю в Андрюху. Когда он открыл сценарий, прочел и спросил, кто играет его убийцу, он сказал: «Что? Мишка меня убивает? Не может такого быть! Да никогда он меня не убьет! Приедет, я ему устрою!» И он все ждал, когда я приеду, чтобы отснять этот эпизод. Но сначала отсняли Андрюшины эпизоды, а потом должны были снимать мои. Мы так и не встретились. Андрюха был прав...

|

Валерий Левушкин, артист, руководитель театра «Бим-Бом», продюсер спектакля «Новые русские мужики, или Мужчины на час»

Впервые я увидел Андрея в сериале «Агент национальной безопасности». Я посмотрел много серий, Андрей мне очень понравился. Конечно же это было задолго до того, как я решил сделать с ним спектакль.

Когда готовился спектакль, я раздумывал: кто же будет одним из трех главных героев? Решил найти Краско. Он в это время как раз оказался свободен и прилетел в Москву.

Почему мой выбор пал на него? То, что Андрей — великолепный актер, даже не обсуждается. Он мог сыграть все: и комедийные роли, и трагедийные. Именно поэтому я выбрал его. Как он сыграл майора Краснова в «Агенте...»! Он был великолепен в этом образе! Его образ вмещал в себя детали серьезности и вместе с тем комедийности, гротеска. При этом он не использовал никакие штампы, он просто играл самого себя, четко представляя, что он — майор *нашей*, российской службы безопасности. В роли Янычара в фильме «72 метра» Андрей вообще сыграл гениально, очень проникновенно! А вспомнить эпизод в «9 роте», когда он выходит в финале на полторы-две минуты!.. Его эпизод — венец всей картины.

Можно сказать, что наши дружеские отношения начались со встречи в аэропорту. Как-то так непроизвольно получилось, что мы сразу же сдружились. Во-первых, мы близки по возрасту. Во-вторых, оба достаточно компанейские. Отличия, пожалуй, заключались в том, что он сильно выпивал, а я — нет. Это послужило ему поводом подтрунивать надо мной.

Потом получилось так, что наше с ним знакомство совпало с новым поворотом в его личной жизни. По контракту я должен был предоставить Андрею квартиру в Москве (он приехал в Москву не на один-два дня, а на пять-шесть месяцев). Видимо, я был одним из первых, с кем он познакомил свою новую гражданскую жену - Свету Кузнецову. Познакомил открыто, не стесняясь. Я ничего не знал о личной жизни Андрея и был для него, так сказать, белым листом. Я подружился со Светой — она тоже

очень компанейский человек. Мы часто встречались все вместе, почти каждый день (за исключением тех дней, когда Андрей уезжал на съемки), вместе ездили отдыхать. Когда я впервые увидел Свету, подумал: какой веселый белый мышонок, все время щебечущий... Главное, что они нашли друг друга и были все это время счастливы, и я могу это подтвердить.

Андрей любил Свету, а Света любила его. Весь тот период времени, что я за ними наблюдал, они были очень счастливы. Доподлинную историю их знакомства я точно не знаю, но знаю, что впервые они встретились где-то на съемках, как это обычно бывает у актеров. Как правило, складываются какие-то компании, люди находят друг друга, появляются общие интересы, общие темы для разговора. Иногда это перерастает в романы, иногда — в дружбу. В их случае это переросло в роман, и, как нам всем казалось, в перспективе — роман с очень хорошим, счастливым концом. Я не знал предыдущих женщин Андрюши, но я видел, как он был счастлив со Светой. Их большая разница в возрасте вовсе не ощущалась. Часто, когда зрелый мужчина влюбляется в молодую девушку, в его жизни многое меняется: меняется мироощущение, появляются новые интересы, вкус к жизни.

Они сразу влюбились друг в друга, а за что, почему и т.д., уже не важно. Света везде сопровождала Андрея, была его правой рукой, помогала решать какие-то рабочие вопросы. Она выполняла некоторые административные функции автоматически, никто на нее их не вешал — они входили в ее жизнь совершенно естественно. Живя вместе с Андреем, она, разумеется, была в курсе всех его дел, общалась с продюсерами, режиссерами, друзьями Андрея.

Андрей собирался жениться на Свете, хотел создать семью. Он сделал ей предложение и обратился ко мне как к другу и администратору с просьбой ускорить процесс регистрации брака. Я договорился в одном из ЗАГСов, что их распишут максимально быстро, тихо (Андрей поставил условие, что все должно быть в тайне, без шума, без вмешательства прессы и кого-то там еще). Андрей отдал мне паспорта, но в этот момент у него вдруг произошел небольшой срыв, и Света сказала: «Нет! Я не выйду за тебя, пока ты не перестанешь пить». Другими словами, она по-женски закокетничала. Может, это бы ничего и не испортило, если бы им не нужно было улетать то ли в Америку, то ли куда-то еще, — срочно потребовались документы. Разумеется, мне пришлось вернуть паспорта. Я не знал, что делать: назначать день регистрации или не назначать. В итоге все застопорилось, ну а финал...

Вместе они прожили чуть более двух лет. Это был не очень долгий период, но очень бурный, не планирующий резкой смены жизни. Никто не ожидал, что получится *так*... Сейчас Свете очень тяжело, она потеряла самого близкого человека. Трудно начинать что-то заново, с большущим рубцом на душе...

Света поддерживала Андрея, способствовала его творческому росту, вдохновляла его. Любимая женщина для творческого человека — это муза. Если бы она не справлялась с этой ролью, она была бы ему в тягость, и никакие личные чувства уже не могли бы ничего изменить. Если бы он ее не любил, то рано или поздно сказал бы «До свидания»... Но с каждым днем они сближались еще больше, и я говорю это абсолютно точно, потому что виделся с ними практически каждый день. Квартира Андрея располагалась рядом с нашей конторой, поэтому не составляло труда встретиться после работы, поболтать, куда-то пойти. Свободное время мы проводили стандартно — шли в какой-нибудь ресторан и т.д. Однажды мы с Андреем играли в карты, и он проиграл мне все, что только можно, — на этом наше увлечение картами закончилось.

У Андрея было потрясающее чувство юмора, с ним всегда было интересно. Он мог позвонить мне среди ночи и предложить покататься по городу. Как-то он поспорил со мной, что я не смогу вести его машину, как он, потому что на моей стояла автоматическая коробка передач, а на его машине — механическая. Мы поменялись машинами. Андрюха увидел, как я справляюсь с его машиной, и сказал: «Ну ты ас!»

А еще помню, как он позвонил мне (снова посреди ночи) и пожаловался, что его остановили гаишники, а он выпивши. Я подъехал к указанному месту, Андрюха сидел в машине. А гаишники уже поняли, кто внутри, и им не нужно было ничего, кроме автографа. Я сказал Андрею: «Пересаживайся в мою машину, а гаишники поведут твою. Пригласи их к себе домой и подари каждому по фотографии с автографом». Когда мы подъехали к дому Андрея, он попросил у меня 500 долларов. Я не стал спрашивать зачем и просто дал ему нужную сумму. Потом он объяснил мне, что подарил гаишникам не только свои фотографии, но и дал им по 250 долларов. Вот такой он был!

К сожалению, Андрей мог абсолютно спокойно выпивать, не обращая внимания на мои бурчания. Я постоянно возмущался: «Да что ж ты делаешь? Да разве так можно?» Стакан из рук я, конечно, не вырывал, но если Андрей доходил до состояния, когда уже было невозможно не вмешиваться, я был

более активен. Я находил врачей и т. д. Но такие критические периоды случались редко. Мне кажется, с пристрастием Андрея ничего нельзя было сделать, нельзя было изменить его, запретить ему что-то. И в мою, и в Светину жизнь он попал уже таким, какой есть. Так что изменить его было практически невозможно. Хотя постепенно он, конечно, менялся. Он понимал, что уже возраст, что к нему пришла та слава, от которой нужно получать удовольствие... Постепенно он приходил к осознанию, что ту успешность, которую он заслужил тяжелым актерским трудом, надо воплощать в состоянии бытия, то есть в приобретение какого-то жизненного комфорта.

Я всегда говорил ему: «Андрюша, ты достиг того, чтобы получать от жизни удовольствие. Ты должен получать удовольствие, должен перестроиться». Наверное, мои слова как-то на него влияли. В последние три-четыре месяца он пил намного реже, стал задумываться о каких-то бытовых вещах: купить квартиру и т. д. То есть начал психологически перестраиваться. Я думаю, что, если бы не эта одесская тусовка, все могло бы быть по-другому. Я не знаю подробностей, но для меня картина выглядит так: Андрей приехал на съемки в Одессу, встретил там старых друзей, и, как говорится, они это дело отметили. Света не смогла воспрепятствовать... Иногда Андрей был неуправляем. За последнее время первый срыв у него произошел после кинофестиваля «Виват кино России», а через три дня он уже летел в Одессу. В Одессе были плохие условия, жара.

Если в Москве он мог сниматься, а потом отдыхать где-нибудь в машине с кондиционером, то там, в поле, это было невозможно. От жары, от солнца Андрею стало плохо. Этого никто не ожидал. Андрей просто не рассчитал свои силы...

Света позвонила мне в полпервого ночи и сообщила о случившемся. Я обзвонил всю прессу... Насколько это было возможно в ее состоянии, Света рассказала мне, что Андрея сначала повезли в одну больницу, затем в другую и т. д. Тут же возникает масса вопросов по поводу медицинской страховки: что за страховка у них была по контракту, и кто должен был курировать этот вопрос? Можно было бы, конечно, подать в суд, выяснить, почему не были приняты те или иные меры. Но теперь это бессмысленно.

С Андреем у нас было множество творческих планов. Мы даже хотели делать проект под названием «Антреприза Андрея Краско». В нашем спектакле он проявил себя не только как актер, но и как режиссер, поэтому мы решили сделать еще два спектакля. Но потом репетиции пришлось приостановить, поскольку летом у Андрея был насыщенный съемочный период — он снимался сразу в нескольких фильмах. Мы перенесли репетиции на осень, но... Кстати, Андрей очень хотел, чтобы в спектакле «Мужчины на час» играл Михаил Боярский. Я сказал об этом Боярскому, предложил ему участвовать в спектакле в память об Андрее, но он отказался... Спектаклю «Новые русские мужики, или Мужчины на час» предрекали смерть вместе со смертью Краско. Мне даже говорили, что ни один артист не захочет играть роль Андрея, потом меня начали пугать «страшилками» о том, что никто не захочет работать с продюсером, у которого умер актер, и т. д. Но спектакль по-прежнему идет — идет в память об Андрее...

Я никогда и никому не говорил этого раньше. В последние полгода мы вплотную занимались здоровьем Андрея — то у него одна болячка, то другая. За месяц до случившегося он поехал обследоваться к одному очень серьезному врачу. Было это в начале июня. Андрей обследовался, сказал, что врач посоветовал ему сделать то-то и то-то. Но когда наши общие с Андреем знакомые стали выяснять у врача, что к чему, то врач категорически сказал: «Не жилец ваш Краско». Андрей этого не знал...

Владимир Вардунас, друг детства, кинодраматург
(автор сценариев к фильмам «Агент национальной безопасности»,
«Праздник Нептуна», «Фонтан», «Окно в Париж» и др.)

Последние годы мы с Андреем встречались редко, а выросли вместе. Жили в одном доме, только в разных подъездах, и почти не расставались. То я к нему в гости ходил, то он ко мне. Вопреки запретам, бегали на «болото» — был у нас в Невском районе такой пустырь, где можно было ловить в карьере тритонов, плавать на старых матрасах, отталкиваясь шестами от дна, находить всякую всячину, в общем, романтическое место.

Андрей Краско (фото В. Турецкого)

Андрей с мамой Кирой Васильевной в Вартемяках

Отец и сын

Андрюше 10 месяцев (июнь 1958 года)

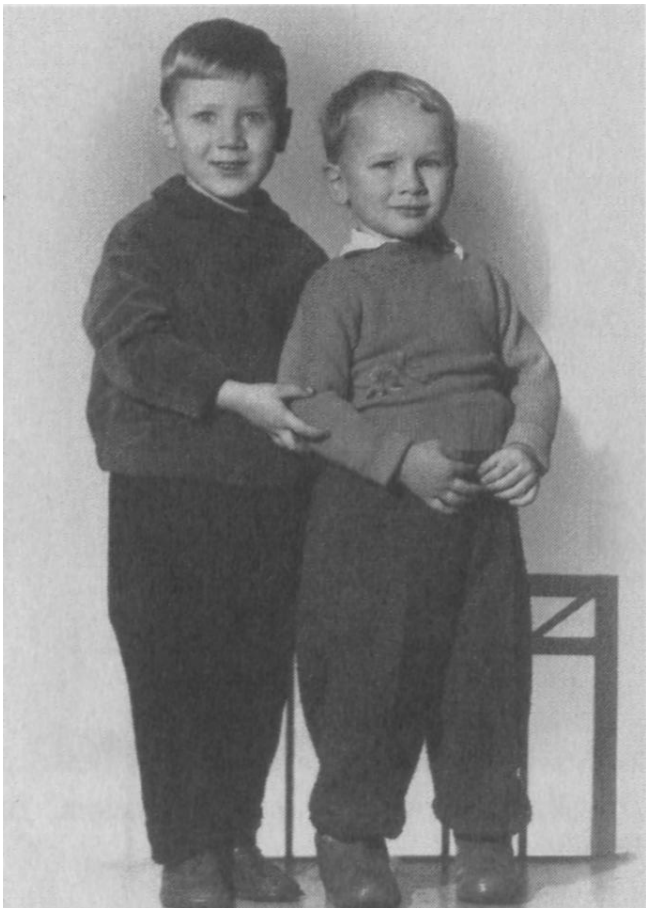
Маленький Андрюша Краско

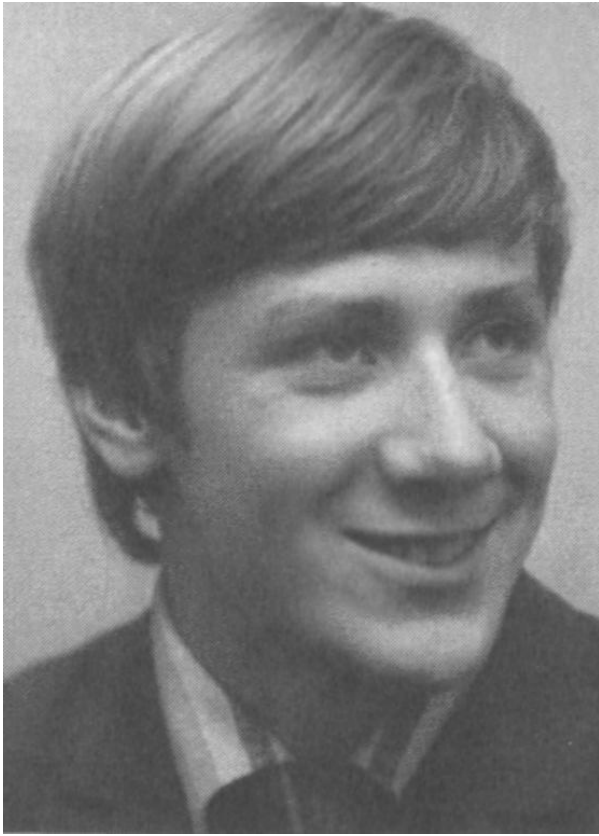
Детсадовский период: Андрюша Краско в костюме зайца

Андрей с подружками

Маленький Андрей с другом

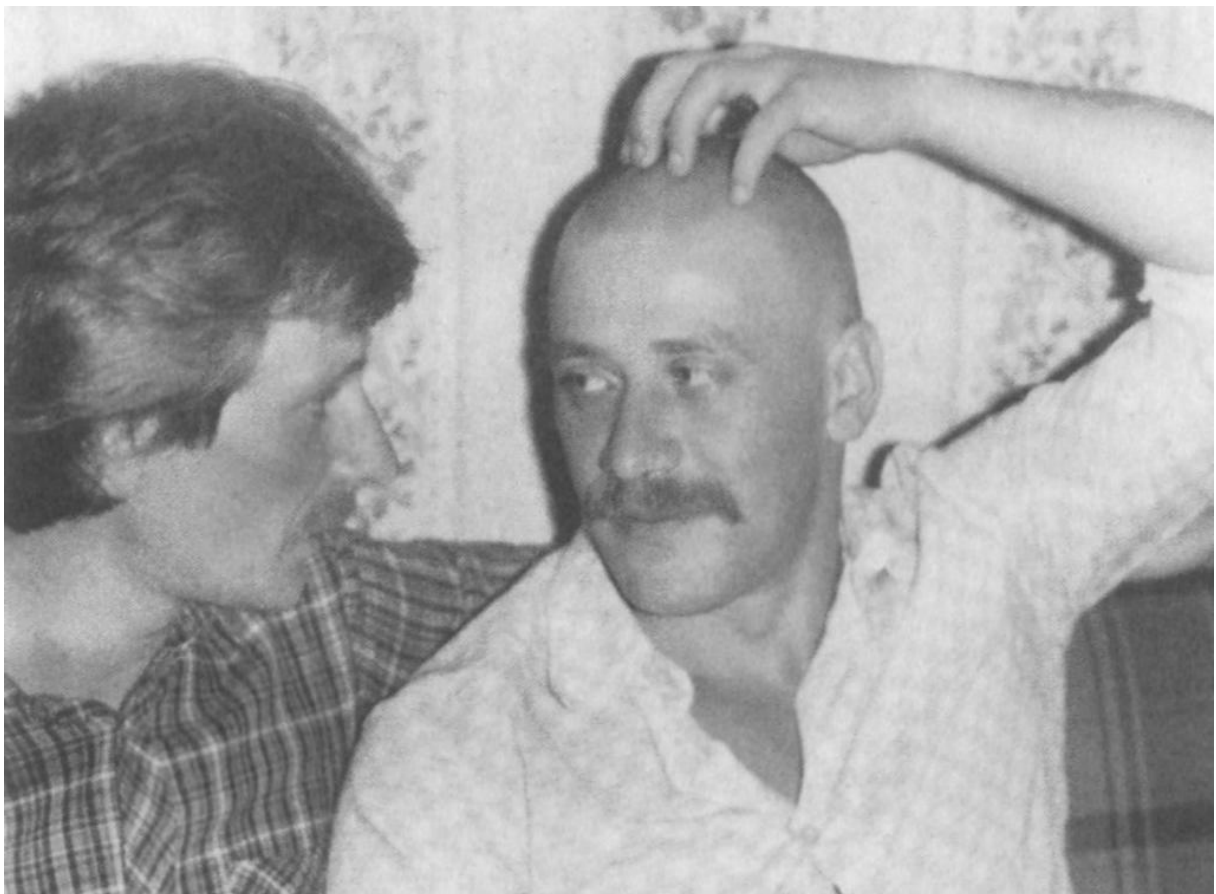
Позади школа, а впереди целая жизнь!

Друзья детства: Андрей Проничев, Владимир Вардунас, Андрей Краско

Андрей Краско и Владимир Вардунас — друзья с детства...

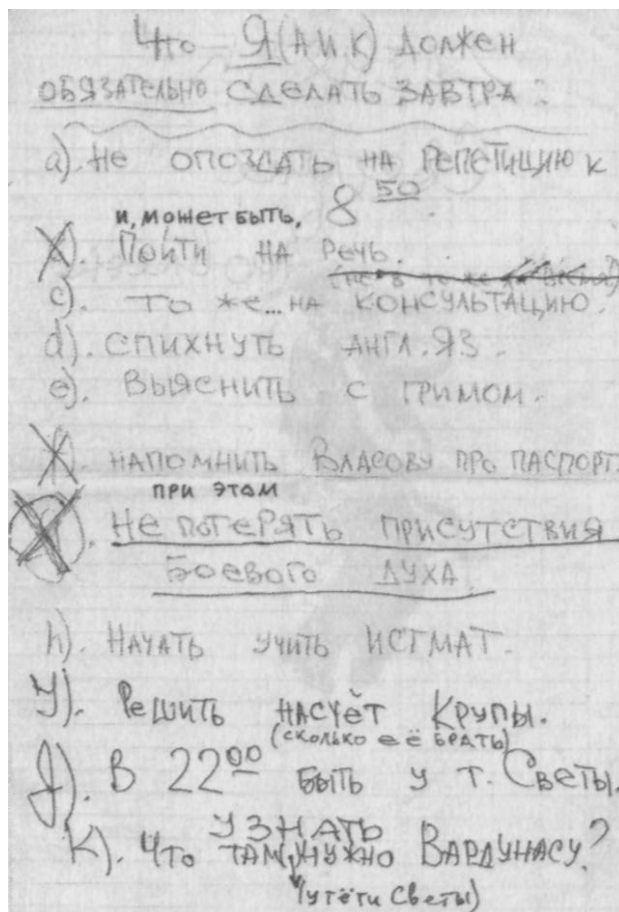
...и на всю жизнь!

Студенческие годы

Рядовой Андрей Краско

План, составленный студентом Андреем Краско

Он из поколения романтиков...

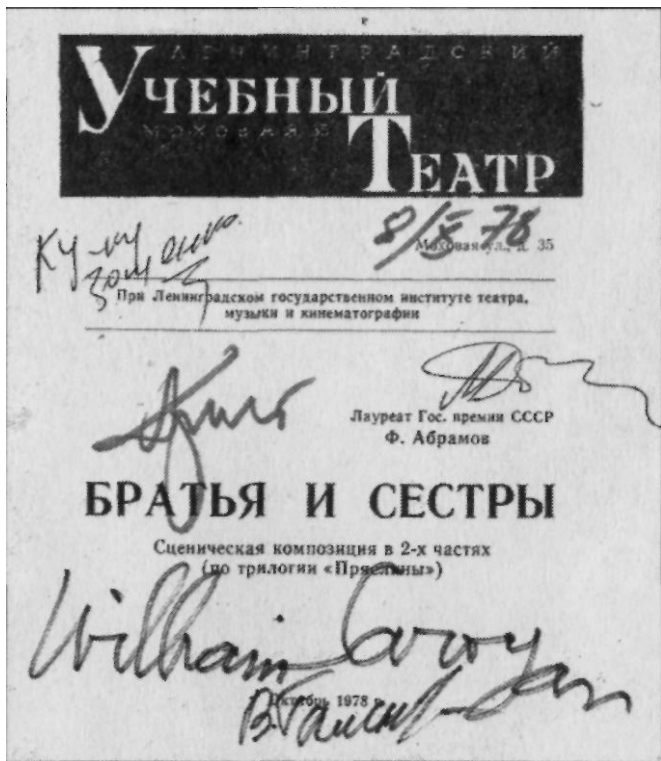
Андрей: «Я - памятник себе...»

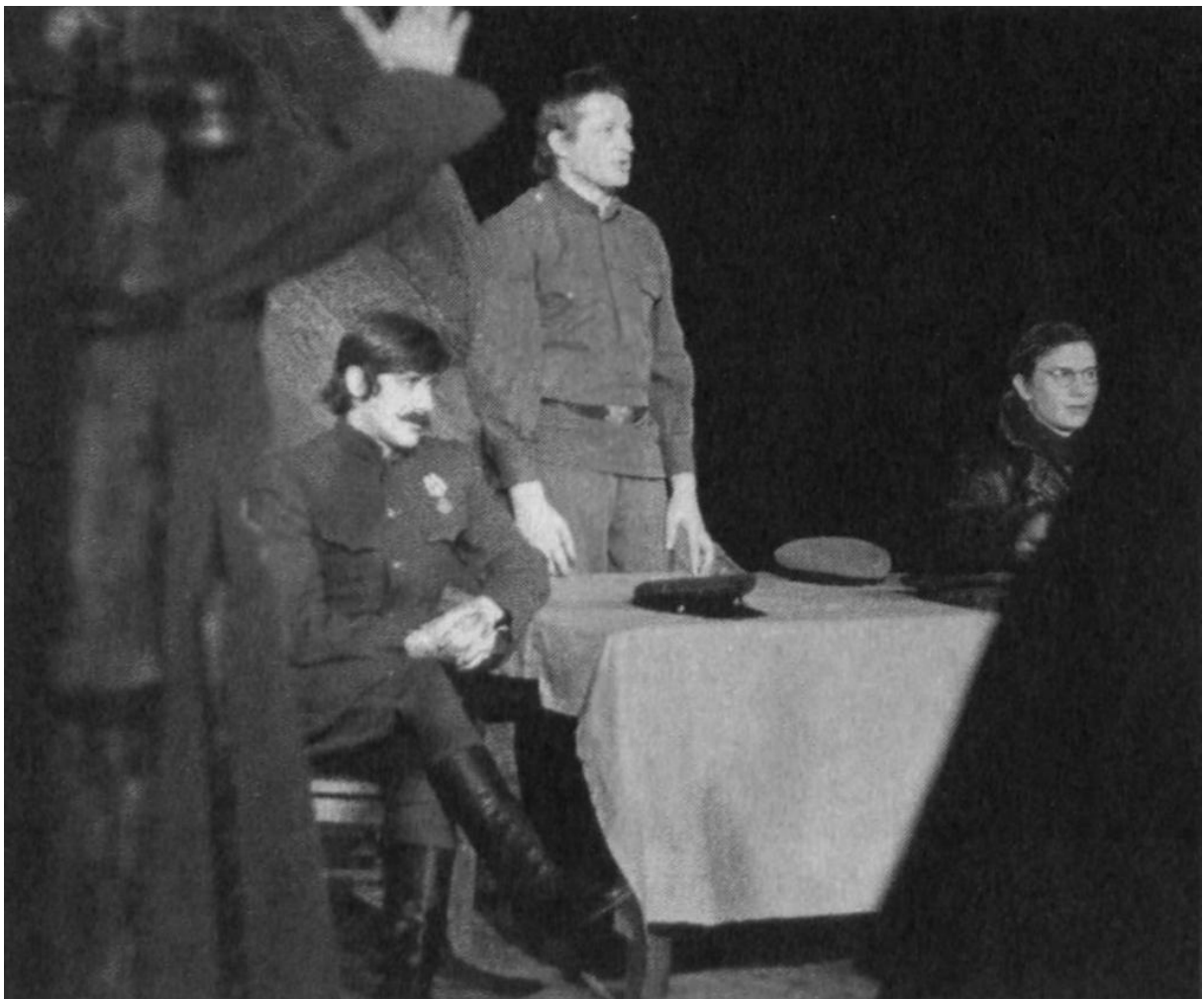
Курс А. Кацмана и Л. Додина, на котором учился Андрей

Однокурсники Андрея на одном из творческих вечеров

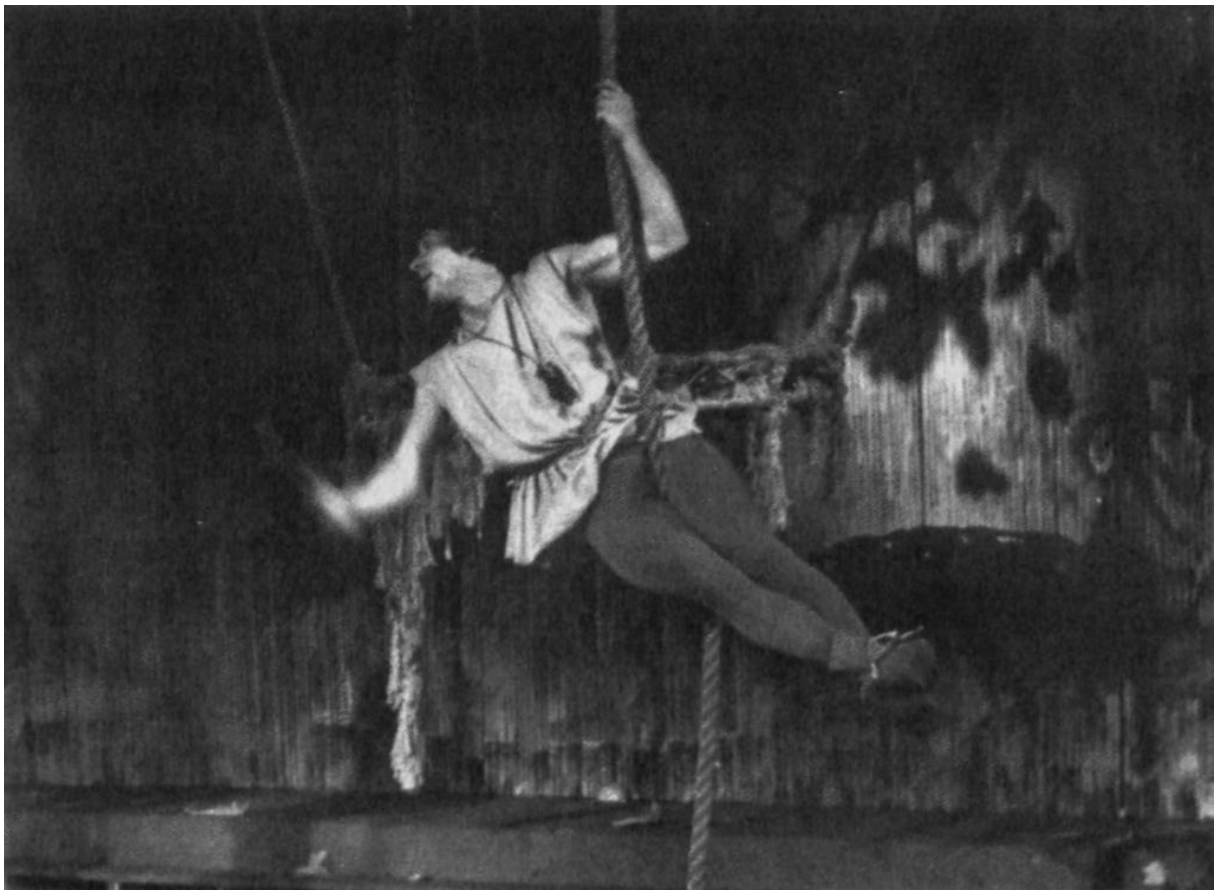
Программка выпускного спектакля

Сцена из студенческого спектакля

Иван Ургант, Андрей Краско с однокурсниками на студенческом мероприятии

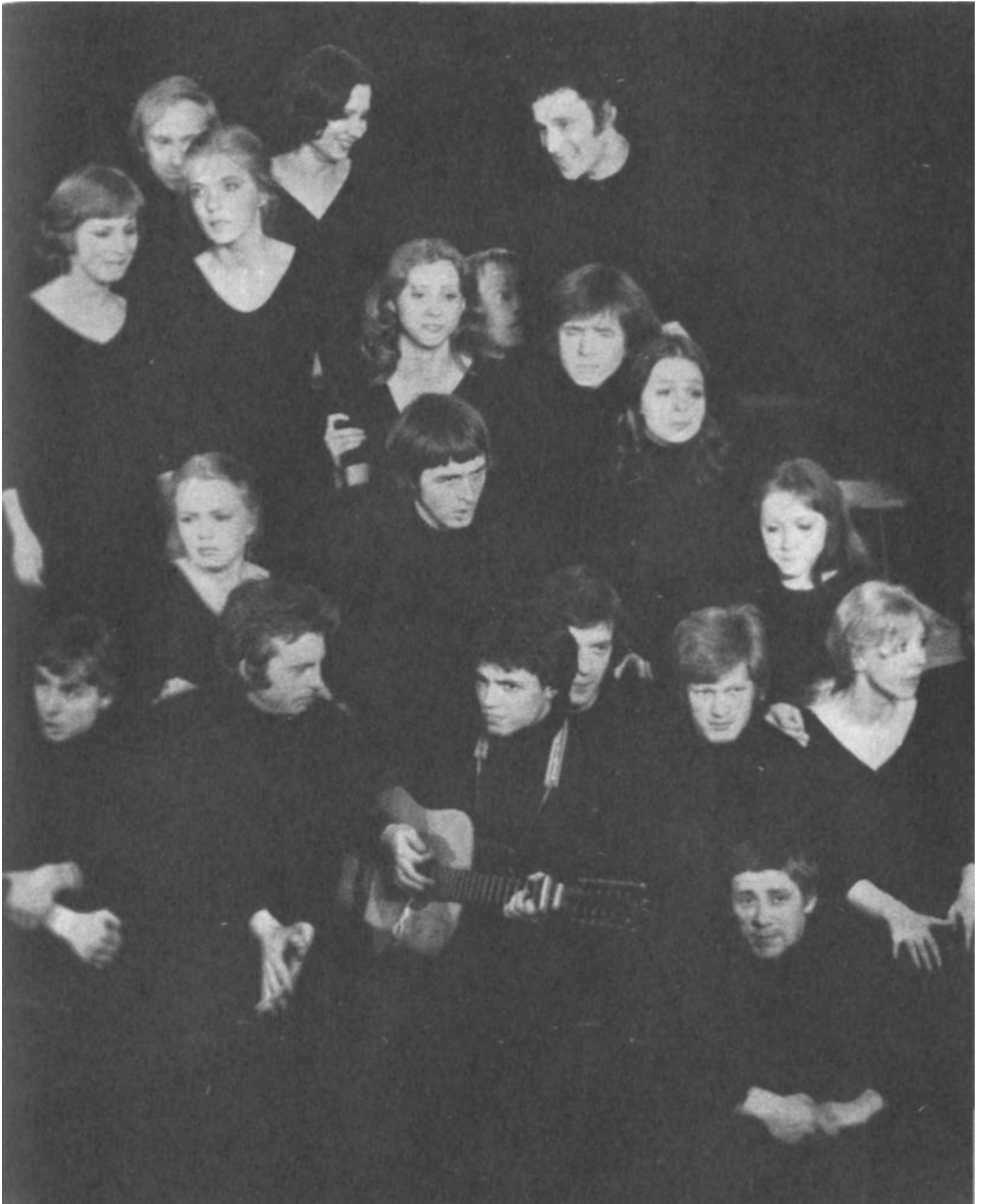
Андрей Краско в сцене из студенческого спектакля

Андрей Краско с однокурсницей Еленой Соловьевой, сцена из спектакля

Андрей. Фотография студенческих лет

Курс А. Кацмана и Л. Додина, на котором учился Андрей

Кочевая актерская жизнь

Наверное, то, что закладывается в детстве, остается на всю жизнь. Мне вспоминаются некоторые «вспышки» из детства. У Андрюши есть двоюродный брат — Дима. Дима был младше нас и, естественно, не понимал всех тонкостей игры в солдатики. Поэтому мы отправляли его «в космос». То есть попросту сажали на два часа в шкаф. Пока Дима «летел на Марс», мы играли, а когда он «прилетал», начиналось целое представление. Мы переодевались в какие-то немыслимые костюмы из гардероба родителей Андрея и встречали космонавта, как инопланетяне. Игра всем нравилась. И Диме в том числе — иначе почему он послушно летал по четыре часа туда-обратно...

А вот еще один случай. Сидим под домом, с маленького карниза капает дождь. Андрюху обидели. Не знаю кто, но кто-то из старших мальчишек во дворе. На Андрюхе новая шапка — красная в белый горошек. Шапка мне не нравится. Но я хочу приободрить друга. «Хорошая у тебя шапка», — говорю я. Андрюха шмыгает носом, утирает слезы: «Ага, мне самому нравится. Мамка купила в Гостином». Вроде полегчало. Плакать перестал, помолчали, говорит: «Но второй такой нет, мамка последнюю купила...»

...А однажды устроили «дружескую драку». Все дерутся, а мы не умеем. Давай тренироваться: устроим «дружескую драку» — понарошку. Сказано — сделано. Стали драться. А как драться понарошку? Конечно, разодрались всерьез. Андрюха меня повалил, сел сверху и замахнулся. Я с испугу ватными руками его пару раз стукнул. А он так и не ударил. Потом он мне признался, что никогда не мог ударить человека по лицу. А играл сильных и мужественных людей. Но Андрюшина доброта во всех его героях присутствует. Зрители это подсознательно чувствуют, и за это его, наверное, все и любят.

В одной из серий «Агента национальной безопасности» (кажется, «Цветы жизни») Краснов (Андрей Краско) рассказывает Лехе (Михаилу Пореченкову) о своем детстве. История про фанерку — реальная. Игорь Агеев (соавтор сценария. — *А. В.*) заметил, что у Андрея в этой сцене взгляд лукавый. Ситуация эта была на самом деле. Когда мы в детстве возвращались домой, все грязные, бросали жребий, к кому идти первому. Когда приходишь в компании, не так ругают, но потом предстоит возвращаться одному. Я посоветовал Андрею подложить в штаны фанерку — мама шлепнет ремнем, а больно не будет. Мама шлепнула Андрея по квадратной попе, увидела фанерку и рассмеялась. Эта сцена есть в фильме.

Много всяких приключений было — решили даже книгу об этом написать. Скопили на школьных завтраках денег, купили красивый блокнот в кожаном переплете, бумага мелованная. Теперь нужно придумать название. Думали, думали: одно название лучше другого, а ошибаться нельзя, бумага красивая — не исправлять же потом. Спорили, спорили — так название и не придумали. А какая книга без названия? Вот и нет книги...

Потом я уехал в Германию на полтора года (отец был военным). Скучал по друзьям. Переписывались. Андрей написал, что он и наш общий друг Андрей Проничев, ныне технический директор Мариинского театра, записались в Театр юношеского творчества (ТЮТ). Андрей сообщал, что им уже дали роли в спектакле, он играет петушка, а Проша (прозвище Проничева) — поросенка. Я взвыл от тоски. Вот, думаю, люди там делом занимаются, а я тут прозябаю на чужбине. Позже, вернувшись из Германии, я тоже поступил в ТЮТ. Мы играли с Андреем в одном спектакле: назывался он «Все мы и бульдозер». А Проша светил — попутно мы все занимались в осветительском цехе...

После восьмого класса Андрея перевели в математическую школу. Почему — для меня до сих пор загадка. Учителя считали, что у него математические способности, а актерские — у меня. Когда я выходил к доске, смеялся весь класс. Но артистом стал Андрюха. Кстати, наш класс — все, кто учился тогда в 329-й школе г. Ленинграда, — до сих пор собирается. Собрались и на кладбище, Андрюшу проводить.

Я смог приехать только на сороковины. Узнал о смерти Андрея на острове Тенерифе, уже после похорон. Запил на неделю. До сих пор не верю, что Андрея нет...

Когда я закончил Высшие курсы сценаристов и режиссеров при Госкино, после «Праздника Нептуна» и других сценариев все пытался написать какую-нибудь хорошую роль для Андрея, но как-то не получалось. Режиссеры выбирали на эти роли других актеров. У каждого режиссера свое видение, и когда говоришь, что это не только хороший актер, но и твой друг, возникают подозрения. Ага, своего пристраивает. И берут другого. Совпадение произошло на сериале «Агент национальной безопасности». И я, и мой друг, однокашник и соавтор на сериале, Игорь Агеев, и режиссер Митя Светозаров Андрея Краско ценили и любили. Так появилась роль Краснова. Писали ее специально под Андрея. Этаким скоморох при богатыре Мише Пореченкове. На мой взгляд, то, что сделал Андрей, является

главным украшением сериала. Роль дорабатывал худрук и режиссер — наш друг и соратник, — не всегда, правда, к лучшему. Но она, конечно, обростала подробностями, актерской импровизацией, что и должно быть в любом фильме. Андрей везде был чрезвычайно органичен. Помнится, драматург Валерий Семенович Фрид учил нас и говорил, что только умный человек может попасть в дурацкую ситуацию — дурак в ней находится всегда. Андрей был настоящим актером и не боялся дурацких ситуаций.

Часто забавные ситуации подсказывала сама жизнь. Однажды звонит мне Андрей и говорит: «Слушай, мне «запорожец» горбатый надоел. В нем зимой холодно». Я спрашиваю: «Отчего холодно? Печка не работает?» Отвечает: «Печка хорошо работает, днища нет. Что делать? Продать его невозможно». Так появился эпизод, когда в серии «Легион» Краснов таранит на своем «запорожце» бандитский джип. «Запорожец» благополучно разбили, и Андрею даже заплатили какую-то положенную за разбитую машину денежку.

Отработали мы первые 38 серий «Агента национальной безопасности». Если бы мне сказали на курсах, что я смогу написать столько, я бы не поверил. Думаю, Игорь Агеев тоже. Дальше работать отказались по причине — важно вовремя остановиться. Ушел Митя Светозаров, ушли я и Игорь Агеев. Остальные серии делали уже другие авторы, сценарии к ним писали некоторые мои студенты. После «Агента...» на Андрея обрушилась слава. Хотя до этого у него были замечательные роли, в «Блокпосте» например, но об этом мало кто помнил. Но после роли Краснова его стали приглашать всюду! Андрей не чванился, — несмотря на плотный график, не отказался сняться и в студенческих работах моего сына Игоря.

Кстати, первая роль в кино у Андрея была в моем любительском фильме. Назывался он «Дом на Земледельческой». Снимали кино в Коломьягах (местечко под Питером). Работали «конвасом» на 35-миллиметровой черно-белой пленке. Мой первый «блин». Сценарий написал я, режиссером также был я. Андрей играл главную роль. Прокол был в музыкальном замысле. Внук приходит в разрушенный дом своего умершего деда, мысленно разговаривает с ним, уходит и уносит с собой дедову песню. Русскую «народную» песню написал я, обработали ее собственным ансамблем. Вроде неплохо. Но музыкальный драматургический ход не сработал. Никто ничего не понял — просто идет герой под музыку, и все. Андрей тогда учился в театральном институте у Кацмана. Я работал в народной киностудии ДК Ленсовета. Не спасло фильм и то, что роль деда великодушно согласился озвучить Андрюшин батя - Иван Иванович. Самое яркое воспоминание о фильме - мороз, пленки мало, бежит она чрезвычайно быстро, оператор Олег Плаксин отогревает аккумулятор в подъезде. Смысл сцены в том, что герой, Андрей, должен в новостройках выйти из трамвая и пойти к дому деда. Трамвай, естественно, самый обыкновенный. Чтобы не бежать целую остановку, Андрей должен быстренько войти в среднюю дверь, а выйти через первую, как будто приехал. Все готовы. Пришел трамвай. Мотор. Камера пошла. Минута, вторая, третья... Снимаем открытую первую дверь. Андрей вошел в трамвай и пытается протиснуться к передней двери. Народу тьма. Выглядит Андрюха весьма странно. Вижу, в трамвае ругань. Наконец, дверь закрывается, и трамвай увозит нашего героя, который так в кадре и не показался. Отсняли целую кассету: на ней подъехал трамвай, дверь открылась, потом закрылась, и трамвай уехал. Зато снято безупречно - Олег Плаксин учился на операторском факультете во ВГИКе...

У меня вообще мало друзей. Андрей был одним из них. Перебираю старые фотографии (см. вклейку). На самой маленькой Андрей, по-моему, только в школу пошел. Вот мы в детстве, стоим, обнявшись, на Дворцовой площади: справа Андрей Краско, в центре я, слева Андрей Проничев. Еще одно фото сделано на дне рождения, уж не помню, чьем именно: я слева, лысый Андрей в центре, готовился к какой-то роли, сбрил волосы, а справа Ираклий Абессадзе. Тоже наш старинный друг и одноклассник. Живет сейчас в Риге. А вот я и Андрей, только волосатые — мода на «Битлз». Ну и еще одно фото с Андреем, где он мне что-то рассказывает про свою бритую голову. Точные года уже не помню, но и так все по лицам видно...

Горько, что Андрей так рано ушел. Много сделал, но играть бы ему еще, играть и играть. Все мои дорогие друзья, живите, пожалуйста, долго!

Ярослав Яковлев, двоюродный брат, мастер по свету

Андрей старше меня на двенадцать лет. С самого детства он во многом был для меня примером. Мне хотелось быть таким же мужественным, как Андрей. Мужское начало вообще либо есть, либо его

нет, причем не важно, как мужчина выглядит: маленький он, высокий, толстый, лысый, кареглазый или еще какой-то... Настоящего мужчину всегда видно. В Андрее было очень мощное мужское начало, обаяние, спокойствие, доброжелательность. Андрей относился к людям либо никак, либо по-доброму.

Моя мать — Тамара Васильевна — очень любила Андрюшу. Мы вообще все жили неразлучными семьями, очень дружно. У нас был общий столп — наша бабушка Мария Александровна, которая всех держала вокруг себя. Своих дочерей (мою мать и мать Андрея), Ивана Ивановича — отца Андрея, и Михаила Петровича — моего папу, и естественно, всех внуков.

Когда я был маленьким, мне довелось побывать на курсе у Андрея. Они ставили спектакль «Братья и сестры», а я пытался репетировать роль одного из мальчиков. Но я, скажем так, не очень понравился режиссерам, потому что оказался слишком озорным. Я очень хорошо помню курс Андрея, и, как ни странно, они тоже вспоминают меня. Когда мы периодически встречаемся на каких-нибудь съемках, меня переспрашивают: «А, это такой маленький, беленький, кучерявенький?» Я говорю: «Да». — «Ну и ну!» — восклицают они. С Андреем учились веселые, разбитные люди, талантливые.

Впечатления от «Братьев и сестер» у меня остались до сих пор: конная полиция на Моховой, к примеру. Любимым номером Андрея была клоунада. Ее он делал вместе с Натальей Акимовой (первой женой. — *А. В.*). «Братья и сестры» считался главным спектаклем, а клоунада — второстепенным, исполняющимся на капустниках. Если мне не изменяет память, придумал этот смешной номер именно Андрей. Маленького скукоженного человечка играют четыре человека: один — руки, второй — ноги и т. д. Номер ставился под песню В. Высоцкого, и это, конечно, было незабываемое зрелище, которое я помню очень хорошо (а тогда я учился в первом классе).

Наравне мы стали разговаривать с ним после моего возвращения из армии. Андрей наставлял меня, говорил, что мне нужно братья за ум. Затем он привел меня работать в кино. Помню, он сказал такую фразу: «Лучше быть хорошим осветителем, чем актером — одним из тысячи». Быть актером очень сложно. Быть таким актером, как Андрей, еще сложнее: нужно многое в себе нести, знать, уметь.

У Андрея была очень насыщенная жизнь. Он перепробовал столько профессий! Кстати, он научил меня шить — мы с ним вместе шили штаны на швейной машинке. Весь этот «швейный бизнес» обосновался на Пушкинской, 10. Тогда про Пушкинскую, 10 еще никто не знал. И когда оттуда выселили всех, там остались практически один Андрей и его друзья. Они были начинателями того, что это место не разобрали полностью и не уничтожили. Просто они остались там жить, несмотря на то, что отключили свет, газ и т. д.

Но как бы Андрею ни было тяжело, он не подавал виду и всегда хотел показать себя с сильной стороны. Если ему было плохо, он не искал «жилетку».

Я всегда следил за актерской карьерой Андрея и радовался его успехам. У него есть очень мощная роль в «Псах» Мити Светозарова. Как ни странно, мне она больше всего запомнилась. Он сыграл очень страшно, жутко (конечно, я имею в виду не актерские способности, а то какой-то каламбур получается). После съемок, будучи астматиком, Андрей взял себе собаку — очень большую красивую овчарку. Потом у него еще жили овчарки.

Он был очень добрым человеком, но и в какой-то мере жестким — когда это требовалось. Очень любил детей и никогда на них не ругался.

В прессе постоянно появлялись какие-то заметки о его пристрастии к спиртному. Что тут можно сказать? Либо хорошо, либо ничего. Но поскольку Андрей и сам в этом признавался, замечу следующее. Он всегда умел отделять работу от своей привязанности. Он находил время и место и выпивал нужное количество алкоголя. Я не знаю, в чем причина его пристрастия: это борьба со стрессом, способ расслабиться, выход эмоций или что-то другое. Возможно, кто-то назовет это болезнью. В фильме «Зимний вечер в Гаграх» у героя, которого играет Евгений Евстигнеев, спросили: «Почему ты куришь? Ты же знаешь, что тебе может быть кирдык». И он ответил: «Нравится, вот и курю». Пожалуй, об Андрюше можно сказать то же самое. Кстати, курить он тоже любил. И еще любил пить горячий чай из большой кружки, и чтобы ему ее принесли, смотреть телевизор и обсуждать происходящее на экране...

У Андрея был хороший запас здоровья. В молодости он занимался, кажется, легкой атлетикой и вроде бы стал кандидатом в мастера спорта. Конечно же в этом мне тоже хотелось на него походить. До армии я был таким худеньким-худеньким. И когда нам дали дачный участок и мы его выкорчевывали, я завидовал силе Андрея и думал: вот бы мне такие мышцы, вот бы мне такой живот, а грудь у него какая! Одним словом, он был настоящим мужиком. Этого запаса здоровья хватило Андрею на то, чтобы работать без усталости и переносить все стрессы...

Самым страшным в его жизни был период безработицы, когда приходилось шить штаны и куртки. Это самое страшное для актера. Нужно иметь большую волю, верить в свое предназначение и свой талант, любить жизнь, чтобы переждать этот период. Ни для кого не секрет, что многие люди, в том числе известные, оказавшись в подобной ситуации, просто спиваются. Уходят в подполье, замыкаются в себе и думают: «Какие все вокруг козлы. Один я — умный. Я гений, а меня никто не понимает». У Андрея же получилось выкарабкаться.

О фильмах, в которых снимался Андрей, можно говорить долго. К сожалению, я видел не все. Очень хорошая роль была в фильме «72 метра».

Нам с Андреем приходилось работать на одной съемочной площадке в фильме «Гибель империи» В. Хотиненко. Я проработал десять дней, в течение которых не произошло никаких интересных историй или случаев, за исключением того, что у меня украли телефон.

На съемочной площадке к Андрею все хорошо относились: у него не было никаких претензий, пафоса. Недавно я прочитал какую-то статью, в которой говорилось, что он всегда ездил в классе люкс. Но почему никто не учитывает, что Андрей — артист крупного масштаба и что он может себе это позволить.

Находиться рядом с ним было очень хорошо, комфортно, за ним было интересно наблюдать и в жизни, и на съемочной площадке, интересно было слушать, как он разговаривает, как он что-то обсуждает. Он прочитал такое количество книг, что даже страшно представить. Не было такой книги, по поводу которой что-то такое говорилось, а он ее не читал. Таких книг просто в природе не было! А еще Андрей весьма интересно разгадывал кроссворды. Даже не разгадывал, а заполнял, не читая задания, настолько сильно эрудированным человеком он был.

Ко мне он всегда относился несколько авторитарно, потому что, когда я был еще маленьким-маленьким мальчиком, он уже был достаточно взрослым. И в своих назидательных беседах (в том числе последних) он всегда говорил, что я должен повзрослеть. Он часто помогал мне (в том числе финансово).

Андрей отличался офигенным чувством юмора. Рядом с ним в принципе можно было смеяться постоянно. Кстати, один из его последних перлов: как-то он позвонил моей матери (Андрей называл ее Тamarой), я тоже решил с ним поговорить и пожаловался на то, что редко его вижу: «В конце концов, мы же с тобой братья! Мне хотелось бы просто на тебя посмотреть». На что Андрей ответил: «Включи телевизор, брат! На любую программу. И там увидишь меня».

Тамара Яковлева, родная тетя Андрея

Я очень любила Андрюшу, он был для меня как сын... Я считаю, что все остальные слова излишни. Кроме тех, что я любила и буду любить его...

Алексей Гаккель, друг детства, капитан дальнего плавания, председатель совета директоров холдинга «Элиен»

Андрея я знаю с детства. Он всегда был для меня «большим старшим другом», который учился в школе на несколько классов старше, затем раньше меня поступил в театральный институт, окончил его и потом отслужил в армии... По-настоящему мы стали дружить с ним, когда он вернулся из армии. К тому времени я окончил морское училище имени адмирала Макарова. Наши отцы были однокурсниками, вместе окончили училище подводного плавания. В 1978 году было двадцать пять лет со дня их выпуска; мы с Андреем там тоже были — плавали на пароходе до Петропавловской крепости и обратно.

Когда я заканчивал училище, наша семья переехала жить на улицу Ольминского, и таким образом мы стали соседями с семьей Краско.

Андрюха был простым парнем, своим в доску. Бывало, придешь к нему домой, звонишь, звонишь — никто не открывает, хотя знаешь, что дома кто-то есть. И вот ты сам открываешь дверь и проходишь в квартиру, а Андрей в ванной. Он знал, что если кто-то и войдет, так только свои. Раза два он встречал меня в чем мать родила и преспокойно отправлялся в ванную. Он лежал в ванне и курил, и мы разговаривали с ним на какие-то темы.

Я был моряком заграничного плавания, и как-то в конце 1980-х годов на валютные чеки купил в магазине видеомэгнитофон. В те времена это было большой редкостью. Мы чуть ли не круглосуточно смотрели кассеты с самыми разными фильмами. Помню, как вместе с Андрюшей и Сергеем Власовым, нашим однокашником, сидели у нас дома и Андрюха заявил: мы останемся у вас до утра, будем смотреть кино, потому что домой идти страшно (а жил он буквально в двух шагах).

У нас образовалась очень хорошая компания: все молодые ребята, творческие. Кто работал в театре, кто рисовал... Моя супруга Татьяна в то время снималась в кино и вела передачи на телевидении. Скажем так, у нас была «богемная тусовка без понтов», куда входили я и моя жена, Андрюша Краско, Игорь Скляр, Андрей Ургант, Сергей Власов, Сергей Иванов, Маша Тхоржевская и другие. С нами собирались мои друзья-моряки и школьные товарищи, получался такой микс. Есть старая поговорка: «На работе — о женщинах, с женщинами — о работе». Когда собираются одни актеры, они говорят о театре. Если в компании одни моряки, предметом беседы становится море. Благодаря тому, что у нас был некий микс в коллективе, наши разговоры охватывали самые разные темы. Мы говорили и про театр, и про море, и про режиссеров, и про спасателей-подводников, и про многое-многое другое. Театр я всегда любил и театральным людям, понятное дело, тоже. Кстати, мое самое сильное детское впечатление о театре — я очень часто это вспоминаю, — когда мы ходили к папе Ване Краско (я называю Ивана Ивановича папой Ваней) на спектакль «Принц и нищий». Мне было шесть лет, и я только готовился к школе, а Андрюха уже учился в пятом или шестом классе.

Сейчас многие обсуждают: «Вот, Андрей джинсы одно время шил». Скажу: не только джинсы, но и куртки. Я, кстати, был его активным помощником в сбыте этих вещей. Как моряку заграничного плавания, мне было легче втирать эти джинсы всем своим знакомым как привезенные из-за границы. Андрюха назвал «марку» Global troaster («Всемирный бродяга») — это марка грузовиков. Между прочим, и куртки, и джинсы были шикарными — хорошего качества, с потрясающими карманами. В такой куртке ходила моя жена. Она же и рисовала модели, поскольку училась на модельера-конструктора. История про моряка заграничного плавания везде четко работала: Андрюха говорил всем, что это не его «детские», а «шмотки, привезенные другом-моряком из дальнего плавания по чужим морям». Но Андрюха не «молотил» эти куртки с утра до ночи, иначе бы он заработал кучу денег. Он делал все обстоятельно: нужна какая-то определенная сумма, на такую сумму и шил.

Так как у Андрюхи было много свободного времени, он часто ходил со мной куда-то за компанию. Когда я возвращался из плавания, мы большую часть времени проводили вместе. По вечерам ходили встречать мою жену из Мухи (Художественного училища им. В. Мухиной. — *А. В.*), а затем из Дома моды, где она потом работала.

Помню, как-то раз мы с ним пошли в пароходство сдавать финансовый отчет. Мы благополучно сдали отчет и на обратном пути встретили третьего помощника капитана, который тоже сдавал валютный финансовый отчет. И он получил кучу чеков (это были валютные чековые книжки — каждая достоинством 25 рублей; на черном рынке их продавали 1:10) — целый портфель, в котором были чеки на весь экипаж, общей стоимостью примерно 17 тысяч рублей. На эти деньги можно было купить 3 машины! Мы зачем-то поехали в ресторан «Волхов», и так там пили и гуляли втроем! Когда мы возвращались в такси, таксист почему-то засомневался в нашей платежеспособности. И тогда помощник капитана открыл портфель, вывалил перед таксистом содержимое и сказал, что мы покупаем его машину — у водителя чуть глаза на лоб не вылезли. Выходя из машины, мы забыли портфель, но водитель окрикнул нас. То, как мы ходили сдавать отчет, — исторический факт!

Андрюха был таким юмористом! Я знаю, что во многих фильмах он добавлял в сценарий какие-то свои «фишки». Помню, однажды мы стояли в очереди в модный пивной ресторан на углу Жуковского и Литейного проспекта, был конец января, мороз градусов 18-20. Тогда же в пивной ресторан очереди были сумасшедшие, не то, что сейчас — на каждом шагу рестораны. И Андрюха говорит: «И чё это мы здесь стоим? Холодно. И только писать захочется». В общем, пошли мы в ресторан «Волхов», куда частенько наведывались. Хоть это место и называлось «ресторан», цены там были совсем невысокие. Сейчас на этом «историческом» для нашей компании месте находится казино.

Когда я уходил в рейс, меня провожала целая процессия. Я проводил в плавании месяц, а потом дней на пять возвращался домой. И так все время. Но когда были сменные экипажи, меня отпускали в отпуск на месяц. Кстати, мы с Андреем и его однокурсниками делали парочку концертов для моряков. В концерте принимали участие Андрей Ургант, Игорь Скляр, Маша Тхоржевская (она танцевала танго) и другие. Мы заранее говорили, что никакого гонорара за выступление не будет. Но артистов хорошо накормят. У нас были валютные продукты, которые по тем временам приобрести просто так

не представлялось возможным. Мы собирались в кают-компании. С одной стороны стола были артисты, с другой — зрители. Из актерской компании тогда самым известным был Скляр, уже успевший исполнить песню «На недельку до второго я уеду в Комарово...».

Еще помню, как мы ходили в магазин за водкой. На мне была форма второго помощника капитана, но продавщицы недоверчиво спрашивали: «Молодой человек, сколько вам лет?» Водку мне почему-то не продавали, поэтому я надевал свою форму на Андрея, чтобы водку продали ему.

Как-то мы сидели и мечтали. Я сказал: «Когда-нибудь, Андрюха, я стану толстым капитаном. А ты — заслуженным артистом. И будем мы с твоим театром дружить». Андрей очень остро переживал свою невостребованность в театре, и это сильно чувствовалось. Наверное, если бы до 1993 года кому-то из нас сказали, что будет происходить то, что происходит сейчас, мы бы не поверили. Я действительно стал капитаном, а Андрей — известным артистом. Между прочим, когда-то я тоже хотел поступить в театральный институт, но у меня было два отговорщика: папа Ваня Краско и Андрей Иванович Краско. Андрюха говорил: «Вот ты посмотри на меня — пошел я в актеры, и что из меня хорошего? Зачем тебе это нужно? А у тебя какая хорошая работа: раз сплавал — купил себе видеомагнитофон». Шутил он или нет, но, по крайней мере, отговорил меня становиться актером. Папа Ваня, наверное, помнит, как он сказал: «Если сможешь, не бросишь плавать, как я. К тому же у тебя это хорошо получается». Видно, я осознал, что мне лучше использовать свои актерские качества в кругу друзей и совершенно не обязательно выставлять их наружу. Андрей же был актером, который хотел и умел работать, но его всячески, так сказать, шпыняли за его характер, хотя с виду он тихий.

Помню, как-то Андрюха пришел ко мне и похвастался: «Я себе такую машину купил!» Это была старая «Волга», которую потом кто-то украл. Когда машину нашли в каком-то дворе, она уже не подлежала восстановлению. Он купил ее незадорого, но за те же деньги можно было купить двадцатилетний «опель», однако Андрюхе почему-то была нужна 21-я «Волга». Он называл ее «ласточкой». Еще у Андрюхи было два «запорожца», один из которых взорвали на съемках «Агента национальной безопасности». Андрей за это, между прочим, еще и деньги получил, причем на 100 долларов больше стоимости самой машины. Андрюха сказал всем: «Смотрите вечером серию, увидите, как горит моя машина».

Когда на экран вышел фильм «72 метра», я позвонил Андрюхе и Сереге Власову и сказал: «Ребята, вот теперь вы стали взрослыми». Андрей переспросил: «Это почему мы стали взрослыми?» И я ответил: «Вы стали играть роли капитанов первого ранга». Кстати, я гражданский моряк, у которого военная специальность — командир штурманской боевой части такой же дизельной подводной лодки, как показана в фильме. Я провел на такой лодке три месяца. Как профессионал, могу сказать, что фильм очень правильный и честный, без «лакировки». Может быть, конечно, встречаются некоторые метафоры или преувеличения, но в целом все верно. Все актеры очень хорошо играют. В титрах первой идет не роль Андрея Краско, но все прекрасно понимают, что он — большую часть времени на экране. Вернее, не он, а образ капитана, хоть капитан и погибает в первой трети фильма. Все мысли и воспоминания экипажа подводной лодки возвращаются к нему. Марат Башаров рассказывает в фильме хохмы, которые крутятся вокруг Андрюхи. Сейчас это уже народный фольклор: «Если корову поставить на задние ноги, то сердце у нее будет справа». В других фильмах тоже не обошлось без «афоризмов». Когда Андрей был еще неизвестным актером, он играл небольшую роль в фильме «Особенности национальной рыбалки». Он играл капитана подводной лодки. Есть эпизод, когда он смотрит в перископ и говорит: «А, гады, засада. Вяжут нас». Или в «Операции «С Новым годом!»: «Закуска градус крадет». Если бы Андрюхе дали возможность сняться в «Мастере и Маргарите», он дал бы там такого жару!

В последнее время журналисты писали об Андрее, что он капризный. Мол, попросил как-то заменить машину и водителя, потому что ему не разрешили курить. Но Андрей не капризный, а справедливый. «У меня в контракте написано, что я могу курить в машине, — объяснял он. — Почему водитель просит меня либо потушить сигарету, либо выйти из машины? Так что я не капризный, я обстоятельный». По условиям контракта, если бы он сорвал съемку или пил на съемках, с него бы, как говорится, взымали по полной. Он соблюдал оговоренные условия, так что имел полное право требовать взамен того же от другой стороны. Я считаю, это нормально.

После премьеры фильма «72 метра» я предложил Андрюхе сняться в рекламе нашей судоходной компании. Андрюха сказал: «Я в рекламе не снимаюсь. Будут потом еще говорить — вот он, тот парень, который снимается в рекламе кока-колы или чего-то еще». Я пытался переубедить его: «Про тебя, Андрюха, уже никто не скажет, что это мужик из рекламы кока-колы, предположим. В худшем

случае скажут - это вот Андрей Краско, который согласился сняться в рекламе кока-колы». Андрюха улыбнулся и ответил: «Да ты не обижайся! У меня просто времени нет». Снять его, кстати, мы планировали в рекламе судоводных рейсов на Валаам.

Последнее время мы с Андрюхой встречались очень редко — чуть ли не раз в год, но регулярно перезванивались или посылали по SMS.

Андрей подарил мне друг другу игрушечного мышонка, которого я брал с собой в плавание. Этот мышонок до сих пор является моим талисманом.

Андрей Столыпин, художник, промоутер, друг

Наши родители дружили с детства. Мама Андрюши — тетя Кира — была близкой подругой моей матери. Они вместе учились в университете на филфаке. Вообще дядя Ваня и тетя Кира для меня очень близкие люди. Отец мой — известный спортсмен, дядя Ваня тогда уже был известным актером, так что наши родители принадлежали к некоей богеме. В наших домах постоянно собиралась куча народу.

Андрюшку я знаю с самого детства — он старше меня на пять лет. Наша жизнь проходила параллельно, мы были в курсе дел друг друга. Мы общались не так часто, но у нас сложились почти родственные отношения. Более плотно мы начали общаться лет шесть назад. Связано это было с тем, что я в то время был прокатчиком спектакля «Смерть Тарелкина», в котором Андрей играл главную роль. То есть нас связала с Андреем еще и работа.

Наверное, люди должны созреть для плотных дружеских отношений. У дружбы, как правило, есть некая отправная точка: общая песочница, один детский сад, школа, институт и т.д. Из-за разницы в возрасте в детстве мы с Андреем были не так дружны, как в последнее время, но потом у нас появились некие общие идеалы, взгляды, идентичное отношение к тем или иным вещам. Я помню, как впервые проявилась эта общность взглядов. Однажды зимой, в декабре 2005 года, он после спектакля приехал ко мне на дачу вместе со Светой. Неожиданно для нас обоих мы стали разговаривать на самые разные темы и не могли наговориться, казалось, мы не можем жить без общения друг с другом... Я знаю, это кажется невероятным, но у нас не было ни одного момента, когда бы наши точки зрения не совпадали. Пожалуй, разногласием можно назвать лишь то, что ему нравилась Земфира, а мне — Диана Арбенина, что он любил суши, а я, к примеру, — пельмени...

Мы постоянно перезванивались, переписывались, строили творческие планы — в январе 2007 года мы хотели выпускать новый спектакль. Помимо того, что я художник и промоутер, я еще и пишу кое-какие тексты. Правда, читаю я их лишь самым близким людям. И вот как-то на даче я зачитал Андрюхе один монолог, после чего он меня обругал и сказал, что это уже давно пора было ставить на сцене. Андрей решил, что на основе этого текста может получиться хорошая роль для него. К 50-летию Андрея мы планировали устроить творческий вечер, и я придумывал сценарий. Андрей даже пытался читать (я имею в виду монолог из будущего спектакля), но, к сожалению, у меня в тот момент не было под рукой диктофона, и записи, разумеется, не осталось.

Андрей был потрясающим человеком, и не было ни одного качества характера, которое бы мне в нем не нравилось. Он — дико добрый человек, безгранично добрый, фантастически добрый. Это могут подтвердить все: моя мать, жена, наши общие знакомые. Когда общаешься с Андрюшей, ты буквально окутан лучающей добротой. Он никогда не отзывался о ком-то плохо, как это обычно распространено в актерской братии. Единственное, Андрей мог сказать о каком-то человеке: «Что-то он мне не очень нравится», да и то в мягкой форме. Андрей обладал потрясающим чувством юмора; он любил шутить над собой и своими знакомыми, окружающими его людьми. В других он ценил искренность и, безусловно, чувство юмора — смеяться вместе с Андрюхой было одно удовольствие.

Люди всегда относились к Андрею по-особенному, доброжелательно. Меня поражает тот факт, что на фотосайт, где я и мой друг питерский фотограф Андрей Федечко разместили последнюю фотографию, сделанную при жизни Андрюхи, люди до сих пор присылают комментарии, различные отзывы. Андрюха был любимцем народа еще при жизни, но звание ему никто не присваивал. Это была просто народная любовь, и она, как мне кажется, намного ценнее. Он нравился практически всем. Он смог достучаться до сердец самых разных людей. И на мой взгляд, не требуется никакого времени, чтобы проверить его талант — он априори талантливый человек. При этом у него не было даже намека на звездную болезнь, хотя у него и просили автографы, останавливали на улице и т.д. Андрей — абсолютно живой, неакадемичный персонаж, он в жизни был таким же, как в кино. Он играл очень ес-

тественно, куда ни кинь, — в любой из ролей. Он был совершенно натуральным актером, и это, должно быть, самое сложное.

Сейчас появляются различные статьи, интервью и т. д., в которых говорится, что Андрей много пил. Журналисты или еще кто очень много всякой муры говорят об Андрее, и не только про дом или водку. А ему уже не ответить... И хоть мертвые, как говорится, сраму не имут, те, кто живы, помнят и любят, должны их защитить. А то нехорошо как-то получается. Между прочим, увлечение алкоголем вообще присуще русской интеллигенции, а Андрюша — ярчайший представитель русской интеллигенции. С кем не бывает? Кстати, удивительное дело: мы с ним ни разу вместе не напились, мы выпивали по чуть-чуть. Мы ходили в ресторан со своими женами: я с супругой и Андрей со Светой. Я и мои близкие считали Свету женой Андрея, хоть они и не были расписаны. Она всегда сопровождала его, находилась рядом даже в самых сложных ситуациях, очень любила его. Светка — очень веселый, обаятельный и умный человек. Так вот, мы выпили совсем немного: по 50 граммов рома, смешанного с пепси-колой и лаймом, — это был любимый коктейль Андрея. Но согласитесь, невозможно, будучи алкоголиком, как сейчас многие называют Андрея, столько работать. Я наблюдал многих актеров — и старых, и молодых... Алкоголик просто не в состоянии работать на сцене или съемочной площадке, особенно в таком каторжном режиме, в каком работал Андрей. С другой стороны, творческому человеку необходимо как-то снять напряжение. Каким способом это сделать — каждый выбирает сам... У Андрюхи приветствовался именно этот метод, но это не значит, что он был алкоголиком. Можно вспомнить Высоцкого, Шукшина, Даля — все они не без греха. Лично я знаю очень мало непьющих актеров. Мне неприятно, что всех интересует лишь эта тема.

У Андрея была непростая судьба, популярность пришла к нему не сразу. Если бы не было сериала «Агент национальной безопасности», неизвестно, были бы сейчас так популярны Миша Пореченков, Андрюха Краско и Миша Зиборов. Кто-то упрекает Андрея в том, что в последние годы он снимался во всяком «ширпотребе», сомнительных сериалах. Но ведь жить на что-то надо! Нормальная жизнь — это жизнь без отсутствия бытовых и прочих проблем. Это дурацкие проблемы, но они встречаются в жизни каждого. Так вот, Андрюха не стремился к красивой жизни — он стремился к *нормальной жизни!* Для творческого человека это просто необходимо! Съемки в сериалах позволяли решать бытовые вопросы. У Андрюхи просто не было выбора.

Кто-то сказал, что Краско — гений эпизода, и это однозначно. Главных ролей у него, по сути, практически не было. Роль Янычара, капитана подводной лодки в фильме «72 метра», на самом деле была второстепенной, однако в фильме она выглядит как главная. Вспомните хотя бы крылатые фразы, произнесенные капитаном... И вообще, «Прощание славянки» стало как знак... Андрюха рассказывал мне, как ходил на адмиральском катере в море, наблюдал за командой, капитаном и т. д. «Ходил» — так принято говорить у моряков. Командующий непривычно тихим голосом, еле-еле произносил команды, и его все слушались, вытягивались в струночку, чтобы, не дай бог, ничего не пропустить. На мой взгляд, «72 метра» и «Блокпост» — самые запоминающиеся фильмы с участием Андрея. Очень запоминающаяся роль была у него в «Олигархе». Вся «жвачка», то есть роли в сомнительных сериалах, конечно, уходит и недолго задерживается в памяти зрителей. О его работе в театре я могу говорить только в превосходной степени. Он потрясающе играл в «Смерти Тарелкина!» О самой постановке можно, конечно, поспорить, но Андрей в этом спектакле был великолепен! Кстати, наш совместный спектакль, о котором я упоминал выше, должен был ставить Андрей как режиссер и играть там главную роль. Мы планировали рассказ от лица мужчины, этаким монолог о жизни, да обо всем... Второй монолог должна была исполнять женщина, Андрей даже вел переговоры с Анной Тереховой. К сожалению, все оборвалось... И я не представляю, кто теперь мог бы заменить в этой постановке Андрея: роль писалась для него и даже, я бы сказал, с него...

Я не знаю, что было бы, если бы популярность пришла к Андрею раньше, если бы он больше следил за своим здоровьем и куча других «если бы»... История не терпит сослагательного наклонения. Я также не знаю, что было бы, если бы наши матери учились на разных факультетах или в разных институтах, если бы дядя Ваня не женился на тете Кире и т. д. Что было бы, если бы Андрей не поехал в Одессу на съемки, если бы там не было такой жары и если бы вовремя прислали «скорую помощь»? Но получилось так, как получилось... Я буквально волосы на голове рвал, когда мне в девять утра позвонила Света и сказала, что Андрюша умер... Звонила она с его трубки. Я работал допоздна, потом лег спать, и звонок меня разбудил. Я смотрю, а на дисплее высвечивается имя Андрея. Я сразу же подумал, что что-то случилось... Буквально за два дня до этого мы обсуждали с Андреем творческие планы... Мы мечтали сделать хороший и при этом малобюджетный спектакль, устроить гастроли и

общаться во время перелетов и переездов. У нас было не так много времени для общения, а на гастролях мы как раз таки могли бы удовлетворить эту потребность. Когда он встречался со мной в Питере, это были очень редкие часы, а то и минуты, и этого конечно же было мало. В последнее время Андрей мечтал о том, чтобы выплатить кредит за машину и достроить коттедж; кстати, это вовсе не огромный трехэтажный особняк, как об этом написали журналисты в какой-то газете, а совсем небольшой дом, в котором еще многое предстояло сделать. И вот Андрей мечтал, что когда-нибудь закончит ремонт, построит баньку и мы все будем собираться в этом доме, и хотел, чтобы в его отсутствие там жила его любимая тетя Тамара, сестра матери. Также Андрей хотел сделать официальное предложение Светлане. Словом, у него были нормальные желания нормального талантливого человека...

Аркадий Коваль, друг детства, актер («Гений», «В зеркале Венеры», «Воспоминания о Шерлоке Холмсе», «Сказ про Федота-стрельца», «Шаги императора», «Детская площадка», «Королевство кривых», «Трое против всех — 2» и др.)

С Андреем я познакомился, так сказать, заочно, еще когда был в животе у мамы (я родился на год позже его). Наши родители учились вместе, и мы с Андреем тоже впоследствии учились вместе, на разных курсах. Андрей поступил в институт в 1975-м, а я в 1976 году. Мы участвовали во многих совместных проектах, капустниках, снимались в кино. Наш с ним первый совместный опыт в кино — фильм «Никудашная» Динары Асановой, одна из последних объемных работ — съемки в сериале «Королевство кривых». Также мы очень много работали вместе на телевидении, снимались в сказках («Конек-Горбунок», «Сказка за сказкой»). Мы с Андреем были неразлучными друзьями. Бывало, мы жили друг у друга — то он у меня, то я у него. Мой отец был главным режиссером драмтеатра в Дмитровграде, и, когда судьба у Андрея складывалась не ахти как, я помог ему устроиться актером в театр к своему отцу. Там он проработал год. Когда у меня что-то не клеилось, Андрей, в свою очередь, протягивал руку помощи. Вот так вот мы и выручали друг друга.

Нужно сказать, что дружили мы троицей: я, Андрей Ургант и Андрей Краско. Нас столько всего связывало, мы действительно были неразлучной троицей! С Андреем мы не расставались даже когда жили в разных городах и долго не виделись. Общность не оставляла нас, мы были вместе всегда.

Я вспоминаю один интересный случай, произошедший с нами в те далекие времена. Случай этот, кстати, непосредственно связан с известным ныне актером и телеведущим Иваном Ургантом — сыном Андрея Урганта.

Как-то раз наша троица собралась поехать на дачу к дяде Краско в Коломяги, попариться в баньке, и взяли с собой Ивана (ему тогда было года полтора). Ехали мы в переполненном автобусе, я вышел первым, а Ургант с Краско стали передавать мне коляску с ребенком. И так получилось, что маленький Ванька выпал из коляски, а я вовремя подхватил его. Правда, Ваньке все-таки пришлось пролететь в воздухе метра четыре. Как ни странно, но все люди дико хохотали, глядя на это зрелище. Вообще всяких забавных историй в нашей жизни насчитывается много.

Андрей был очень хорошим другом и просто хорошим и талантливым во многих отношениях человеком.

Мало кто знает, что Андрей всерьез увлекался спортом — в юношестве он профессионально занимался велосипедным спортом.

Как актер Андрей был органичен до безобразия и к тому же имел хорошую голову — ему удавались многие творческие задумки. К мнению Андрея прислушивались многие актеры и режиссеры. Жаль, что сам он в режиссуре мало себя проявил — времени не хватило...

Некоторые меня спрашивают: был ли счастлив Андрей? Но что такое счастье вообще? Сегодня ты счастлив, завтра — нет. Все относительно. Так же и у Андрея. У него была очень сложная жизнь. Временами он сам усложнял ее, иногда обстоятельства его гнобили, заедала среда... Андрей был предрасположен к мытарствам по жизни. Мне кажется, его нельзя назвать сильным человеком. Очень талантливые люди редко бывают очень сильными, но это мое мнение. Актер — это двуполое существо, ни мужчина, ни женщина, а нечто среднее. Хотя в Андрее больше преобладали мужские черты характера. Что касается основной черты характера — это доброта. Его доброта не знала границ. Он был добрым, если можно так выразиться, до вреда себе. Андрей просто не позволял себе быть сча-

стливым (но это тоже лишь мое личное мнение). Ему либо что-то мешало, либо он сам создавал для себя проблемы.

Конечно, были в его жизни и проблемы, созданные другими людьми. К примеру, история со спектаклем «Кукарача», где Андрей играл главную роль — милиционера по прозвищу Кукарача. Кстати, на мой взгляд, это одна из лучших Андриюшинных ролей. Но Андрею не повезло — высшее руководство сочло образ молодого милиционера в исполнении Краско слишком фривольным и не соответствующим действительности (хотя при чем тут Андрей, не он же писал сценарий). В результате Андрея направили служить в армию, в тот момент ему было двадцать семь лет.

Театральные роли Андрея мне всегда очень нравились, хоть я и не разделяю его работу в театре и кино. Одна из первых постановок (еще в студенческие времена) — «Братья и сестры», где Андрей играл маленькую, но очень яркую роль. В этом же спектакле он играл и председателя колхоза — не менее запоминающаяся роль. Как киноактер Андрей раскрылся в фильме «72 метра», хорошая роль была в «Гибели империи» Хотиненко. Говорят, Краско — мастер эпизода. Пожалуй, ему удавалось сыграть хорошо даже в фильме с не очень хорошим сценарием.

У Андрея не было актерского амплуа — он мог играть все, то есть кого угодно: от русского мужика до аристократа. Он запросто сыграл бы Обломова, Лопухина (да и вообще большинство чеховских персонажей). Андрей был очень тонким в плане восприятия человеком, чувствовал и замечал то, что для других оставалось незамеченным. Именно поэтому чеховские герои могли бы быть идеальными для Андрея. Чехов был близок Андрею по духу.

Андрей очень любил книги, много читал и разбирался в литературе. Среди его любимых писателей Фолкнер, Платонов и многие другие. Он много всего знал и постоянно стремился расширить свои знания. И еще он любил водку...

В последние годы Андрей хотел быть востребованным как актер, именно об этом он мечтал, и его мечты сбылись. Жаль, что жизнь его оборвалась таким образом... Андрей очень много на себя брал, работал на износ. Иногда он уставал и превращался в «кисель», и в такие моменты переставал быть интересен не только работающим с ним людям, но и самому себе. Он не умел отдыхать, он попросту себя сжигал. И окончательно сжег...

Несмотря ни на что, Андрей остается моим другом, я его очень люблю!

Юрий Стоянов, актер, автор и соведущий программы «Городок»

Наверное, я меньше всех имею право считаться другом Андрея. Это скорее не дружба, а взаимная симпатия и короткое сотрудничество. Я очень высоко ценил его как артиста, независимо от того, в каких я был с ним отношениях — дружеских, товарищеских, приятельских... Мы ведь с Андреем одногодки, мы одно поколение, мы вместе окончили институт в 1978 году. Институты мы, правда, окончили разные: Андрей учился здесь, в Питере, а я — в Москве. Но когда люди распределяются по театрам в рамках одного города, они считают себя как бы «одним призывом». В наш призыв входили Андриюша Ургант, Аркаша Коваль, Игорь Скляр и другие. Мы пришли в театральный мир в один год и поэтому знали, как у кого складываются дела. Признаюсь, что и у меня, и у Андриюши они не очень-то складывались. С той разницей, что Андрею в тяжелые годы пришлось работать на кладбище и шить куртки, а я работал себе в театре и работал, тянул эту лямку в БДТ с разным успехом. Его же жизнь помотала гораздо серьезнее. Он раньше нас других понял свою ответственность — чисто мужскую, что нужно какие-то деньги в дом приносить, а не просто жить ожиданием ролей или переживать на тему: удовлетворительно складывается твоя актерская жизнь или нет, лежать на диване и ждать, когда она изменится к лучшему. А так, я его и на сцене-то толком не видел, разве что в капустниках. Но это всегда было событие значительно более серьезное для многих артистов, чем премьера в театре. Поскольку премьерками мы все были, скажем так, обделены, вот и следили, как складываются наши творческие биографии, внутри капустника. Мы вытворяли черт знает что в этих капустниках, дурака валяли невероятно. Сейчас мне трудно вспомнить какие-то детали. Бывает, что лицо человека запоминаешь лучше, чем шутку. Андрей был именно таким. У него всегда было такое простодушно-серьезное лицо, когда он шутил, что я удивлялся. Любая шутка, даже не очень удачная, всегда компенсируется тем, кто ее произносит или изображает.

Потом был большой разрыв во времени, мы нигде не пересекались с Андреем, и я ничего не знал про него. Вообще это было такое дурное, смутное время, неопределенное. Хотя вроде бы для меня оно

было хорошим, потому что все начало меняться. Надо было принимать какое-то решение, я ушел из театра, начал потихонечку сниматься, делать свою передачу «Городок» с партнером. И вдруг я увидел Андрея в сериале «Агент национальной безопасности». Интересна сама судьба сериала. Ведь он вышел очень давно и совсем не пользовался таким большим успехом, каким пользуется сейчас. Он был такой пролонгированный, знаете, как говорят, «плевок вечности». То есть изначально это был сериал «ленинградского разлива»: его показывали не на главных каналах (это сейчас его все, кому не лень, крутят, в том числе на «Первом канале»). Внутри сериала обозначилась пара — Краско и Пореченков, это вообще очень редкая штука. В том, что они делали, не было маски, какой-то неестественности. Так точно были найдены оба характера, и в этом было очень много иронии! Потому что так про ФСБ, про КГБ не снимали никогда. И я думаю, что, если этот фильм курировали люди из организации, это говорит о наличии умных людей в данной организации, потому что они позволили вызвать симпатию к «своим» же людям через улыбку. Никакого серьеза, никакой псевдомужественности, наоборот, абсолютное разрушение представлений, которые складывались фильмами про разведчиков, снимавшимися годами. Убогий зеленый плащ у Андрюши, идиотская шляпа, длинные брюки (длиннее, чем нужно), не очень хорошая обувь — и так на весь фильм. Шли годы, снимался этот сериал, а одежда не менялась. И они все там такие, смешные. В общем, смешные, хотя речь иногда идет об очень серьезных вещах.

Андрея в сериале нельзя было не запомнить, ведь оттуда все выросло, из этого сериала. А потом потихонечку начали появляться роли в других фильмах. В «Олигархе» Андрей тоже какой-то следователь, только теперь уже появляется судьба, появляется глубина, уже не нужно говорить, что ты думаешь, словами, потому что это видно между слов. В «Олигархе» видно, что Андрей — серьезный артист.

Когда я еще учился, мой педагог говорил: «Самое главное для артиста — понять природу своего обаяния». Это очень важная вещь. Что-то в этом есть женское, как ни странно. Ты сам знаешь, что в тебе сильно и чем ты можешь обаять зрителя. Без этого понимания невозможно стать артистом, и особенно киноактером. В «Олигархе» очевидно, что человек что-то важное про себя понял, что у этого человека есть судьба. Личная судьба. Есть личные, а не предлагаемые обстоятельства, причем очень серьезные. Очень непростые, но не делающие его хуже. Что было у Андрюхи? Вот у любого зрителя можно спросить, задать банальный вопрос и получить на него такой же банальный ответ. Люди скажут наверняка, что Андрюха очень простой, очень добрый... Какие-то такие вещи, я так думаю. Он не был похож на артиста. А что значит быть не похожим на артиста? Это значит быть невероятно естественным: он каждый раз играет как про себя. Вот что значит — не похожий на артиста: человек глубоко проникает в материал при отсутствии каких-то внешних вещей.

В Советском Союзе очень модно было произносить фамилию Жана Габена, когда имелась в виду такая вещь: человек играет, ничего не играя. У нас о таком человеке было принято говорить: он как Жан Габен. Когда кажется, что человек все время одинаковый, это обманчиво — на самом деле он везде разный. Я думаю, что сейчас, меня терминологию, можно сказать не как Габен, а как Андрюша. Безусловно, он был большим актером. Обычно, когда артист начинает себя «размазывать» бесконечным количеством съемок (Андрей снимался в очень разных по качеству и по уровню фильмах, иногда в очень плохих), это наводит на определенные размышления. Но у меня всегда вызывало уважение то, что я видел в ситуации Андрея, — это честное зарабатывание денег, мужское такое. Ему нужно было на что-то жить. Популярность к нему пришла после сорока лет. Да, он мужчина; он не должен ждать, когда ему позвонит, к примеру, Милош Форман из Голливуда, а должен зарабатывать свой кусок хлеба, потому что он это умеет.

В свое время, когда актерской профессией нельзя было зарабатывать, он зарабатывал тем, что куртки шил. Когда стал востребован, начал зарабатывать актерским мастерством и не брезговал никакой работой. Он много снимался не потому, что вот, мол, хочу хапнуть все, что можно. Не знаю, секрет это или нет, Андрей (притом, что он очень много снимался в последние годы) имел небольшую ставку по гонорару. То есть, мягко говоря, у него была совсем небольшая ставка для артиста его уровня. Он то ли стеснялся, то ли не умел стучать кулаком по столу, то ли боялся, что то, что так легко пришло один раз, уже нельзя потерять... Потому что роли, которые он сыграл, выдвинули его в десятку самых популярных артистов в этом возрасте и самых востребованных. И даже при все при этом, когда я узнал, сколько он получал максимально за один съемочный день, я был потрясен. Потому что полторы тысячи долларов за съемку — это... У нас вон мальчики какие-нибудь снимутся в сериале, в одном эпизоде, и уже говорят, что они столько стоят... А Андрей Краско — большой и всеми любимый

артист! Кому-то, наверное, кажется, что это много. А итог-то какой? Для нашей страны это урок. Как он мог не работать, не браться за все, что ему предлагали? Он снимался везде и везде выглядел очень достойно и очень профессионально, независимо от качества самого фильма. Сериал мог быть барахло, но Андрей даже в нем умудрялся быть хорошим. Почему-то всегда говорили, что такого не бывает и быть не может. Если картина плохая и режиссер тоже не очень, то сыграть достойную роль в таком фильме нельзя. Да нет, можно. Можно достойно выйти из положения и остаться хорошим артистом в дерьмовом фильме! Андрей это доказывал. Но итог какой? Недостроенный дом и невыплаченная машина? Как он мог не браться? Вот он и брался. Даже притом, что почти каждый день у Андрея был съемочным, что в результате?.. Книгу не написал, сына вырастил, и не одного, дерево посадил. Значит, второй сын приравнивается к книжке...

Вообще прямых контактов, как таковых, у меня с Андреем было немного, мы просто знали о творчестве друг друга и симпатизировали друг другу. Однажды он приехал ко мне на дачу снимать передачу «Кто в доме хозяин» для телеканала «Культура». И мы встретились, будто бы закадычные друзья. Просто он такой человек — умел располагать к себе. Это и человеческое, и профессиональное качество. Я никого не хочу обидеть, но так, как эту передачу вел Андрей, и вообще, каким он был собеседником в кадре, больше никому не удавалось. Он был абсолютным человеком «от зрителя». На канале «Культура» эту передачу повторяли раз пять, рейтинг у нее все время был невероятный. А ведь передача не совсем формата канала «Культура», не очень-то она родом из канала «Культура», а рейтинг тем не менее невероятный. Это значит, что Андрей умел задавать такие вопросы, которые хотели бы, но не могли задать многие люди. Он был человеком с той стороны экрана. Какой-то такой простой человек, и вопросы какие-то простые, но на них очень интересно отвечать. Иногда сидит напротив тебя журналист, и ты не понимаешь: это монолог или все-таки интервью. Ты также не понимаешь: зачем ты ему нужен, он про тебя все уже знает. Андрей же общался со мной так, будто бы ничего обо мне не знал. Ему было все интересно. Ему, большому артисту, было интересно абсолютно все. Это не потому, что он так меня любит, вовсе не поэтому. Это детские качества: умение удивляться, обучаемость, любопытство. А глаза ведь не соврут — они все выдают. Повторюсь, передача была невероятно популярной. Мы говорили вместе даже не знаю сколько. Он подарил мне какую-то ерунду: лук и бутылочку коньяку или водки. Пришел в каком-то ватнике, наверное, потому, что на дачу. Мы с ним говорили, абсолютно позабыв про название и тематику передачи. Казалось бы, передача должна быть про собаку. А мы забыли про собаку, по-моему, сразу. Потом вспомнили ради приличия, сказали о ней несколько слов и вернулись к теме своей беседы. Очень хорошая была передача! После съемок он остался и, кстати, вообще ничего не пил в этот день. Сам наприносил мне каких-то бутылок, подарил их в кадре... Я потом спрашиваю: «Андрюша, это для того, чтобы показать народу, что я ему социально близок?» И затем говорю: «Давай я всех удивлю и подарю тебе книжку». И так получилось, что мне — непьющему человеку — он подарил выпивку, а я ему — чего греха таить, знающему толк в крепких напитках, — подарил книжку. На том мы и расстались. Затем мы постоянно встречались (вернее, пересекались): то в аэропорту — он на одни съемки, я на какой-нибудь концерт, то на киностудии, то еще где-то...

Кстати, если представить Андрюшу в «Городке», то я снял бы его в самой сложной рубрике, с которой справлялись единицы. Самая сложная рубрика, которая только может быть, — это «Скрытая камера». Если представить (гипотетически), что Андрюшу не узнавали бы на улицах (хотя в последнее время это представить практически невозможно), он был бы фантастической находкой: какую бы ерунду он ни предлагал или ни делал, ему бы верили все. Самое тяжелое в передаче «Городок» было сниматься в «Скрытой камере». Почему? Потому что навстречу тебе идет не сосед, не выпускник ГИТИСа, ВГИКа или ЛГИТМиКа, не партнер, не коллега, не артист, а живой человек. Абсолютно непредсказуемый. Я уверен, что единственный, кто мог бы его разыграть, по-хорошему обмануть, заставить поверить во что-то, мог бы быть Андрей — именно в силу своей *невероятной* органичности и достоверности. В этой рубрике у нас «прокалывались» даже самые хорошие артисты. Это действительно очень тяжело — найти знак равенства, чтобы артист стал таким же естественным, как живой человек, который бы ему поверил. Потом нужно еще и подтянуть этого человека до уровня таких смешных реакций, о которых можно только мечтать. В этом качестве Андрюша был бы превосходен. Но только при условии, что его не узнавали бы на улице. Но как его могут не узнать, если его знали все?!

Получилось так, что я был в Одессе и увидел по телевизору репортаж о том, что идут съемки, что Урсуляк снимает фильм «Ликвидация»; смотрю — там Андрюша. Я узнал, где проходят съемки —

где-то в районе Ланжерона, что ли, — и думаю: подойду-ка я завтра. Жил я буквально в десяти минутах ходьбы от места съемки. Но на следующее утро прошел слух, что у Андрюши случился сердечный приступ, потом об этом объявили по радио, потом по телевизору — по местным кабельным каналам. Уже не помню, как я нашел телефон директора съемочной группы, позвонил, и он сказал мне, что это правда. Я посмотрел на календарь — это был, по-моему, вторник, мой самолет улетал в четверг. И я знал, что из Одессы летит только один самолет, и то раз в неделю. И я уже понял, что нам вместе лететь придется... Я предложил свою помощь — мало ли там что, какие проблемы могут возникнуть... Я не знал, что в Одессе с Андреем была его гражданская жена Светлана. Я летел вместе с ней эти два часа. Она очень достойно держалась, потому что уже выплакала все, что можно. Легкие срывы, конечно, были, но основное уже было выплакано... Тело Андрея находилось в багажном отсеке. Вот так вот мы вместе и летели...

У Светланы был цифровой фотоаппарат с большой памятью. Она почти все время фотографировала Андрея — скопилось очень много фотографий, кажется, за последние три месяца жизни Андрея. Были там и кадры со съемок нового фильма, в котором Андрей играл действительно главную роль — картина и называлась по имени его героя («Вторая жизнь доктора Тырсы». — *А. В.*). В этом фильме он играл человека, который умирает. В «Ликвидации» Андрей тоже играл человека, которого убивают. Причем накануне настоящей смерти... Я не вижу в этом мистики. Это, вероятно, совпадение. Но когда человек умирает, начинаешь все пересматривать заново, искать какой-то смысл, какие-то знаки, которые расставляет жизнь.

На протяжении всего полета я пролистывал фотографии Андрея в памяти цифровой камеры и удивлялся: почему он так запоминается, какой ракурс ни взять? Понятие «фотогеничность» к Андрею неприменимо. Вот на меня, к примеру, наведут камеру, раз сто сфотографируют, и какой-нибудь ракурс в конечном итоге получится нормальным. На самом деле это не вопрос фотогеничности. У Андрея даже на общем плане видны глаза. Поразительная штука: я отсмотрел, наверное, больше ста снимков, а глаза видны, даже если он стоит далеко, где-нибудь метрах в тридцати. Массовый снимок, а глаза всегда видны... Обычно такие глаза бывают, когда артист надевает линзы, и это используется в кино. В Голливуде, кстати, принцип такой — там артистов по глазам выбирают. Смотрят, какие глаза у человека в камере. Так что по голливудским меркам Андрей — артист голливудский. Наверное, если бы он был жив, я бы не обратил такого внимания на его фотографии. А когда человека больше нет, начинаешь по-особенному ко всему относиться, может, стараешься лучше его понять...

Такого артиста больше нет, и это не пустые слова. Это абсолютная констатация факта, профессиональная. Действительно, если считать, что у каждого актера есть какая-то своя ниша, то можно представить следующее: перед тобой групповая фотография актеров, ты закрываешь негативом одного человека, и на его место не можешь поставить никого. Другим людям нельзя стать плотнее, и в этом ряду создается брешь. Получается, что ты убрал человека с фото, а остальные не сомкнулись плечами — расстояние внутри строя так и осталось, и из второго ряда никто не сделает шаг вперед, не займет это место... Ни глазами, ни судьбой, ни талантом, ни чем бы то ни было другим... Изменить здесь ничего нельзя. Просто очевидно, что такого артиста больше нет и не будет никогда.

Кирилл Ульянов, актер («Операция «С Новым годом!», «Блокпост», «Менты», «Нокаут», «Про Федота-стрельца», «Перегон» и др.)

С Андреем мы работали на двух картинах, обе — Александра Рогожкина, и впервые познакомились на «Операции «С Новым годом!». У нас была очень приятная команда: Ярмольник, Маковецкий и многие другие. Съемки велись практически в одном месте — Боткинских бараках, питерцы знают эту больницу. Именно тогда мы с Андреем стали общаться. Вообще мне кажется, что крайне тяжело вступить с ним в плохие отношения — не такой он человек. Хотя некоторые люди все-таки умудрились. То есть у него были какие-то неожиданные конфликты.

В актерах иногда присутствует такая черта, не знаю даже, что именно, — она абсолютно никак не связана с актерскими способностями, но мешает быть актером. На таких людей Андрей иногда злился. Вообще же Андрей мог играть с любым партнером. Бывало, конечно, что его что-то раздражало.

Потом мы вместе снимались в «Блокпосте», причем где-то за месяц до съемок я должен был выгуливать собаку Андрея, чтобы она ко мне привыкла. Глафира — его собака — тоже снималась в

фильме. Я приходил к Андрею, гулял с овчаркой. Нужно было приручить собаку, чтобы она бегала вокруг меня, но в конечном итоге она все равно вертелась около Андрея. Именно в этот период у нас с Андреем завязались дружеские отношения, подружился я и с Иваном Ивановичем, что вполне естественно, ведь я приходил к ним домой.

В перерывах между съемками мы очень много играли. Нашей любимой игрой была игра в кости. Этот вариант костей открыл для нас художник Володя. Покером на костях заразилась почти вся съемочная группа «Блокпоста». Потом мы с Андреем очень часто встречались — уже после нескольких лет, что не работали вместе, и периодически играли в эту игру. Во время игры он мог отмочить такую шутку, что хотелось просто сидеть и смеяться, а не продолжать играть. Думаю, Андрей многих обучил покеру на костях.

Андрей, кстати, научил меня водить автомобиль. Я это очень хорошо помню — он научил меня водить машину за один день! Я окончил автомобильные курсы, потом прошло какое-то время, в течение которого я вообще за руль не садился, да и машины у меня не было полгода. Потом появилась машина, но я понял, что боюсь на ней ездить. Я позвонил Андрею и спросил, свободен ли он. Андрей был потрясающим водителем! Он, если можно так выразиться, вел машину очень нагло, опытно, уверенно и в то же время бешено. В его машине можно было испытать захватывающие ощущения, особенно если он ехал на большой скорости. Андрей же сохранял невозмутимое спокойствие за рулем. Именно поэтому я решил обратиться за помощью к нему, а не к кому-то другому. В чем заключалось обучение? Он сразу посадил меня за руль, сел рядом и сказал: «Поехали!» Андрей заставил меня выехать на самую бешеную улицу в городе, которая пересекает Невский проспект, — там безумные пробки. Машины были повсюду. И как только с обеих сторон к моей машине начали приближаться два трамвая, Андрюха сказал: «Разворачивайся». Я никогда не забуду, как разворачивался. Со всех сторон мне бибикали водители. Андрей, улыбаясь, спокойно посоветовал: «А ты договорись, посмотри в лицо человеку. Договорись — спроси вежливо: можно я сюда стану?» А на меня все водители, включая водителей трамваев, орут матом. Но Андрей поймал во мне этот страх, когда просто боишься смотреть людям в глаза и договариваться с другими водителями, являясь при этом виновником столпотворения... В итоге я научился уверенно чувствовать себя за рулем — и все благодаря Андрею.

У Андрея практически не было страха. Он не боялся ничего! Андрей — открытый человек, с яркими эмоциями, по которым всегда было понятно — хочет он что-то делать в данный момент или нет. С ним могло быть и тяжело, и сказочно весело. Вообще я считаю, что страх — это противоположность любви. Почему-то я думаю так: противоположность любви — не ненависть, а именно страх. Человек, который чего-то боится, не способен любить. Это и есть некий комплекс — ты не можешь никому открыться. Поэтому, наверное, можно сказать, что Андрей был наполнен любовью. И в то же время его обуревали всякие душевные страдания. Он наверняка проделал какую-то большую внутреннюю работу над собой... Когда я с ним познакомился, он был уже зрелым мужиком, разбирался в людях и самом себе. Трудно сказать, что он был счастливым, но у него были «вспышки» счастья. Счастливое лицо Андрея зажигало все вокруг, ты радовался вместе с ним. Когда он этого хотел, он заряжал других людей энергией. Мне кажется, что, если бы в сложной ситуации Андрей сел где-нибудь в сторонке и замкнулся в себе, окружающие чувствовали бы невероятный дискомфорт.

Я неоднократно видел Андрея на сцене, в основном в спектаклях в театре «Приют комедианта». Он не был актером в маске, то есть человеком, который как-то пытается переделать свою внешность. Мне кажется, он настолько мощно пропускал через себя роль, что не нужно было никаких дополнительных вещей. Я от кого-то слышал, что Андрей всегда был одинаковым. Не знаю, как следует относиться к этой фразе, и мне хочется сказать: «Ну и что?» Андрей всегда играл безупречно, он мог привлечь к себе внимание. Те вещи, о которых он говорил или думал, имели какие-то определенные нюансы. И что значит — одинаковый? То, что он без парика, или что? Мне сложно обсуждать Андрея как артиста, потому что я сам артист другого уровня — начинал я с Театра музыкальной комедии и оперетты. Иногда я смотрел на Андрея на съемках и думал: «А я бы не так сделал, совсем не так». Но на экране это смотрелось именно так, как и должно быть. Андрей чувствовал, как нужно сыграть. У него было больше опыта. Андрей говорил мне: «Кирилл, меньше думай и больше учись».

Когда говорят, что Андрей был артистом, не похожим на артиста, я с этим согласен. Лично мне Андрей больше всего запомнился в картине Александра Рогожкина «Болдинская осень». В «Блокпосте» он был совсем другим не только по характеру героя, но и внешне — лысый, бородатый. Но он брился или стригся не потому, что у него какие-то там роли, а потому, что ему так хотелось. Например, Андрею казалось, что ему без бороды лучше, и он шел в это кино без бороды, и его принимали без

бороды. Интересно, что Андрей был очень разным на фотографиях. Однажды он показал мне фото, и я спросил: «Это кто?» А он отвечает: «Это меня вчера сфотографировали». Его было не узнать на этой фотографии. Я не согласен, что он был везде одинаковым. Думаю, о его «одинаковости» могли говорить лишь завистливые артисты.

Сейчас мне вспоминаются какие-то не связанные между собой ситуации. К примеру, как-то у меня сломалась машина, и Андрей дал мне свою покататься. Когда один парень, с которым мы снимались, попал в больницу и требовалась срочная операция, Андрей был единственным, кто помог деньгами, — остальные не проявили никакого участия. Андрей чисто по-человечески никого не подводил, хотя я слышал о случаях, когда он подводил в работе — выбывал из съемок на несколько дней.

В последний раз мы виделись с ним примерно год назад. Он уехал из Питера в Москву и там активно работал. Я звонил Андрею несколько раз, в конечном итоге у него вообще все телефоны поменялись. Понятно, что теперь с ним нельзя было так просто посидеть в кафе: пришлось бы встречаться либо у него дома, либо у меня, и то при условии, что он приехал бы ко мне на какой-нибудь неприметной машине и в черных очках. Андрей стал очень известным человеком, его узнавали повсюду.

Он работал очень много, нужно было как-то снизить нагрузку. Он работал даже в свой день рождения. Я как-то позвонил ему и услышал, как на заднем фоне съемочная группа скандировала: «Поздравляем!»

Интересная у него была жизнь, конечно. Он делал то, что хотел. По крайней мере, в последнее время. Однажды Андрей сказал, что мотор у нас хороший, тормоза слабые (он имел в виду себя). В конечном итоге мотор не выдержал такого отпуска тормозов. Когда на них жмешь со всей силы, а потом вообще не трогаешь, тормоза могут подкачать...

Маргарита Бычкова, актриса Театра им. В.Ф. Комиссаржевской, киноактриса («Блокпост», «Агент национальной безопасности», «Менты», «Любовь, предвестие печали», «Прииск» и др.)

Мы с Иваном Ивановичем Краско являемся почетными подводниками. В учебном отряде подводного плавания имени С.М. Кирова мы совместно проводили концерты. На одном из концертов я впервые и встретила с Андреем, хотя давно знала, что у Ивана Ивановича есть сын. Андрюшу вообще невозможно было не знать — его знал весь город, потому что это был великий, талантливый человек... Концерт закончился очень поздно, и домой мы поехали на машине Андрея. Это была старая «Волга» с огромной овчаркой на заднем сиденье. Андрей сидел за рулем, такой весь угрюмый, с серьгой в ухе. Потом мы виделись еще несколько раз, но более близко познакомились на пробах у Александра Рогожкина — он собирался снимать «Блокпост». Мы подружились с Андреем, — он потрясающий человек, абсолютно искренний. Он меня всегда успокаивал. Помню, я ему жаловалась: «Андрюша, почему меня в кино не снимают?» Андрей со свойственным ему спокойствием отвечал: «Не переживай, меня тоже долгое время не снимали. Не жди никаких звонков и живи обычной жизнью. Как только ты перестанешь ждать и надеяться, приглашения появятся сами собой». Я восприняла его слова очень близко к сердцу, подумав: «Нет так нет», и перестала ждать. И тут на меня действительно посыпались предложения сняться в кино. Это всегда так — пока не закроешь одну дверь, не откроется другая. Стоит только закрыть одну дверь, как тут же откроется новая...

Нас обоих утвердили на роли, и мы отправились в Адыгею на съемки. После первого съемочного дня меня всю трясло, и Андрей снова меня успокаивал.

Он многому меня научил. Андрей говорил: «Ну что ты делаешь? Смотри сюда» — и показывал, как надо. Кстати, в поезде по дороге в Адыгею Андрей пригласил меня в свое купе. Когда я зашла, к своему изумлению, увидела Риту — его жену. Надо сказать, с Ритой я познакомилась задолго до Андрея, мы с ней вместе учились. Не знаю, почему у нее не сложилась актерская карьера. Помню, в одном из спектаклей она играла невесту, провожающую своего парня на фронт. Парень с фронта не вернулся... Так вот, люди ходили на спектакль, чтобы посмотреть на Риту — такая она была эффектная. Андрюшка ее очень любил. Он окружал своих барышень такой заботой! Думаю, женщины, находившиеся рядом с ним, были счастливы... Андрей говорил, что у него нет друзей, но есть Ритка и Лешка, то есть я и мой муж. Кстати, мой муж принимал роды у жены Андрея (он акушер-гинеколог). Потом мы крестили Кириюшу (сына Риты и Андрея). Мы стали дружить семьями. Когда Андрей и Рита

расстались, мы продолжали перезваниваться с Андреем. И Лешка, мой муж, постоянно спрашивал про Кирюшу (у мальчика были проблемы со здоровьем).

О творческих способностях Андрея мне хотелось бы сказать особо. Ему удавалось быть хорошим актером и в театре, и в кино. Для меня театральная и киноактер — это две разные профессии, а кино и театр — это два полюса. То, что ты можешь по-киношному сделать на сцене, не будет волновать зрителей далее восьмого ряда, а то, что хорошо удается в театре, не всегда приемлемо в кино. Все не так просто! Но Андрею это удавалось, он уникальный актер! Он абсолютно реалистично, по-киношному играл на сцене, но играл так, что это чувствовалось зрителями самых последних рядов. Причем он не делал тех театральных усилий, которым нас всех учили. Он играл, он жил, как в кино. Помню, Андрюша читал какой-то монолог — просто сидел и читал. И вот ты смеешься, смеешься и вдруг в конце понимаешь, что на самом деле плачешь...

В нашем театре (Театр им. В.Ф. Комиссаржевской. — *А. В.*) он был задействован в спектакле «Андорра» вместе с отцом. Андрей играл одну из ведущих ролей — героя-подонка, но играл с таким обаянием.

А какой у него был взгляд! И эти синие глаза... От его глаз даже операторы с ума сходили, так они им нравились. Андрюшкины глаза любили снимать, таких глаз больше ни у кого не было. Когда выставляли свет, он поднимал ресницы, и в камеру смотрели синие глаза — совершенно потрясающие.

Мне нравится все, что делал Андрюша в кино и в театре, нравится даже «Участок», где он в этой кожаной коричневой кепочке. У Андрюши потрясающие вкус и чувство стиля. Он сам делал себя на съемочной площадке, создавал образ. Конечно, ему предлагались какие-то вещи, но он практически все выбирал сам.

Андрюша был очень чистоплотен и аккуратен, педантичен. Если ему не нравились какие-то вещи, он не позволял делать их другим людям. Например, опаздывать на репетиции, не учить текст и т.д. Он всегда был прав! Кстати, в последнем, кажется, интервью он упоминал о том, что просил поменять машину или водителя, поскольку ему запретили курить. Но в контракте было сказано, что ему позволено курить в машине — Андрей жить не мог без сигарет. Это правильно, что он требовал от других исполнения обязательств. И это вовсе не прихоть. Да, конечно, встречаются и неприхотливые люди. Но быть неприхотливым — это тоже прихоть. Человек сам получает от этого удовольствие: «Ой, что вы, что вы, мне не надо, я обойдусь» и т.д. и т.п. Словом, каждый живет как живет.

«Блокпостом» наше сотрудничество с Андреем не закончилось. В 1999 году, кажется, нас пригласили на съемки фильма «14 цветов радуги» — у Андрея должна была быть эпизодическая роль. Но затем режиссер взял на наше место других актеров, и фильм вышел без нашего участия. Андрей тогда еще не был популярен, настоящая популярность пришла к нему после «Агента национальной безопасности».

В сериале «Агент национальной безопасности» мы тоже снимались вместе, серия называлась «Гордиев узел». Он за меня все время переживал — там постоянно что-то взрывали, за мной была погоня, меня вытаскивали из машины. Плюс к этому я ждала ребенка. Кстати, как-то во время моей беременности мы с мужем пригласили Андрея и Риту на ужин. Мы только что сделали ремонт в квартире, а занавески приобрести не успели, и я пожаловалась, что в окно сильно светит. Андрей купил мне занавески — так, типа временные. Но нет ничего более постоянного, чем временное. Занавески сохранились до сих пор...

В моей семье Андрюшу очень любили. Моя старшая дочь гордится знакомством с таким человеком. Он образован, начитан, интеллигентен. У него хватало мудрости разговаривать, к примеру, с пьяницами так, что не он до них опускался, а они до него возрастали. Андрюша — человек, творящий добро.

Я с ним часто советовалась, и он нередко одаривал меня добрым словом. На мой день рождения (а он пришелся как раз на время съемок «Блокпоста») Андрей написал потрясающее стихотворение, которое я также продолжаю хранить среди самых дорогих мне вещей.

Андрюша уникальный, мужской силы актер. Он потрясающий придумщик! Мне кажется, он смог бы при своем редком обаянии сыграть роли самых красивых мужчин в театре и в кино. У него была такая внутренняя мужская сила, даже не знаю, как объяснить. В него хотелось влюбиться, и не важно, пьяный он был или трезвый. Мне кажется, Андрею удавалось убедить женщину в том, что она у него единственная, самая лучшая и самая любимая. Я думаю, он был счастлив. Андрей вообще лирической души человек и большой романтик. Поэтому он был счастлив каждый раз, и всякий раз по-своему. Несчастен он был в своей внутренней тревожности, в какой-то внутренней неразберихе. Он очень любил папу, но между ними не всегда было взаимопонимание. Андрея это тяготило, он сильно пе-

реживал. Иван Иванович сам об этом рассказывал. Так что Андрей мог страдать лишь наедине с собой. В компании его окружали удивительные люди: умнейшие, честнейшие, красивейшие, талантливые. О самом Андрее трудно сказать что-то плохое. Плохо только то, что он не сберег себя. Хотя если он так решил, значит, так было надо... Если он хотел загнать себя в угол работой, значит, он сделал окончательный выбор. Он жил так, как жил. И для него не важно было, хорошо это или плохо.

Он научил меня, пожалуй, самому главному: когда тебе плохо, не хандрить, а взять себя в руки и адекватно реагировать на сложившуюся ситуацию. Иногда мне кажется, что испытание славой — вещь вполне естественная. За талант приходится чем-то платить: отсутствием детей и личной жизни, здоровьем, кто-то вообще сходит с ума... Поэтому, пройдя такой путь, думаешь: и зачем все это? Но я все равно считаю, что за себя, за свое призвание нужно драться. И в профессию нужно идти только тогда, когда уверен, что жить без этого не можешь. Андрюха не мог жить не играя.

Не помню, кто сказал об Андрее на поминках следующую фразу: «Американская киношная достоверность». Мне она очень понравилась. В кино американские артисты очень достоверны, а Андрюша — русский человек, которому удавалось быть по-американски достоверным. Откуда в нем это, я не знаю. Это талант. Ему бы в Голливуде сниматься...

Меня все время мучает вопрос: как бы научиться тем, кто дает путевки в жизнь, определять людей, действительно талантливых, а не выбирать их по принципу: с этим человеком мне будет удобно работать, от этого я получу такую-то выгоду и т.д.? И как вообще научиться не проглядывать таланты?.. Андрюше было очень нелегко получить свою путевку в жизнь!

Казалось бы, его успешная карьера только началась, и уже... похороны. Хоронили Андрюшу в Комарове, а провожали в Питере. Собралось столько людей! Старшего сына Андрея — Ваню — я впервые увидела на похоронах, а до этого много о нем слышала. Он очень похож на Андрюшу внутренне. Андрюша ведь не артист был по жизни — скромный, скрупулезный. Там же я увидела и Светлану, с которой Андрюша жил последние два года. Абсолютно Андрюшина девушка, я это сразу почувствовала на подсознательном уровне. Вообще его всегда окружали хорошие девушки, они были даже чем-то похожи.

Когда Андрея хоронили, трудно представить, что творилось на площади. Гудели машины, люди аплодировали — есть такая традиция, когда хоронят артиста; все было в белых хризантемах — это любимые цветы Андрея. Все было настолько красиво! Мне было безумно приятно, когда приехали его московские коллеги — знаменитые артисты, они были в черных костюмах, и все напоминало сцену из какого-то фильма. Питер хоронил Андрюшу Краско, а Москва приехала хоронить звезду. Приехали все московские звезды. Возникло ощущение, будто бы Андрюша на несколько секунд как бы не наш стал, но в то же время была гордость за него.

Андрюша смог доказать людям, вершащим театральные и киношные судьбы, что он чего-то стоит. И не просто чего-то, а многого. Он доказал это своим трудом, своим отношением к работе, при этом он никогда не терял человеческого достоинства. На самом деле это так сложно — доказать...

Я уверена, что Андрей родился артистом! Он прекрасно владел речью, пластикой... Кстати, в жизни он порой говорил монотонно и не очень громко, а на сцене буквально преображался. Если бы Бог отмерил ему побольше времени, он стал бы великолепным театральным и кинорежиссером. Это точно!

По Андрею скорбят все! Я только что вернулась из Сочи, так там скорбят абсолютно все — люди всех возрастов и профессий. Еще помню, как после спектакля (кажется, «Чайка») я ехала домой на такси, поймала случайную машину. И водитель неожиданно остановился и сказал, что сегодня девять дней со дня смерти Андрея Краско — его любимого артиста, и мы простояли так, молча, какое-то время. Это удивительно!

Мне кажется, что Андрей умер «не почему-то», а потому, что так должно было произойти. Видимо, такое испытание дал ему Господь Бог — дожить именно до этого времени и сделать то, что он успел сделать, прожить такую короткую жизнь. Но вообще это очень странно: почему только сейчас начинают писать книги, снимать документальные фильмы о человеке, которого одно время буквально на порог киностудии не пускали и ни во что не ставили? Какая же в Андрее должна быть душевная стойкость, какое мужество, чтобы пройти через все это и не сломаться, ждать своего звездного часа! Так было с Шукшиным, Высоцким, Каморным, Басовым — это вот те люди, единичные, на которых мы сейчас молимся. Как говорится, что имеем — не храним, а потерявши — плачем. Иногда думаешь о том или ином человеке: да куда он денется, ему еще жить да жить, но...

Андрюша молодец! Он смог доказать, что он талантливый артист, он многого добился в профессии.

Это так важно — не отступить вовремя, а продолжать бороться. Иначе зачем все это? Я очень рада за Андрюшу, что он стал настолько популярен. Это высшая награда! Мне кажется, Андрей смотрел на всех собравшихся и улыбался...

Он похоронен рядом со своими любимыми учителями по сценическому мастерству, неподалеку находится могила Анны Андреевны Ахматовой. Я чувствую, что ему там хорошо и спокойно...

*Анна Терехова, актриса («Девочка, где ты живешь?»,
«Все то, о чем мы так долго мечтали», «Русский регтайм»,
«Маленькая принцесса», «Удар лотоса — 3: загадка сфинкса»,
«Кавалеры Морской звезды», «Надежда исчезает последней» и др.)*

Я четко помню, как познакомилась с Андреем. Я должна была ехать на репетицию, — меня пригласили работать в одном проекте, — я сидела в машине и разговаривала по телефону со своим другом. И вдруг я увидела, как Андрей выходит из магазина с какими-то пакетами в руках (позже оказалось, что он снимал в этом районе квартиру и магазин был недалеко от дома). Я говорю другу: «Ой, сейчас мимо меня прошел актер такой классный, он мне так нравится!» Самое смешное, что я забыла его фамилию, просто вылетело из головы. А Андрей идет прямо мимо меня, с серьгой в ухе.

И вот я приезжаю в театр, там уже многие актеры собрались: Валя Смирнитский, Володя Долинский, — и вдруг входит Андрей. Представляете мое удивление! Для меня это было так неожиданно. Мы познакомились, и я сказала ему, что только что его видела.

Первое впечатление об Андрее у меня создалось следующее: человек необыкновенной доброты, душевный, очень талантливый. Я и раньше была знакома с его творчеством, в основном в кино. Мои любимые фильмы с его участием — «72 метра» и «Сволочи». В театральных постановках, кроме нашей («Новые русские мужики, или Мужчины на час». — *А. В.*), я его не видела, хотя знала, что он играл во многих спектаклях. Вообще, он очень хотел и дальше работать, не только как актер, но и как режиссер, планировал что-то ставить. У нас с ним даже были совместные планы, но, к сожалению, все оборвалось... Человек этот был рожден для профессии актера; и такая странная судьба: его жизнь прервалась как раз на взлете. Популярность пришла к нему уже в зрелом возрасте, но все равно он мог сделать еще так много!

Об Андрее у меня остались самые светлые воспоминания. Я часто о нем думаю, особенно когда проезжаю мимо того магазина, где впервые с ним встретилась. Не проходит и дня, чтобы я о нем не думала, и, еще раз повторюсь, это самые светлые воспоминания.

Когда мы репетировали (особенно в самом начале, чуть больше года назад), всякое, конечно, бывало. Но в коллективе у нас складывалась такая атмосфера, которую мог создать только Андрюша: хорошее взаимопонимание, необъяснимая радость, теплота и некое спокойствие. Андрей сам внутренне был очень спокойным, и это спокойствие передавалось окружающим его людям. Это очень важно, особенно в актерской среде, когда вокруг все такие неуравновешенные, вспыльчивые... На мой взгляд, спокойного человека сейчас встретить сложно: люди погружены в какую-то суету, никому нет дела до другого человека. Так вот, я думала, что на этом проекте, как и на большинстве других, мы отработаем и сразу же разойдемся, но нет. У нас все было не так: мы получали радость и удовольствие от того, что мы все вместе, — и это самое главное. Мы обсуждали какие-то дела после спектакля, общались. Андрей рассказывал про свою жизнь, про папу и сына.

Андрей всегда был галантным, относился к женщинам трогательно, с уважением, по характеру это был настоящий мужчина! Женщина всегда чувствует, что рядом с ней настоящий мужчина, — такое же чувство возникало у меня, когда Андрей находился рядом. Виделись мы с ним не так часто — несколько раз в месяц, когда шли спектакли. Андрей играл Адамова (Адамчика) и был моим партнером по спектаклю. С ним мне было необыкновенно легко, он мне очень помогал. Кстати, какие-то вещи в этом спектакле он придумал сам, местами даже текст менял. То есть совместными усилиями у нас получился другой спектакль, отличающийся от оригинала (в Москве идут обе версии). Наш спектакль был наполнен Андрюшиным участием, его личным восприятием, хотя я знаю, что сначала он не очень-то хотел быть режиссером. Кстати, то, что Андрей стал режиссером нашего спектакля, получилось чисто случайно. Первый режиссер в свое время почему-то работать отказался, да и вообще был каким-то пассивным в работе, а Андрей, напротив, пытался как-то координировать актеров, что-то улучшать. И продюсер (Валерий Левушкин. — *А. В.*) развел руками и сказал: «Ну, Андрюша,

быть тебе режиссером!» Наверное, почувствовал, что Андрей обладает режиссерским талантом. Андрей согласился выступать и как режиссер, и как актер одновременно. Конечно же, это было в два раза тяжелее, но он справлялся. А сейчас мы играем этот спектакль в честь него...

Я вспоминаю многие моменты, связанные со спектаклем. Курьезных случаев было не так много, и то зрители их не замечали. К примеру, мы часто путали мизансцены или возникали проблемы с текстом. Андрей играл то Адамчика, то Колыманова (имена персонажей пьесы. — *А. В.*), то есть менялся ролью с другим актером, и иногда получалось, что он говорил за обоих персонажей или же вообще забывал, кого он в данный момент играет. Я тоже играю две роли, меняюсь от спектакля к спектаклю: я то Вика, то Алена. Получается такая каша в голове! Самое смешное, что, даже когда выпадали целые куски текста, это было незаметно. Но это — особенность пьесы: с какого бы момента ни начал смотреть, все понятно.

В одном из действий есть момент, когда я должна выбежать за кулисы, будто я кого-то жду. И Андрей всегда меня там встречал, слегка обнимал и говорил мне какие-то добрые слова, взбадривающие. Мне это было настолько приятно! И вот сейчас я выхожу за кулисы, а Андрея там нет.... И мне очень трудно, очень грустно. Но я как бы смирилась, стараюсь не падать духом, потому что на все воля Божья. И мне кажется, что Андрюша очистился и ему хорошо там... У меня нет тяжелой скорби, я думаю об Андрее как о чем-то светлом, будто бы ему там хорошо и спокойно...

Андрей был одним из моих любимых актеров. Смотришь по телевизору какой-нибудь фильм или сериал, а там — он. Смотришь на его глаза, на его поведение — он просто светился изнутри добротой и любовью, — и сразу так легко становится. Он играл очень искренне, в каждой роли, в каждом эпизоде. Жаль, что мы больше не увидим его в какой-нибудь главной, значимой роли, что его проекты не осуществились. А он хотел сделать так много! Андрей был еще и моим другом: он знал, как я к нему относилась, он всегда меня понимал и иногда говорил мне то, что даже я сама о себе не знаю. Для меня это было слишком неожиданно. Он очень хорошо чувствовал людей. Я очень люблю этого человека и буду помнить его всю жизнь, буду молиться за его душу.

Кира Петрова, актриса («Окно в Париж»,
«Влюблен по собственному желанию», «Яма», «Лес»,
«Менты», «Улицы разбитых фонарей», «Горько!»),
спектакли «О, вы, которую любили», «Москва — Петушки» и др.)

С Андреем мы познакомились в театре «Приют комедианта» — нас пригласили сыграть в пьесе погибшего Венечки Ерофеева «Москва — Петушки». Сначала я сопротивлялась, потому что, честно говоря, материал мне не очень понравился, когда я впервые его прочитала. Не в моем вкусе немножко, я не все понимала. Режиссер к тому же задумал, что мы сидим в черном ящике, и вообще все довольно мрачно. Кстати, судьба самого спектакля тоже странная. Нас пригласили играть вторую редакцию. В первой версии Андрюшину роль, то есть роль Венечки, играл сам режиссер — Васильев, а мою роль и роль народной артистки России Веры Карповой играли другие актрисы. Обе они погибли при странных обстоятельствах — сгорели во время пожара, и вторая редакция пьесы ставилась в их память. Я согласилась играть в спектакле, но начала работать без особого удовольствия. Потом, как всегда, увлеклась. Мы с Андрюшей стали большими друзьями. Он, конечно, необыкновенный человек: творческий, очень простой, доступный. Для меня лично это самое главное в работе, когда человек делает все совершенно искренне, на все отвечает и реагирует. В общем, нормальный, открытый человек. И к тому же талантливый.

Мы работали в этом спектакле довольно долго. Очень часто Андрей рассказывал мне о своих делах, в каких фильмах он снимается, о ролях, которые играет. Я очень радовалась за него, потому что в начале своей карьеры он был невостребован. Теперь его полностью захватывала работа, ему все время предлагали новые роли. Он не менялся, как многие другие актеры, когда к ним приходят слава и деньги. Таким же был Олег Ефремов, — несмотря на славу, он оставался простым, открытым человеком. Я не верю, что слава может изменить человека в худшую сторону. Глупого — да, но умного звездная болезнь не коснется. Андрюша звездной болезнью не страдал. Но он был привязан к алко-голю — сколько великих людей пострадало из-за этой привязанности... У актеров обостренные нервы, каждый день спектакли, стрессы, хочется как-то расслабиться...

Андрей относился ко всему с юмором. Мы с ним одинаково смотрели на многие вещи, у нас было

похожее чувство юмора. Он всегда был очень внимательным, вел себя по-джентльменски. Мы вместе ездили на гастроли и даже в поезде все время хохотали. Помню, когда мы были в Калининграде, то в свободное время пошли гулять по городу, и Андрей купил мне янтарные бусы. У нас все гастроли были веселые, все было чудесно. Потом случилось так, что Андрея убрали с этой роли — он был занят на съемках. Его заменили другим артистом — тоже хорошим и талантливым. Но конечно, такого, как Андрияша, уже не было, к сожалению.

Андрей как-то пригласил меня на спектакль «Смерть Тарелкина», в котором играл вместе с Пореченковым и Хабенским. Я сидела в восьмом ряду — место замечательное, все прекрасно видно, спектакль потрясающий. И вдруг в финале, когда Андрияша вышел на сцену и стал произносить заключительный монолог, загорелась кулиса. Это видели все зрители, но решили, что так и должно быть. Я-то поняла, что пожар настоящий. Думаю, что делать? Никто и не шелохнулся. И вдруг — и это меня больше всего поразило — Андрияша обратил внимание, что что-то пылает, развернулся, спокойно посмотрел на огонь, взял кулису в руки и ловко скрутил. Огонь погас. Зрителям действия Андрея показались завораживающими. Он поступил как волшебник, а потом, как ни в чем не бывало, закончил монолог. Это было невероятное впечатление! После спектакля я сказала ему: «Андрияша, это было самое большое впечатление, когда ты так изящно погасил огонь, не дал вспыхнуть панике». Все поступили бы по-разному: кто-то убежал бы или стал звать на помощь, но Андрей повел себя совершенно необыкновенно.

Буквально совсем недавно проходил кинофестиваль, на который меня пригласили, и там я встретила Андрияшу. Он предложил мне: «Кира, давай сделаем какой-нибудь спектакль, антрепризу. Давай купим авторское право у режиссера и поставим «Москва — Петушки» для нас, и будем его играть». Андрею очень хотелось играть в театре и самому что-то поставить. Мы звонили друг другу, обсуждали творческие планы. Этот разговор был буквально перед самой его смертью. Я была поражена... Но, честно говоря, ожидала этого, потому что свое здоровье Андрей совершенно не берег. Он работал на износ. В спектакле «Москва — Петушки» он сидел в этом черном ящике сжавшись в комочек, съевшись. Я знаю, что у него болел живот, ему было трудно дышать (Краско страдал астмой. — *А. В.*), но он не обращал на это внимания и продолжал работать. Он был беспощаден к себе. Часто он говорил мне: «Вот, у папы теперь двое детей. И я должен буду их кормить, поить, воспитывать». Но все наоборот получилось...

Что я еще могу сказать? Одним прекрасным человеком, одним талантливым актером стало меньше. Очень грустно, когда умирают хорошие, порядочные люди, а бездари и подлецы ходят по земле.

Эдуард Ашинов, заместитель директора Государственного театра киноактера

Андрей Краско был единственным несделанным актером из всех сделанных. Он был настоящим, реальным, действительно талантливым.

Дмитрий Кулаков, мастер по свету

С Андреем я работал много, начиная с картины «Прорыв» Дмитрия Светозарова, где мы и познакомились. Затем были «Псы» (этого же режиссера), «Брат» Алексея Балабанова и одна из последних работ Андрея — «Кинь Вавилон» В. Щеголькова.

Больше всего мне запомнились съемки в фильме Дмитрия Светозарова «Псы» («Город бешеных псов»). Это картина времен перестройки, она вышла на экран, кажется, в 1989 году. Сюжет следующий. Существуют брошенные города в Средней Азии (в фильме не указывается конкретное название городов), куда ездят мародеры. Мародеры подбирают там все, что забыли или оставили люди. Время от времени люди пропадали. Когда их попытались разыскать, нашли только останки, поеденные непонятно кем. Волков там не водилось, другие же животные на людей так просто не нападают. Была собрана группа охотников из нескольких человек (Андрей Краско, Владимир Жигалов, Юрий Кузнецов и другие). Они получили задание выехать в заброшенный город и выяснить, что же там такое происходит на самом деле. Приехав в один из городов, охотники обнаружили, что на людей нападает стая диких голодных собак, которые таким образом мстят людям за то, что их бросили. В стае был один очень серьезный пес — его играл кавказец, которого все считали вожаком, он организовывал

нападение. Судьба охотников, поехавших стрелять псов, была очень трагичной. Кто-то сошел с ума и покончил жизнь самоубийством, кого-то убили и т. д. В живых, кажется, остался один-единственный человек.

Съемки проходили в Средней Азии. У нас была очень дружная команда, все были еще молодые (дело происходило лет двадцать назад). Часто мы выезжали снимать в пустыню и возвращались вечером. После съемок мы отправлялись на пляж (рядом было Каспийское море), где нас ждал ужин. Специально для нас готовили шашлык, плов, салаты и прочую еду. Утром вся наша группа отправлялась на рынок — купить что-то к завтраку, да и с собой в пустыню что-то взять. Это сейчас актеров и технический персонал кормят на съемочной площадке, а в те времена нужно было самим о себе заботиться. Но вообще на съемках у нас все было организовано очень четко, профессионально. С нами были кинологи и хозяева некоторых собак.

В картине есть довольно жестокие сцены расстрела собак. Так вот, ни одна собачка не пострадала! Все было очень четко сделано пиротехниками и каскадерами. Хотя люди, которые потом смотрели фильм, говорили: «Сволочи! Как же вы могли стрелять в собак?!» — настолько реалистично все было снято.

На съемках не обошлось без накладок. По сценарию Андрей должен был выходить из автобуса и идти к полузасыпанному песком «запорожцу» — в пустыне были зыбучие пески. А один из охотников, которого играл Вова Жигалов, — проводник, он хорошо знает местность. И чтобы предупредить Андрея (вернее, его героя) об опасности, стреляет возле его ног — сбивает кустик, чтобы его остановить. Кричать уже некогда, слишком мало времени. Мы сделали несколько дублей, но Вова никак не успевал схватить ружье и выстрелить вовремя. На последнем дубле у Вовы наконец получилось выхватить ружье вовремя и выстрелить в нужный момент. Причем Андрей так натурально подпрыгнул и аж испугался. Оказалось, что пыж из ружья попал Андрею под колено и очень сильно поранил его. Съемки, правда, не прекратились. Мы оказали Андрею первую медицинскую помощь, насколько это было возможно в тех условиях. На протяжении всех съемок Андрей снимался с подстреленной ногой, отказавшись обратиться в травм-пункт. Лечил его, кстати, я. Почему-то он доверил лечение своей раны мне. Этот роковой дубль вошел в кино, потому что более реалистично сыграть было нельзя.

На съемках фильма «Кинь Вавилон», в котором Андрей играл полковника ГРУ в отставке, у него открылась язва. На следующий день Андрей все равно приехал на съемку и снимался, невзирая на приступ. Ему сделали какие-то уколы. Работа была для него превыше всего — он так и отснялся в фильме с открывшейся язвой.

Андрюша был настоящим актером, большим профессионалом и хорошим человеком. Как человека я знал его очень хорошо — как я уже говорил, мы подружились на съемках «Псов». Он действительно хороший друг — верный и готовый прийти на помощь тогда, когда это нужно. Он старался никому не откалывать в помощи, если это было в его силах. Очень любил животных. Андрей был без ума от собак, хотя и страдал астмой, и ему не рекомендовали находиться рядом с животными, и тем более держать их дома. Кстати, после «Псов» у нас две трети съемочной группы обзавелись собаками (у Андрея появилась сначала первая овчарка, а затем овчарка Глафира, которая снялась с ним в «Блокпосте». — *А. В.*)

Жаль, что как актер он стал востребованным достаточно поздно. И это совершенно незаслуженно, я считаю.

Тяглова Алла, администратор на съемочной площадке
сериала «Агент национальной безопасности»

Одну из серий «Агента...» мы снимали недалеко от Пскова. У Андрюши как раз был день рождения. Мы решили купить мяса, сделать шашлык, напекли пирогов. Поскольку местность была сельской, то какой-то хороший подарок найти было сложно. Мы отыскали в деревне огромный плетеный короб и заполнили его всем, чем только можно: картошкой, морковкой, капустой, банками с соленьями и прочими продуктами — и украсили все полевыми цветами и колосьями. Наш директор — Лариса — поехала в Псков, чтобы посмотреть поздравительную открытку или что-то более существенное, но ничего не нашла. Зато она нашла какую-то книжку про город Псков, местные заводы, фабрики и предприятия. Причем книжка была издана годах в семидесятых, то есть редкая. Ее-то она и купила. Мы пустили эту книжку по кругу, и на пустой странице каждый написал Андрею свои пожелания.

Когда мы вручили свои подарки, Андрюша сказал: «У меня день рождения летом, и редко когда собирается много народу. Но этот день рождения я никогда не забуду! Потому что *такого* не было никогда, чтобы и на природе, и в большой компании, где собрались хорошие, приятные люди».

Мне нравятся все фильмы, в которых снимался Андрюша, потому что он абсолютно не похожий, всегда разный. Разным он был и в жизни: то он пришел с хорошим настроением, то вдруг стал серьезным или еще каким-то. Он был чудесным человеком. Это действительно большая потеря... Все так неожиданно...

Хомченко Лариса, костюмер

Андрей всегда очень хорошо относился к костюмерам и не вступал в конфликтные ситуации. Обычно запоминается плохое — например, когда актер капризничать начинает, или еще что-нибудь. А когда все гладко и хорошо, как в случае с Андреем, то и вспомнить-то особо нечего. Однако за то время, что я работала с ним, произошел один случай, характеризующий Андрея как человека.

Мы снимали картину «Блокада» Александра Буровского. Андрей должен был рубить поленья для камина в кадре и случайно попал по руке. Крови было море, все перепугались. Андрею даже накладывали швы, увозили на «скорой помощи». После Андрей сразу же вернулся на съемки. Я считаю, что в этой ситуации он вел себя мужественно. Многие актеры в подобных ситуациях такие истерики закатывают! А Андрей — наоборот. Когда все стали буквально в обморок падать от крови, он сказал: «Эй, ребята! Ну что вы, все хорошо!» На меня (да и на многих других) этот случай произвел неизгладимое впечатление.

Коптяева Ольга, поклонница, владелица сайта <http://www.a-krasko.narod.ru/>

Я всегда интересовалась театром и кино, ходила на все премьеры, следила за появлением новых актеров. Больше всех мне нравился Андрей Краско. У многих актеров к тому времени уже были свои сайты в Интернете, у Андрея — нет. И я подумала: как же так, такой хороший актер, а о нем так мало известно. Я решила сделать неофициальный сайт Андрея. Наверное, это было наглостью с моей стороны, но... К тому же я вообще не разбиралась в компьютерах и тем более никогда ранее не сталкивалась с веб-дизайном. Пришлось учиться: я поступила на специальные курсы, прочла книжки на данную тему. В итоге получился сайт, на данный момент ему уже полтора года.

Сейчас я склонна видеть некую мистическую подоплеку в том, что я делала. Мне хотелось запустить сайт как можно быстрее, будто потом я не успею. Я привлекла к работе свою семью: мужа и сына. Совместными усилиями мы запустили проект в короткое время. И надо сказать, сайт пользуется большой популярностью.

С самим Андреем я познакомилась через свою двоюродную сестру — известную питерскую журналистку Жанну Зарецкую. Она позвонила Андрею и рассказала, что я занимаюсь разработкой сайта, посвященного ему. Лично мы встречались с Андреем всего пару раз, но иногда разговаривали по телефону. Андрей охотно отвечал на вопросы своих поклонников, вел себя очень вежливо, тактично, никакого намека на звездную болезнь. А я переживала сначала: «Мало ли как он отреагирует на создание сайта? Все-таки известный актер, звезда». Но в жизни он оказался абсолютно открытым человеком, доброжелательным и легко идущим на контакт.

Андрей — потрясающий актер. Мне вспоминается сцена с обезьянкой из фильма «Операция «С Новым годом!»». Говорят, что животное переиграть нельзя, но то, как Андрей играет вместе с этой обезьянкой, заслуживает высшей похвалы. Очень органичная сцена! Последние роли Андрея еще более мощные. Андрею удавалось вытянуть на себе самые плохие сериалы. Если убрать из них Андрея, там смотреть нечего. Андрей говорил мне, что иногда ему приходилось делать какие-то постановочные вещи.

Я удивляюсь силе характера Андрея — он не оставил желания поступить в театральный институт, несмотря на то что в первый раз провалился и отец сказал, что артист из него не получится. Но может, это как раз и послужило стимулом.

Он играл очень разные роли, и в каждой был убедителен. Думаю, Андрей был бы идеален в роли Сирано де Бержерака или Свидригайлова. Кто-то говорит, что Андрей больше всего похож на самого

себя в «Сестрах» и сериале «Стервы, или Странности любви». Но мне кажется, ему было бы неинтересно играть самого себя, особенно если учесть то, что на протяжении нескольких лет он занимался вещами, не связанными с актерской профессией. Ему нужно было кого-то играть — без этого он не мог... Но в некоторых ролях, безусловно, у Андрея есть параллели с героем: он такой же начитанный, философичный, с чувством юмора.

С женщинами у Андрея не всегда все складывалось гладко. Думаю, с ним было сложно постоянно находиться рядом. Он творческий человек, и работа для него превыше всего. Однако в последние годы он, как мне кажется, был счастлив. После спектакля в Питере я увидела Светлану Кузнецову. Андрей представил ее как свою жену. Причем он сделал это так, как могли бы сделать лишь некоторые мужчины. Андрей с какой-то возвышенностью, с некоей гордостью произнес: «А это моя жена!» Светлану он при всех называл своей женой, и было видно, что он ее любит. Она ездила с ним на гастроли, везде сопровождала его. Светлана помогала нашему сайту, рассказывала новости об Андрее и делилась фотографиями.

Это горько осознавать, но только после смерти Андрея, все поняли, какого масштаба актером он был. Теперь о нем говорят и пишут все, на наш сайт приходит очень много отзывов о его творчестве — их присылают люди со всех уголков России и даже из-за границы: Америка, Израиль, Польша, Болгария, страны ближнего зарубежья. Андрей уже не был обычным актером, он переместился на более высокий уровень.

Людмила Арсеньева, заместитель директора по работе с актерами театра «Приют комедианта»

Наша семья очень любила Андрюшу. Его смерть для нас — безумно глубокая рана. Но если человек уходит, значит, так угодно Богу...

Я разговаривала с ним незадолго до его съемок в Одессе, хотела предложить ему роль в новом спектакле — «Вирджиния Вулф». Андрей хорошо отнесся к предложению, очень заинтересовался, но сказал, что сейчас будет занят на съемках. Я знаю, что он всегда очень хотел играть в театре. Вообще, для меня Андрей был прежде всего актером — я не делила его творчество на кинематографическое и театральное. Один из самых лучших фильмов с участием Андрея — «72 метра». Как-то я была на гастролях в Клайпеде и там встретила с Андреем — он приехал туда либо после съемок, либо между съемками, уже не помню. Андрей рассказывал о роли Янычара очень много, с большим вдохновением, говорил, что давно мечтал сыграть именно такого человека. Вообще, даже небольшими эпизодическими ролями Андрея, какую ни посмотри, хочется восторгаться. Как только выходил новый фильм с его участием, я тут же звонила Андрею и благодарилась за талантливую игру.

В нашем театре Андрей играл в спектаклях «Собачий вальс» и «Москва — Петушки». Когда запускался спектакль «Москва — Петушки», я посмотрела его из зала и была не особо воодушевлена, то есть не в восторге. То ли у меня настроение в тот момент было не очень, то ли материал не совсем театральный... А потом получилось так, что я вела этот спектакль и посмотрела его уже из-за кулис. Андрюша был совсем рядом, как на ладони. Я наблюдала за ним в каком-то шоке. Как он играл! Это было счастье — видеть его на сцене. Я сказала позже, что Андрей — артист без кожи...

Дмитрий Светозаров, режиссер («Скорость», «Прорыв», «Танцор», «Арифметика убийства», «Гаджо», «Псы», «14 цветов радуги», «Агент национальной безопасности», «По имени Барон», «Без мундира», «Синдикат», «Три цвета любви», «Вепрь», «Фаворский», «Опера. Хроники убойного отдела», «Улицы разбитых фонарей» и др.)

С Андреем мы познакомились в самом начале восьмидесятых — он снимался тогда в одной из главных ролей в дипломной работе моего однокурсника Алексея Лебедева («Личное свидание». — А. В.). Он сразу обратил на себя внимание «необщим выражением лица», очень индивидуальной, личной актерской интонацией. Неудивительно, что вскоре я предложил ему одну из главных ролей в своем фильме «Прорыв» (вернее, сразу две роли: Андрей играл братьев-близнецов). С той поры Андрюша принимал участие практически в каждом моем фильме или сериале — от главных ролей до эпизоди-

ческих (в таких случаях я звонил ему и честно говорил: «Андрюша, для тебя ничего интересного нет, но приходи отместься (так мы называли его почти ритуальное появление на экране с тем, чтобы не прерывались наши дружба и творческое содружество).

Без лишней скромности утверждаю, что всероссийская слава и любовь к нему пришли после сериала «Агент национальной безопасности». Помню, мне позвонил Володя Вардунас (он вместе с Игорем Агеевым писал сценарий сериала). «Андрюшке Краско есть нечего. Давай поможем ему, сочиним какой-нибудь эпизодик», — предложил он. Так родился капитан Краснов — принципиально новый герой новой эпохи, без котурн и пафоса, глуповатый и открытый, чем-то напоминающий бравого солдата Швейка, однако обладающий несомненными национальными чертами.

Помню, мы все несколько опасались ревнивого окрика из высоких кабинетов столичных спецслужб — мол, где вы видели в наших рядах подобных пьяниц и придурков. Поэтому мне запомнилась история, рассказанная Андрюшей: в каком-то ресторане к нему подошел человек в штатском, оказавшийся генералом ФСБ, и поблагодарил Андрея за созданный им образ (надо отметить, что к тому времени благодаря «Агенту...» Краско-младшего стали узнавать на улицах). «Неужели подобные работники есть в ваших рядах?» — подколот генерала Андрей. «Девяносто процентов», — сухо ответил тот.

Судьба Андрея Краско во многом могла бы стать знаковой для целого поколения творческой интеллигенции нашей страны, поколения, к глубокому сожалению, «потерянного», уничтоженного (не физически — нет, но нравственно и профессионально) прежним строем, последующим катаклизмом, первой декадой новой российской реальности. Андрей годами сидел без работы, пил, перебивался случайными заработками (работал могильщиком на кладбище, шил самопальные джинсы на старенькой швейной машинке, ремонтировал автомобили), и поэтому, когда к нему пришли запоздалые слава и успех, он бросился догонять упущенное. Он сжигал себя работой, порой без разбору, но разве обвинишь в этом изголодавшегося по работе и признанию актера, который, по его собственным словам, ничего, кроме лицедейства, делать не умел, да и не хотел.

Андрюша был истинное дитя питерской творческой богемы (тот, кто знает, что это такое, — поймет меня). Ему были свойственны все ее высокие и низкие черты: пренебрежение к комфорту и прочим жизненным благам, нескрываемая тяга и даже бравада алкоголем, внутренняя свобода, ставшая своеобразным фетишем. Он много любил, его любили, он много пил, много работал... Еще больше он не успел сделать — как очень многие его коллеги и однолетки.

Андрей был, как это ни удивительно звучит для людей, плохо знавших его лично, необычайно литературно эрудированным человеком, много, запоем читавшим. Почти всегда, когда мы встречались, с ним была книга. Он очень тонко чувствовал язык, особенно устную речь, — работать над ролью с ним было сплошным удовольствием. Помню, мы останавливали съемку, садились где-нибудь в уголке и на обратной стороне литературного сценария наново переписывали целые сцены, диалоги.

Незадолго до смерти он зашел ко мне и подарил роскошно изданную «Божественную комедию» Данте Алигьери. Вот такой он был, Андрей Иванович...

Лиза Башарова, агент Андрея Краско, жена актера Марата Башарова

Когда Марат снимался у Павла Лунгина в «Олигархе», я часто приходила к мужу на площадку. Там увидела Андрея, который играл следователя. Но знакомство было шапочным. Общаться, дружить начали на фильме «72 метра», куда утвердили их обоих. Краско знал, что я веду дела Марата, и предложил мне стать его пресс-агентом тоже... В последнее время они часто играли вместе с Маратом. Андрей приходил на пробы и говорил: «А еще есть замечательный актер Марат Башаров!»

На мой взгляд, он снимался слишком много. Чувствую свою вину перед ним, что потакала. Но на ерунду он сам бы никогда не согласился. В последнее время из-за его постоянной занятости виделись редко, больше общались по телефону. Последний раз мы встретились за две недели до его смерти. Он выглядел хорошо, но казался уставшим, хотя на здоровье никогда не жаловался. Поэтому я удивилась, когда он мне сказал: «Лизка, помоги разделить наследство между женами». Я подумала, что он просто устал, пригласила в гости. Он очень хотел познакомиться с нашей дочкой — часто покупал ей подарки, передавая через нас. Но зайти все не получалось. Краско даже пошутил: мол, познакомиться будет время, когда замуж выйдет... Он производил впечатление доброго, надежного, спокойного человека и был именно таким на самом деле... До сих пор не верится, что он умер.

АНДРЕЙ О СЕБЕ

В этой главе собраны рассказы самого Андрея о себе, выдержки из интервью и писем, а также другие занимательные истории. Андрей обладал потрясающим чувством юмора, и это проявлялось с самого раннего детства. Чего только стоят нижеследующие фразы, принадлежащие маленькому Андрюше Краско:

Мама, спасибо тебе, пожалуйста, что я взрослую кровать сам заправил!

Здравствуй, папочка! Как давно я тебя не видел! Порой кажется, что я не видел тебя уже несколько столетий.

Мама купила мне на те деньги, что ты нам прислал (большое спасибо) две книги: «Азбука едет по России», Аркадия Гайдара «Рассказы и повести» и, что бы ты думал, кеды. Здорово, не правда ли?

Я купался уже два раза, а еще я сделал себе рогатку, но сейчас я ее забросил — надоела. Есть у меня пять желаний (перечисляет только четыре. — *А. В.*): порубить дрова, покататься на дяди-Толином Петьке, искупаться и, наконец, повидаться с тобой.

(В письме отцу) Мы тебя с Юлькой тут каждый день вспоминаем, ждем с тоской на сердце одного артиста из Театра им. В.Ф. Комиссаржевской — Ивана Ивановича Краско, ты его, наверное, знаешь. Подпись: *Благородный из благороднейших сынов Ивана ибн Ивана, Андрей ибн Иван.*

Здравствуй, папа! Сегодня у нас в Ленинграде погода отличная... Завтра намечается выпустить меня на улицу. Неплохо. Не правда ли?

Записки, оставленные Андреем в разные годы в разных местах квартиры

Ма! Привет с Курской дуги! На улице (тьфу-тьфу-тьфу! Не сглазить бы) лето! Хорошо бы штанцы для экзамена замочить (прилагаются на стуле). Вода приготовлена, осталось только нагреть (на плите). Разбуди в 12.30. Сын Андрей. 7 часов 24 мин. P.S. Извини, что ночью сожрал пачку пельменей.

Ма! Па! Здесь спит польская девочка Миша. Я сплю у Юли. Нас не будить, мы сами проснемся. (Погуляли у Вани на дне рождения.) Если кто будет дома в 13.00, то разбудите. Если нет — не надо. Люблю, целую. Вечно ваш сын Андрей.

Книга прихода-расхода молодой семьи Краско

Эпиграфы

«Слушай, а куда делись деньги?» — жена Краско-младшая.

«Я же позавчера принес стипендию, неужели уже все истратили?» — муж Краско-младший.

«А хотели откладывать по 30 рублей в месяц...» — вместе.

Графы

Дебет (нам должны): Родители — ну, они всегда должны.

Кредит (мы должны): Родителям — ну, им мы всегда должны.

Ваня (Ян Анджей), Иван Иванович Краско, Мириам Александрович, Андрей Краско и друг Мириам
(снизу вверх и справа налево)

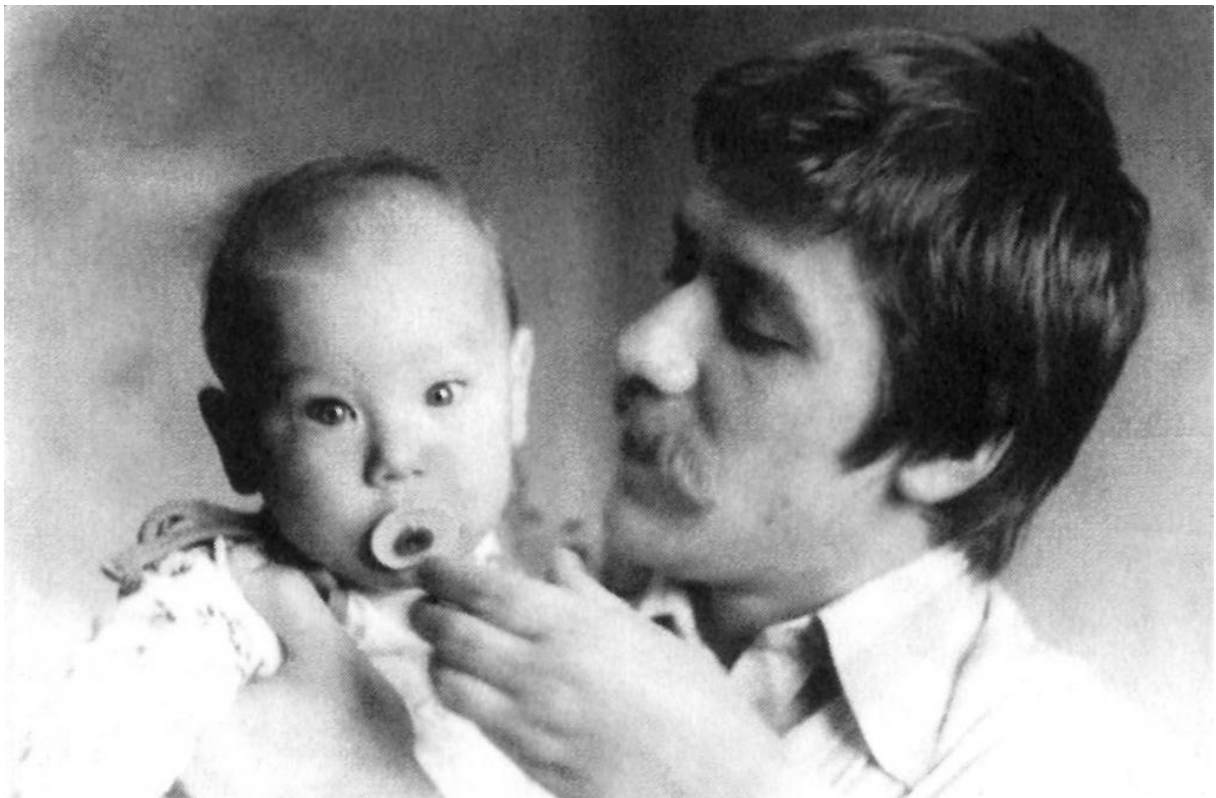
Андрей Краско с Мириам Александрович

Андрей Краско с женой Мириам Александрович

Мириам Александрович с сыном

Андрей с сыном Иваном

Старший сын Андрея - Иван (Ян Анджей)

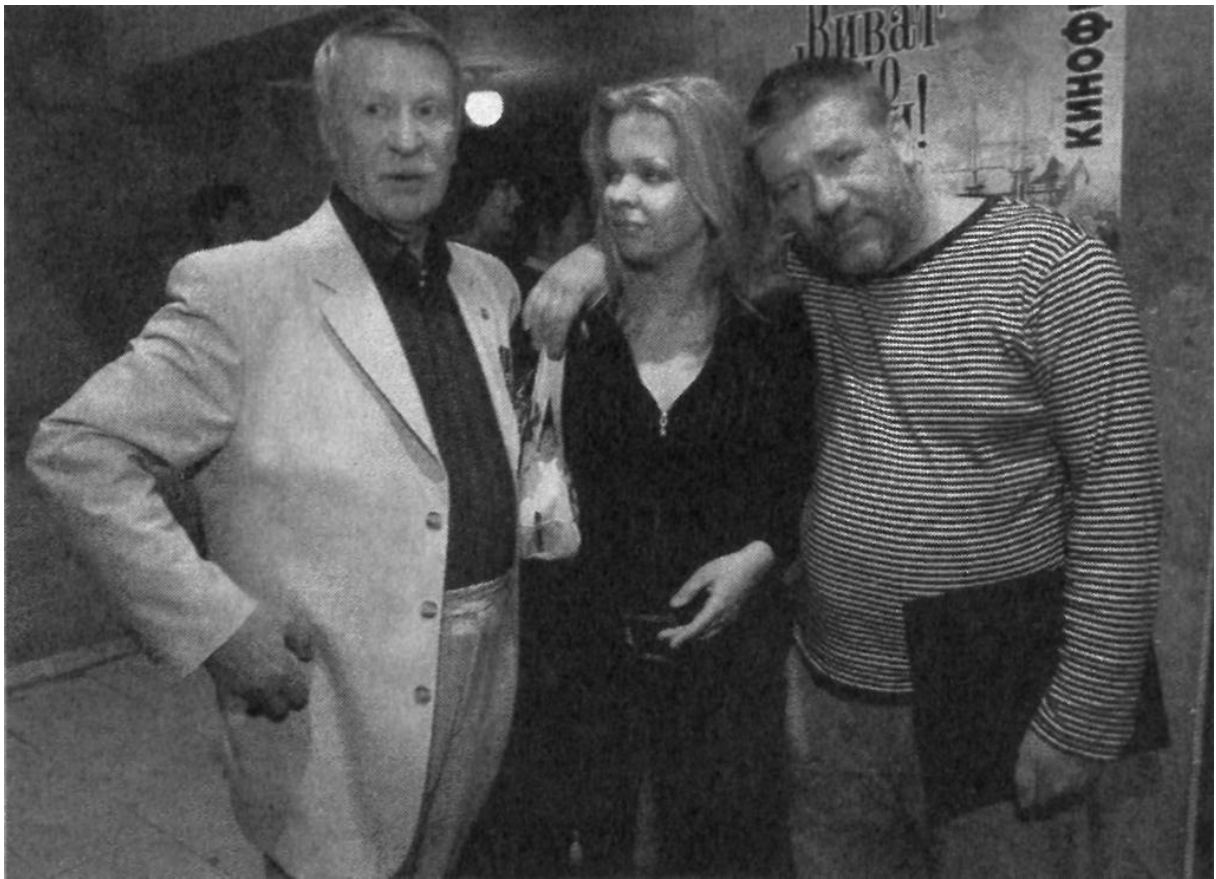
Иван (Ян Анджей) с друзьями

Андрей в Новгороде у памятника «Тысячелетие России»

Андрей с подругой

Андрей Краско с отцом Иваном Ивановичем и его женой Натальей Николаевной на кинофестивале «Виват кино России!»

Владимир Вардунас, Андрей Краско, Ираклий Абессадзе

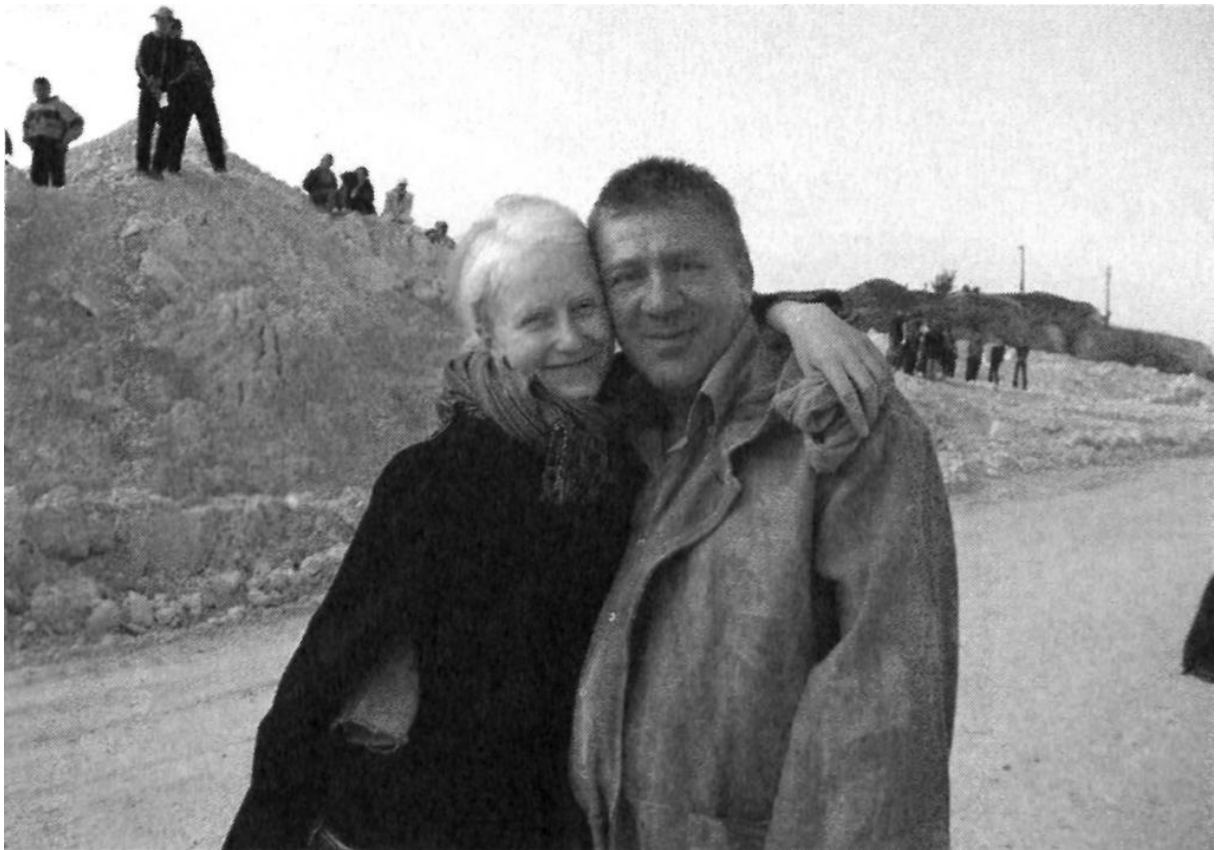
Андрей Краско и актриса Маша Тхоржевская

Андрей и Маша Тхоржевская

Андрей Краско и Маша Тхоржевская

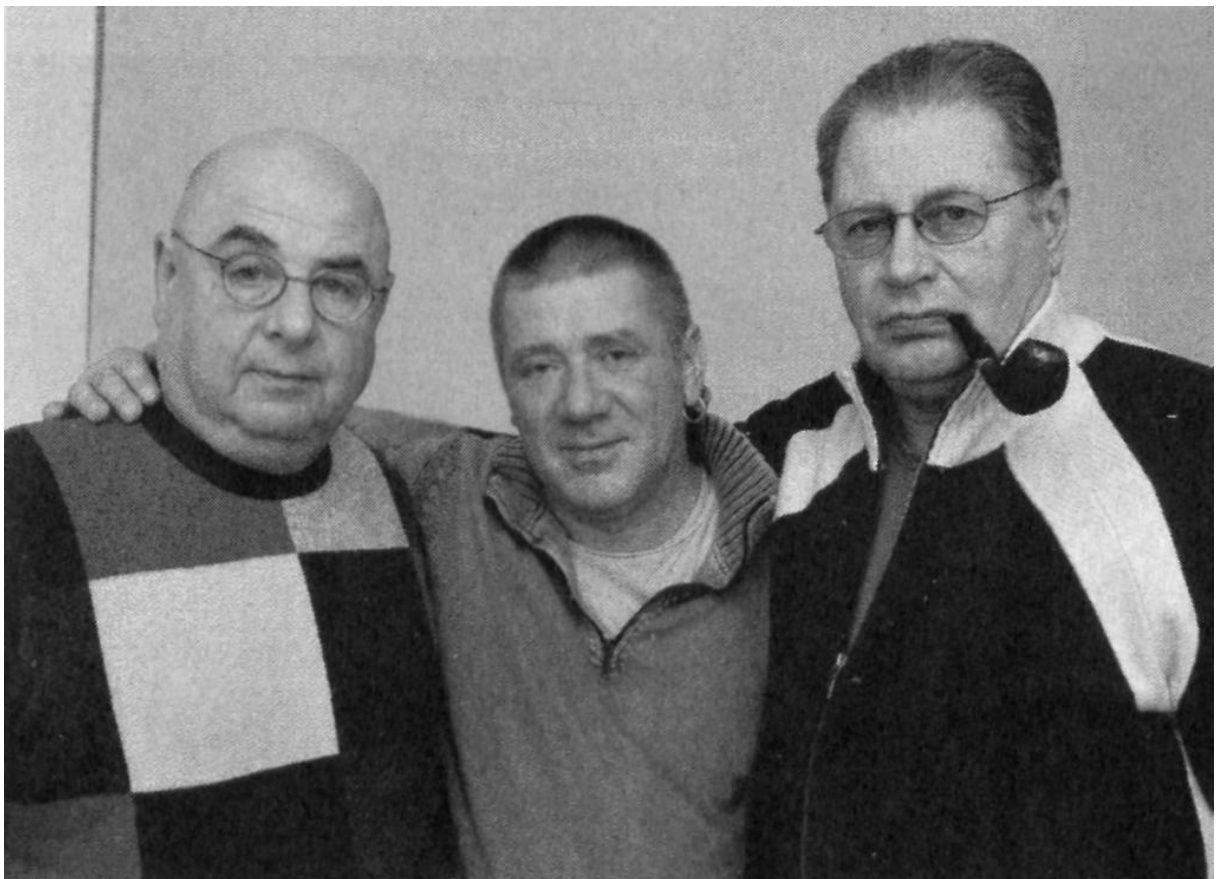
Андрей Краско и Светлана Кузнецова — его последняя, большая любовь

Андрей и Светлана на экзотическом курорте

Андрей Краско с друзьями — супругами Гаккель

Владимир Долинский, Андрей Краско и Валентин Смирнитский -герои спектакля «Новые русские мужики, или Мужчины на час»

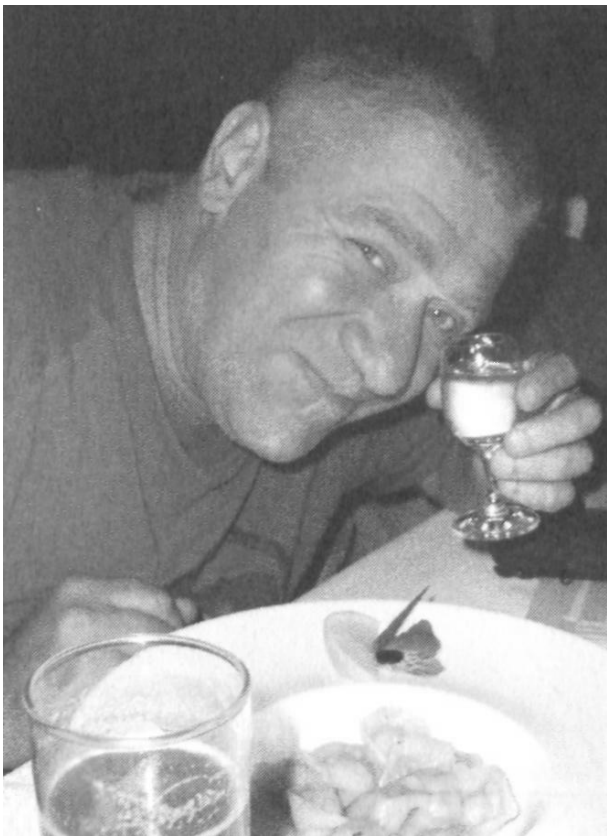
Андрей Краско

Дружеский шарж

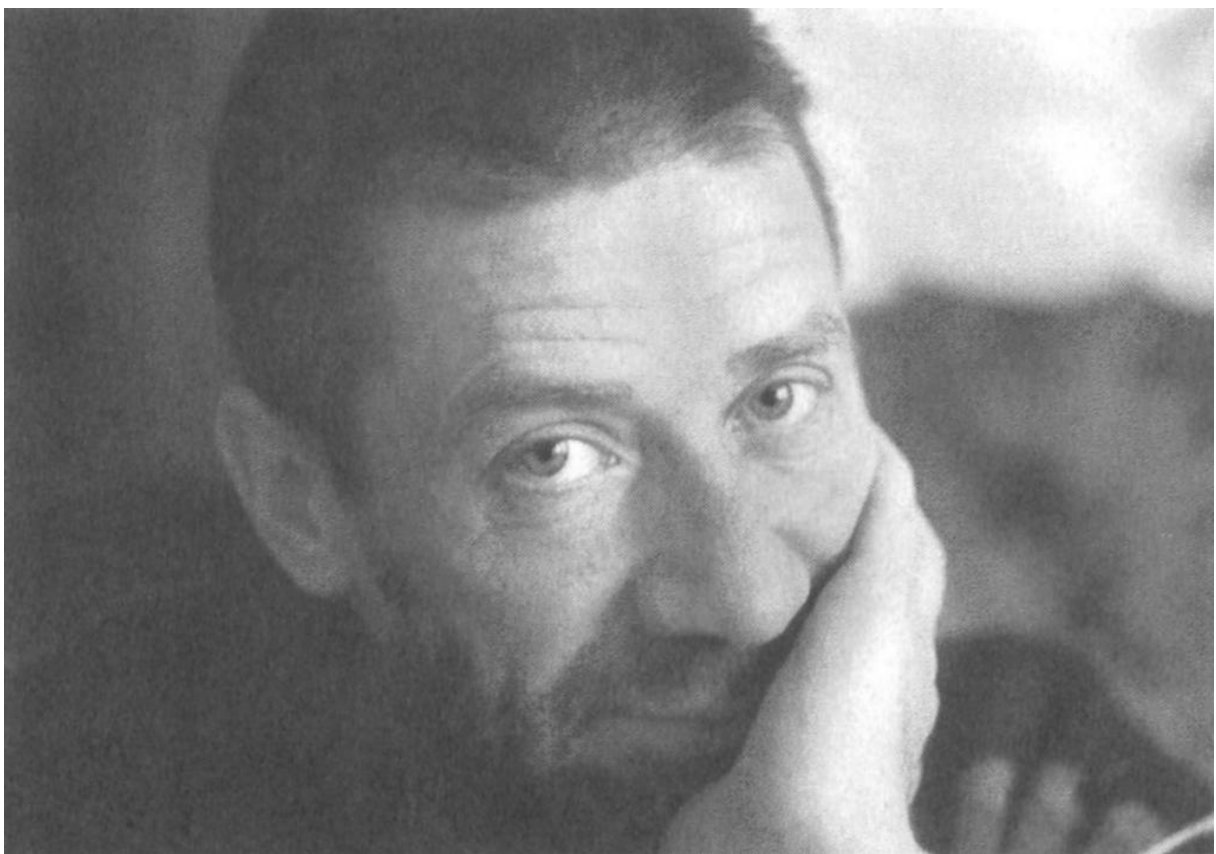
На съемках

Андрей всегда умел отделять работу от привычки к спиртному

Шутка

Если ему было плохо, он не искал жилетку

Кира Петрова и Андрей Краско после премьеры спектакля «Москва - Петушки»

РЕЖИССЕР ГЕОРГИЙ ВАСИЛЬЕВ
 ХУДОЖНИК ЭМИЛЬ КАПЕЛИШ
 КОМПОЗИТОРЫ
 ВАЛЕРИЙ ПИГУЗОВ и СЕРГЕЙ СУШКО
 (в спектакле также участвовали Наталья Рыбникова и зарекомендовавшиеся композиторы)

КОРЕКТУРА И РЕЖИССЕР:
 народная артистка России
ВЕРА КАРЛОВА

Кира ПЕТРОВА
 заслуженная артистка России

Андрей КРАСКО

Людмила КЪРЕЛОВА

ПРОБЫ И СТАДИОННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОСТЮМЫ
 14 ФЕВРАЛЯ 2001
 ПРАВИТЕЛЬСТВО СПЕКТАКЛЯ УЧАСТНИК

СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ Елена Брунина

Каждо Дэнто ступало в Ад, то он знал, куда он идет. Удальство: решающая находка В. Ерофеева была в том, что его герой как бы всколыхнулся в Рай, в Петушки... но на самом деле Сатана сопровождал его прямо в Ад. Денно, нахлеб, страстный разлетел думал, что страшило его жизни «на кабельных работах» на может быть нечего. Как он заблуждался! Это вторая редакция пьесы. Она посвящена святой памяти Валеры Шабалиной и Ольги Елисеевой — двух артисток, ушедших в паролем одиночным миром.

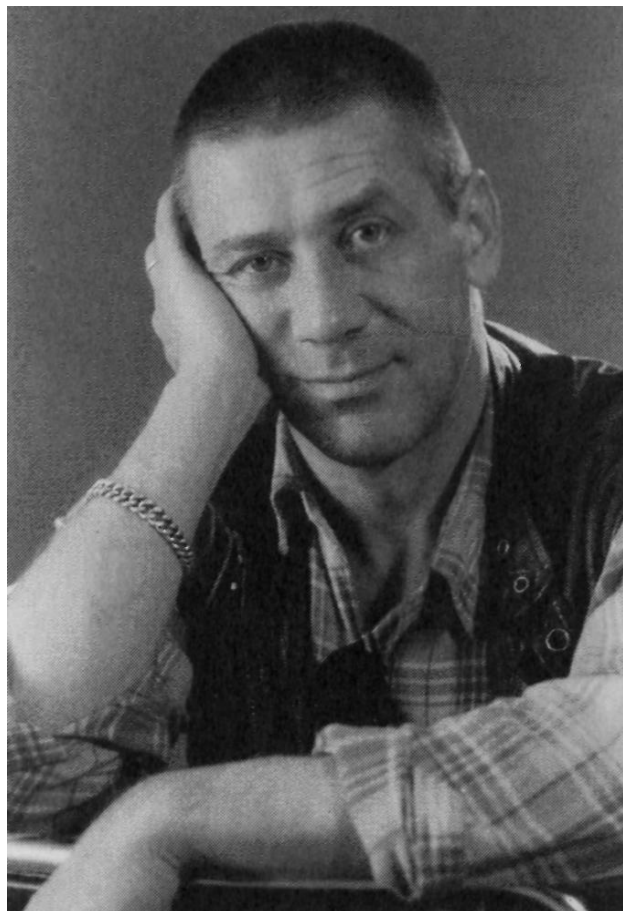
Александр Переломов

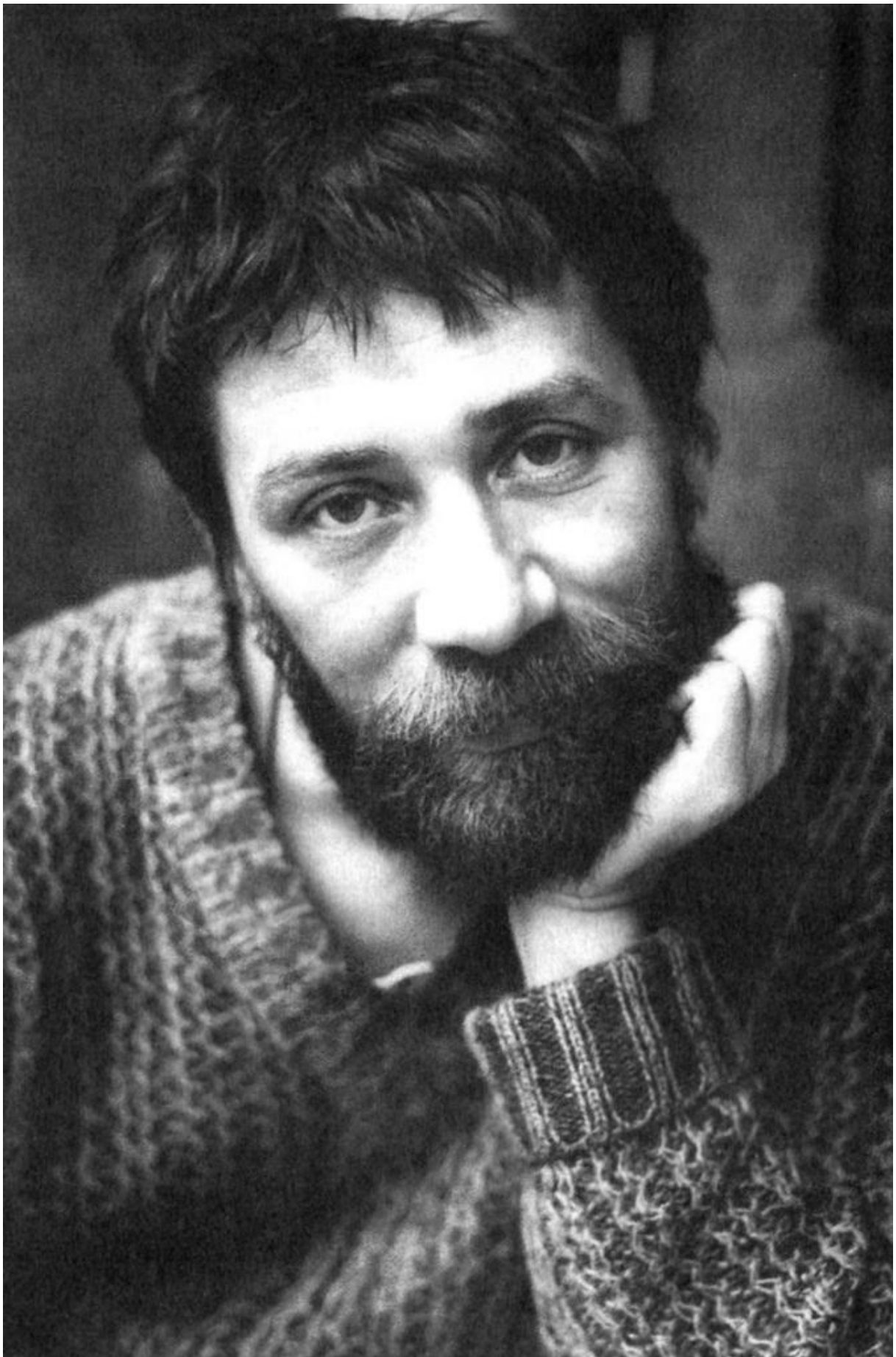
В работе над пьесой и спектаклем меня заинтересовал не последовательный ритм, который можно прожить в эпической книге Ерофеева, а целостная сознательность, целостность своего поэму на кабельных работах, то «чувствительность», которое пронизывает его на трех уровнях: философском, эстетическом и мистическом. И еще, фантастические сознательные герои, которые vanno объединены метафорой «длинная».

Георгий Васильев

Программка к спектаклю «Москва — Петушки»

Фотографии из архива театра «Приют комедианта»

Андрей

Особо хочется выделить письмо, оставленное родителям в критический жизненный период, — Андрей на какое-то время ушел из дома. Такие «уходы», должно быть, свойственны большинству молодых людей. Андрей обосновал свой поступок так:

Уважаемые Кира Васильевна и Иван Иванович! К великому сожалению (уж и не знаю к чьему), я не был пьян. И потому мне было особенно приятно выслушать в свой адрес все ваши обвинения. Я, конечно, вас отчасти понимаю (родительский долг, отеческая любовь и все такое), но мне было, если так можно выразиться, довольно неприятно увидеть, что с кошкой (из-за которой я, кстати, подрался, и не на шутку, и получил по голове, в области глаза, доской) вы поступили так же, как те, у кого я ее отобрал. Что же насчет хулиганов, то я не имел такой чести — преподнести им стакан, а потом из него допивать королевские остатки. Мне было приятно узнать, что я возгордился своими успехами на поприще искусства, что мои «пьяные слезы» — это не мужество, что кошка должна была послужить мне прикрытием и что я трус. Я никогда раньше не убежал из дома. Не собираюсь я убежать и сейчас. Очень вас прошу меня не искать. Я «осознал необходимость». Я позвоню и подозреваю, что скоро вернусь (воли нету ни хрена). Еще раз спасибо за оказанное доверие. Ваш сын-«овца», которого и за человека-то нельзя считать. *Андрей. P. S.* Я никогда не бегал из дома. Это очень странно. Почти все пацаны рано или поздно сбегают из дома. Кто освобождать негров, кто — помогать кубинцам, кто — спасать челюскинцев, кто — выручать испанцев, кто просто на фронт. Я бегу спасать свою «волю». Не волнуйтесь за меня! Я позвоню. Очень прошу вас не ругаться. Поверьте мне: Я ВАС ОЧЕНЬ И ОЧЕНЬ ЛЮБЛЮ! Не сердитесь. Се ля ви... (Вот видите: где же она, воля.)

После окончания театрального института Андрей попал по распределению в Томский ТЮЗ. Он регулярно присылал родителям письма из глубинки, в которых давал подробные описания произошедших с ним событий, людских характеров и нравов, особенностей городской архитектуры и смены пейзажей. Несомненно, Андрей обладал литературным даром — он мог бы стать неплохим очеркистом, юмористом, ироничным повествователем, пишущим в стиле Ильфа и Петрова (местами — Паустовского и Тургенева). Если бы когда-нибудь Андрей задумал написать собственную биографию или просто какую-нибудь книжку, она пользовалась бы громадным успехом, как и его актерское творчество.

Письма из Томского ТЮЗа

Здравствуй, мамочка! Извини, что так долго не писал - забегался. Чуть было опять не вылез на руководящие курсовые должности, но, слава богу, вовремя спохватился и «бросил эти глупости». Теплоход у нас ничего себе, по кличке «Север». С нами едут не только ребята, режиссеры, с которыми мы репетировали, а почти все начальство будущего театра: завлит, директор, главный режиссер, режиссер, главный художник (это все из нашего института), замдиректора (здешний) и даже свой драматург Александр Ремез, молодой человек из Москвы. Он читал тут свои пьесы, и, надо сказать, очень неплохие. «Я... Я... Я...» (о Гоголе), «Автопортрет» и, пожалуй, самая хорошая - «Счастливей конец». Последняя на двоих - мужчину и женщину 20 лет. Меня сватают на эту пьесу, это здорово, но опять с Леной Соловьевой. Хотя, конечно, это не такая уж и помеха, тем более что сыграть хочется. Номера мои все идут в концертах. И те, что были в прошлом году, и новые. Режиссеры относятся ко мне хорошо и наводят мои мысли на Томский театр. То есть меня туда берут, а также спрашивают насчет наклонностей к режиссуре и намекают, что, для того чтобы ставить спектакли, не обязательно учиться в институте и получать диплом. Мол, и так можно, если есть возможность, а таковая имеется. Ну хватит на производственные темы. Кормят нас здесь хорошо. Мяса много, помидоры, огурцы, картошка, рыба, гороховый суп и т. д. Живу я в каюте с Вовкой и Серегами (Бехтеревым и Власовым). Мы не скучаем, дело всегда находится... Места здесь удивительные, такие русские. Тайга очень похожа на наш лес, только кедры растут. Обь широченная река с сильным течением, множеством притоков, глинистыми вязкими берегами с болотно-серого цвета водой и очень глубокая. Тут дней семь подряд стояла такая погода — что твоя Украина! Жарко, душно, солнце печет так, что все обгорели в первый

же день. Купались каждые десять минут. Вода тепленная, как парное молоко. Правда, слепней, комаров и мошки столько! Только сегодня вдруг начался ветерок, собрались тучки. Потом (снова вдруг) враз все потемнело, поднялся ураган, загрохотали молнии, и сверху потекло, как будто что-то прорвало. От соседней с нами пристани оторвало баржу с подъемным краном и поволокло на нас против сильнейшего в этом месте течения. Каков ветерок, а? Хотели отходить в другое место, но, слава богу, все обошлось. Дождь здесь очень крупный, очень частый и плескучий. Если смотришь на воду, такое ощущение, что она пошла волдырями столько пузырей и так быстро они сменяют друг друга. Прошло двадцать минут, и все кончилось. Правда, солнышко еще не выглянуло, но похоже, распогодится. Ну, всего, к сожалению, не напишешь. Приедем — расскажем. Передавай приветы всем!

Всех поцелуй, скажи, что у нас все хорошо. Я уже соскучился без тебя (хотя замечания делают все, кому не лень, — друг другу, команде, режиссерам). Да и команда подобралась такая, будто набирали их не на теплоход, а в детский сад воспитателями. Тоже всех учат. Надоело это ужасно. Еще раз передавай приветы всем. Целую тебя и люблю. Сын *Андрей*. 26.07.1978 г.

Мамочка! Пользуясь оказией, посылаю Аркадию на день рождения кружку. Нитки внутри кружки тебе... Живу я здесь нормально, все у меня в порядке. Да, пришлите, пожалуйста, чайную ложку тяжелой. Мою. И курильщикам нашим пачек 20 «Беломорканала». Все мучаются. Здесь табак отвратительный. Еще пару шоколадок. Тута нету. Из инструментов мне нужно: плоскогубцы, ножовку, рубанок, коловорот, топор, ножовку по металлу, дюбеля, отвертку. Постепенно осваиваюсь. Скоро напишу. Жить, короче, можно. Вспоминаю вас всех и люблю. Целую, *Андрей*. 02.10.1979 г.

Здравствуйтесь, мои родные! Я по всем вас очень-очень соскучился! Вы уж извините меня, что я так долго не писал вам — осваивался... Живем мы в пятнадцати минутах езды от театра на трамвае. Трамваев тут всего три маршрута. Причем трамвай под № 1, как правило, ездит по маршрутам № 2 и 3, трамвай № 2 по маршруту № 1 и 3, а № 3 — по № 1 или № 2. Поэтому, когда подъезжает трамвай, народ бросается к дверям и вопрошает: «По какому маршруту идет?» Ничего! Городишко очень симпатичный, тихий, почти весь деревянный. Наш театральный пятиэтажный дом стоит почти что в деревенской местности. Вокруг домики, вроде дяди-Васиноного, бегают бездомные собаки и безнадзорные дети, а между ними носится трамвай под одним из трех номеров. По нашей просьбе (поднятие руки) трамвай часто останавливается напротив нашего дома как бы «по требованию» - это как раз посередине между остановками. Все знают, что в этом доме живут «артисты». Юноши лет 12—13 и такого же возраста девушки норовят залезть в наши подъезды и погреться, но мы их гоняем, потому что у всех и почти всегда двери открыты. А однажды такая команда собралась во дворе и стала скандировать: «Артисты, выходи! Мы вас бить будем!» Но при нашем с Тихоном появлении из разных подъездов они разбежались. На этом все инциденты кончились. Когда привезли диваны и Толя Насибулин с Козыревым их разгружали, местные жители собрались поодаль и возмущались, что вот, мол, артистам и грузчиков даже наняли. Так что на меня как на артиста никто и не смотрит в моем зеленом ватничке (кстати, хорошо бы к весне резиновые сапоги, как у дяди Васи — 41-й размер, а то здесь грязюка непролазная возле дома). Сейчас-то ничего, подморозило и снег выпал. Красиво-о-о-о! Правда, красиво! 25.10. 1979 г.

Здравствуйтесь, мои родные! Я по вас очень соскучился! То, что я нечасто пишу, не значит, что я вас начисто забыл. Я вас вспоминаю все время... Пить я не пью и не хочу (это маме). Ем каждый день сметану (она здесь отличная), суп, второе... Лидонька не дает погибнуть, откармливает. Говорит, что я толстый, как пупсик. А Насибулинская Полипа (дочка) зовет меня Колобком и безобразным. Роль моя в «Синих конях» — Ярматов (Денис Першин из «Братьев», чуть гипертрофированный и гиперболизированный). В «Брысь, смерть, брысь» — Каминскас (после отъезда И. Иванова). Эта роль мне нравится, хотя ее, по идее, должен бы играть Бенья (С. Козырев). Ударная группа в театре - Краско, Никитина, Фоменко (это по борьбе с руководством). А я — наш театральный Сахаров. Скоро будем играть концерт для Косыгина или другой столь же высокопоставленной личности в драмтеатре. Мы только участвуем. Делает его Афанасьев (папин знакомец по «Ленфильму»). Денег мне хватает, даже хотел купить костюм. Ходили с Лидой (один побоялся) в универмаг. Померил и чуть не умер от смеха! Штаны для таких, как я, двоих, а пиджак трещит в плечах. Плюнул на эту затею. Еще раз целую вас всех, обнимаю и очень люблю. *Андрюша-Колобок*.

Здравствуйтесь, мои родные! Как вам живется-можетсЯ? Мне потихоньку-помаленьку. Хожу в валенках (в оттепель — с галошами). Сегодня у нас настоящая пурга: ветер, мороз, снега по колено. А вчера все таяло. Такой у нас климат. Воздух, как и в Ленинграде, изгаженный заводами, да и влажность приблизительно такая же... Вечером глядишь из окна своего пятого этажа и думаешь: «Как в городишке Санкт-Петербурге в США... Провинция!» А художники наши говорят, что больше похоже на 40-ю милю но Доусону (это где, по рассказам Джека Лондона, собаки замерзали и жить мог только один человек — Ситка Чарли). С директором Шурой Николаевым отношения (личные) отличные. А производственные все время «на ножах». Он так и говорит на собраниях: «Вот тут борец за права человека — Краско — сказал...» или «Знаток советского законодательства, моральных прав и нравственных основ советского гражданина Краско считает, что...» и т.д. и т.п. А потом с глазу на глаз говорит: «Ну чего ты выдрючиваешься, Андрюха?» — «Ты прогон «Коней...» видел вчера?» — спрашиваю. «Да», — отвечает. «Г... говорю, Шура! Вас спасает Насибулин (работа действительно отличная), а режиссуры-то нет!» — «А кто это понимает? Смотреть-то интересно!» — «Да это же паразитизм на Насибулина!» — «Ну и что! Смотреть-то интересно!» Вот так... Дали мне подписку А.К. Толстого (подписное собрание сочинений. — А. В.) «в награду за хорошую работу авансом»... Тут Тихон стоит, смотрит за окно и говорит: «Ну и дыра! Занесло...» А за окном ветер свистит, как в кино про полярников... Тут вся жизнь — сборы: надо чего-нибудь сделать, надо письмо написать, надо, надо... Мамочка, не трать столько времени на описание того, как стирать и сушить белье, чистить морковку и варить картошку. Стоит мне спуститься на два этажа и поинтересоваться у Лиды, что как делается, и я буду в курсе. Пишите лучше, что у вас делается, как вы себя чувствуете ит. д. ит. п., а то тут — как на другой планете. Целую вас всех, люблю, помню. Сын, внук, брат, друг *Андрюша-Колобок*.

Поздравительная открытка сестре Юлии:

Сижу пишу, как Дед Мороз,
Почесывая крупный нос,
И по предпраздничному коду
Шлю поздравленья к Новому году!
Свою сестренку Юлию
Сим поздравлял люлюю!

Андрюша-Колобок

Письма из армии

Здравствуйтесь! Это я, ваш сын и брат, где-то муж, а в Варшаве, по слухам, отец. Только что поговорил с вами по телефону и написал Лиде сумбурное письмо. В ответ, мол! Все, папа (а мама, как всегда, почувствовала. И Юля, наверное, тоже. Ох уж эти мне бабы!), что вокруг этого имени вращается, действительно рвет меня за душу и, надо добавить, больно. Это как крест. Сам во всем виноват. Пережевываю бритвы, зубы крошатся, десны режутся, больно, ан выплюнуть не могу. Такая вот Достоевщина. Ну, бог с ним, а то какое-то продолжение предыдущего письма выходит. Написал письмо, и полегчало, мысль свободно летит. Хотел на конверте, где «кому», написать «кто дома», а потом передумал. Побоялся, вдруг не дойдет... Зарплаты опять не дали, поскольку здесь я прикомандированный. Слово, *безусловно*, звучное, но положение весьма неудобное, так как связано с известными *условностями*. Экая игра ума и слов. Это, наверное, потому, что уже подъем, а я еще не ложился... А пока пережить бы этот год, дотянуть бы и узнать, женат ли я еще. И если да, то на ком? Целую вас! В безумной ностальгии по кв. № 32, где ремонт, разговоры-споры и ЛЮБИМЫЕ ЛЮДИ.

Здравствуйтесь, домашние! Это я — ваш бдящий. Сегодня потерял зуб. Вырвали его мне в санчасти в 10.30 утра, а в 12.00 я уже барабанил утренник Бармалеем для 1—4-х классов. Потом играл кукольный спектакль сразу на три голоса (мои хлопчики — певцы безголосые все трое — по причине резкого похолодания — у нас 28—30 градусов — и непрерывных репетиций), потом еще один утренник для

4—6-х классов. И каждый по три часа! А «заморозка» отходит долго, вот только сейчас отошло. А сейчас — 3 часа с лишком ночи, 31 декабря. Решил в последний день 1982 года вам письмо написать. А 1 января опять «весь вечер на манеже». Так что пока нормально. Время летит незаметно... Когда на утреннике в зал вошел Дед Мороз, дети оторвались от нашей разбойной компании только на минуту, посмотрели на дедушку, и опять к нам. Вот так. А на Снегурочку вообще внимания не обратили. Да, еще. Подходит маленький мальчик (чуть старше нашего Вани), наряженный ежиком, и говорит мне: «Разбойник! Пойдем со мной!» — и подводит меня к Буратино (был парад костюмов). «Вот этот — ключик украл! Я по телевизору видел». — «Да?» — спрашиваю я. «Да», — кивает мальчик. «Ну щас мы с ним разберемся!» — «Подожди», — говорит мальчик. «Чего?» — «Сначала подарок дай, что я тебе его показал!» Мы чуть от смеха не задохнулись. Оказалось, мальчик — младший сын командира дивизии. Это о страданиях, радостях и мучениях рядового Краско. Что еще? Письма от вас получать безумно приятно. Посылки тоже. Самому писать здесь времени очень мало. В Мезени я по ночам работал, а здесь ночью — в роту, там — фиг напишешь, не сосредоточиться. Поэтому и письма у вас в ящике стали появляться реже. Ну ничего, постараюсь наладиться. Хотел у вас попросить, чтобы прислали часы, да теперь уже после Нового года... В общем, опять намеки про отпуск... Но я уже заколебался верить, тем более что опять из уст подполковника... Пришлите в конверте несколько фото моих гражданских — моя музкоманда шибко интересуется... Па, ты, наверное, совсем замучился со своими «шабашками»... Но ничего, мы без работы не останемся — характер не тот! Главное — можем! Я так думаю. Черкани хоть пару строк, коли время будет. Юлия Иванна, спасибо за письмо! Но редко чего-то пишешь. Села на уроке и написала быстренько — все равно двоечница. Шутка, конечно. Ну ладно, целую вас! Побегу к своей команде репетировать. 31.12.1982 г.

Здорово, Юлия! Как жизнь молодая?.. Конверт, как ты заметила (надеюсь, что заметила), совсем с другой картинкой. Картинка изображает известного среди воинов Советской армии своего подразделения художника некоего. Ты его видела где-нибудь и наверняка встречала в своей жизни когда-то, потому что это твой любимый (я надеюсь, что любимый тобой) старший брат. С чем тебя и поздравляю!.. На приложенных фотографиях в одном из людей в форме можно узнать человека, изображенного на конверте. Это он и есть. Сделай эти фотографии общим достоянием семейства Краско. Значит, поделись с родителями, а может быть, даже и с Мириам Зофьей Александрович-Краско, если таковая не истерлась из глубин твоей памяти, поскольку для меня это имя полужнакомый набор звуков, отдаленно напоминающий о событиях в какой-то стране. Может, в Албании, может, в Греции, может, в Польше, а скорее всего, где-то в Гваделупе или Израиле. Ну вот! С поручениями и пожеланиями все! Решил тебе написать, поскольку не поговорил с тобой по телефону в последний раз. Поговорил со всеми, кроме тебя. А папа так подробно описал твой путь после окончания школы, что я подумал: а не заболели ли вы все и не начали ли жить по плану?.. Да, папа, насчет того, что меня и здесь все любят, ты, к сожалению, ошибся. А продолжительность разговора я (лично) объясняю тем, что здесь ужасно скучно, а девочки на почте крайне любопытны. Может быть, если бы существовал Мезенский драматический театр, они бы ходили на его спектакли вместо того, чтобы подслушивать междугородние разговоры. Вот она — великая воспитательная миссия театра. Но в данном случае она нам не ко двору. Пусть подслушивают. В следующий раз я сразу начну с вопроса: «Вернулась ли из Австралии моя седьмая жена и привезла ли, как я просил, уши кенгуру?» Тогда, если время от времени вставлять в разговор реплики типа «Позвони Марлону в Брюссель», или «Пусть Джордж пришлет китайской туши из Бомбея», или «Пусть Брижит напишет о съемках в Голливуде», или «Привет Мише Боярскому!» (это особенно!!!) и т.д. и т.п., мы сможем разговаривать не 17 минут вместо 5, а до утра. Гарантировано! Извините мое словообилие и словоблудие, но поскольку собеседников почти «ма», изливаю весь поток на вас... Я очень соскучился по дому и по вас. По телефону — не то. Слушаю голоса, интонации, настроение, а слышно плохо. Вы, наверное, тоже волнуетесь, хотите рассказать все побольше и поподробнее, а получается, как отчитываетесь передо мной. Вот черт, да? Ну а я, как вспомню потом, что сам говорил, — совсем дурак дураком. Все чего-то не то... Па, как в театре? И чего там нового в театральном Ленинграде? Не в журнале, а в тайной закулисной жизни? Как надоело ерундой заниматься! Ну вот, опять! Наверное, я вам это в каждом письме пишу. Не обращайтесь внимания. Эта мысль слышна от каждого солдата на каждом шагу и через каждую минуту. А я, как старый и мудрый человек, в армейском быту, не следуя этому дурному примеру, вызванному стадным чувством, изливаю его в письмах, поскольку разделяю саму мысль целиком и полностью. Но так как «Разделяй и властвуй» все в нашей власти. Будем ждать нашей встречи на родной земле. Родной

называется та земля, куда выписывают командировочное в отпуск. Так и пишут: в отпуск на Родину. Пусть только напишут, а я уж доберусь! Целую вас и обнимаю крепко-крепко!

Добрый день, Юлия Иванна! Как жизнь молодая? Как твои экзамены? И в какой институт? Я лежу в госпитале и вою от скуки. В перерывах завтракаю, обедаю, ужинаю и сплю. Иногда читаю. Тут все в основном про войну и до удивления бездарно написано. Если, например, про пограничников, то они между собой разговаривают как выпускники Оксфорда, а заодно и почетные члены Академии наук Гваделупы: вежливо несут ахинею. И все в таком духе... Целую вас всех, скучаю, жду писем! Всем большой привет! Папке — поклон и изъявления чувств. Целую. *Андрей.*

Здравствуйте, родные! Как у вас дела? Как самочувствие?.. У меня все ничего, считаю месяцы и недели до конца службы. До приказа об увольнении осталось 224 дня, а потом до декабря будут отпускать всех по очереди. Рассчитываю быть не в последних рядах. Солдатам повысили получку. Почти в два раза — 7 рублей. Говорят, милиционерам прибавили по 100 рублей. Дела... Меня назначили командиром музотделения. А по совместительству велели заниматься комиссарской работой. Таким образом, власть централизовалась и сосредоточилась в одних руках. Командую. С момента приезда из отпуска получил две благодарности (это тебе, мама) от начальника ПО дивизии и его зама. Я теперь понимаю, почему юноши (многие) так тепло вспоминают потом армейскую службу: растительная жизнь. Ни забот, ни проблем. Особенно ощущается после насыщенного событиями, решениями, действиями, поступками, мыслями, требующими действительного разрешения, отпуска. А здесь тишина... как в болоте... Готовим спектакль. Боже, какое убожество эта самодеятельность! И концерт на 23 февраля. Товарищ подполковник сообщил, что, если потребуется отпуск по семейным обстоятельствам, он будет содействовать изо всех сил... Где-то на следующей неделе получу фотолабораторию, займусь фотографией, наконец, а все остальное потихоньку начну передавать. Правда, командовать придется до конца, поскольку товарищ подполковник очень удовлетворен моим командованием. Целую вас и люблю. P.S. Это была первая в моей жизни бандероль из дома без всякой записки... Что заставляет задуматься о том, что все преходяще и уходяще... Куда?.. Ваш сын *Андрей.*
10.02.1983 г.

Андрей о себе, своих друзьях и увлечениях

В жизни я безответственный, ленивый, капризный, занудный. Необщественный, тусовки не люблю, устаю от них — видно, в юности как следует погулял. Для того чтобы пообщаться, чтобы слышать друг друга и каждому уделить время, нужно человек шесть, не больше. А когда 50 человек, что это за общение? Изредка пересекаемся с Димой Харатьяном, Мариком Башаровым, Сашей Балеевым, Сашей Домогаровым, Костей Хабенским, Мишей Пореченковым и Мишей Трухиным. А вообще в свободное время люблю дома валяться на диване.

Я люблю читать желтую прессу. И глянцево-журналы. Не дозвониться, к примеру, Сашке Домогарову, я смотрю в прессе, что у него происходит. Я, конечно, не так часто на страницах мелькаю, как Сашка или Костя Хабенский. Однажды открыл «МК» и прочитал в разных местах семь (!) заметок про него.

Я по натуре трудоголик, если у меня больше трех дней свободных, я просто не знаю, чем заняться.

Для того чтобы общаться с людьми, компания должна быть человек шесть, не больше. Иначе не успеваешь уделить всем внимание. Такая камерность получается редко. А когда мне хочется пообщаться, могу позвонить Косте Хабенскому, Поречке, его жене. У нас как бы такой «ленинградский островок» образовался. В Питере же у меня живет замечательный друг Андрей Столыпин. Мы делаем с ним сейчас театральный проект. Езжу к нему.

Я продолжаю общаться с людьми, с которыми когда-то был связан узами семейными или дружескими. Никого не теряю. Хотя мы можем не видеться годами. Но надо признать, что главное для меня — все равно работа, в жизни стараюсь нервы не тратить.

Я устал от современной литературы. Читаешь ее, вот она кончилась, а ты не понял: как, уже все?

Другое дело — Пушкин, Лермонтов: читаешь — и каждую страничку смакуешь. Вычитаешь что-нибудь эдакое, друзьям перезваниваешь, хочется с ними поделиться. Я имею в виду прозу, естественно, стихи я вообще не понимаю, я их даже читать не умею, мой речевой аппарат под них не приспособлен. Чехова недавно перечитал, Островского, Булгакова. Но самым сокровенным для меня оказался Гоголь, я его просто заново открыл. И теперь всем говорю, кто начинает мне жаловаться на жизнь, на начальство, на супруга, сразу говорю: «Гоголя почитай!» И что удивительно, перестают жаловаться. Я думаю, мировоззрение у людей меняется. Всем очень рекомендую.

Я люблю почитать: Довлатов, Булгаков, Улицкая. Если клюет, то я рыбак. А если нет, то нет. У меня два любимых напитка — водка и чай. Люблю ездить на машине за рулем. И очень люблю бои без правил. Раньше часто ходил их смотреть. Там ничего нельзя построить. И два последних удара все решают.

Дома я люблю смотреть новые фильмы, если есть время. Те, что не посмотрел в кинотеатре, что посоветуют. Например, не успел «Кукушку» Рогожкина во время премьеры посмотреть. В кинотеатре, конечно, с большим желанием смотрю, там совсем другие ощущения, чем от просмотра дома. Смотрю и другие сериалы (наши) — для того, чтобы знать, как народ работает (режиссеры, операторы...). Из американских посмотрел «Убойный отдел» (мощный сериал!), «Скорую помощь». У меня и дома, и в гостинице телевизор работает с утра до вечера.

Я уже стольким в своей жизни занимался. И тунейдцем был, меня в милицию забирали и принудительно устраивали на работу. Меня на телевидение приглашают, на канал «Культура», у них есть проекты специально под меня. Я одежду могу шить и придумывать целые коллекции, у меня такие планы в голове крутятся. Я все могу. Захочу — ресторан открою. Просто ресторан с русской, домашней едой. Так вся эта вычурность надоела. Негде поесть. Перекусить — пожалуйста. А вот чтобы вкусно поесть... Иногда так хочется напитаться каким-нибудь родным, приятным вкусом. А современные рестораторы этого делать не умеют. Им главное, чтобы красиво было. Я люблю большие порции, всего чтобы много было, а главное — вкусно. Чтобы рыба пахла рыбой, а грибочки — грибами. И чтобы лучок не кислый, а ядреный. Люблю пельмени, причем разные, с разными начинками. Только вот что оказалось: пельмени-то — не русская еда. Ее китайцы придумали, достоверно известно.

У меня всегда был пунктик насчет дорогой обуви, даже когда я студентом был и безработным. Я вагоны разгружал, но покупал самую дорогую обувь. Англичане говорят: мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. Я согласен. Бывает две одинаковых модели, один в один. Но одна дешевая, а другая дорогая. Дешевую купишь — и ноги все сотрешь, и развалится она через месяц. А дорогую купишь — и относиться к ней будешь иначе. Дорогая обувь тем и хороша, что за ней не надо ухаживать. Она удобная, ты в ней как в тапочках. Я про обувь все знаю. А вот часы я, к примеру, не люблю. Они мне мешают, как кандалы, руки от них болят.

Я люблю простую, комфортную одежду. Лейблы мне по барабану. Дешевую тоже не люблю, она вид быстро теряет. Я одевался всегда очень неформально и вызывающе. Когда попал первый раз в Венгрию по обмену, они глаз с меня не сводили. Ну, во-первых, я был сыном народного артиста, а там это все равно что сын генсека — такой же богатый. А во-вторых, я одевался экстравагантно. У меня был летный китель старого образца с накладными карманами, золотыми пуговицами, я носил его с джинсами, и все думали, что это нечто. К вещам привыкаю насмерть. Могу ходить в одном и том же, пока не износится. И даже после этого жаль выбрасывать. Вот, думаю, будет у меня загородный дом, все свезу туда и буду оборванцем рассекать по двору. У меня есть джинсы, которым лет тридцать, я их берегу. Я люблю свитера, джинсы, майки. Но насчет джинсов у меня пунктик есть: мне надо, чтобы на них карманы были, как на брюках, такие сверху вниз, таких моделей сейчас почти нет. Я люблю карманы. Я в молодости сумки шил, так вот в них было столько карманов, чтобы подо все — под спички, сигареты, документы. Доходило до десяти... Я редко обращаю внимание на то, во что одеты другие люди. Разве что если что-то необычное. А так мне плевать, во что одет человек, для меня это не важно. Я как-то по молодости оказался в гостях у Сергея Параджанова, на всю жизнь запомнил: он гостей принимал в старом пальто, одетом на голое тело.

Время от времени я бываю в комиссионных магазинах, приобретаю забавные фарфоровые статуэтки: Емелю со щукой, пионера с собакой... Так что есть вот такая небольшая коллекция.

Я очень ленивый, если, например, речь о том, чтобы елку выкинуть... Но уж что начну, доведу до конца, по возможности победного.

Я никогда не осуждаю людей за какие-то поступки. Задача актера какая: понять персонажа! По-

стоянно занимаясь разбором роли, поступков своих персонажей, я могу понять многое.

Когда я не работаю, то лежу на диване, у меня включен телевизор и открыта книжка. Смотрю туда, смотрю сюда и переключаю каналы. Есть передачи, от которых я не могу оторваться. Например, это передача «Смехопанорама», когда я ее вижу, то канал не могу переключить уже психологически. А если серьезно, то мне нравятся «Школа злословия» и бокс.

Когда очень устаю, сажусь в машину, еду за город, километров сто, разворачиваюсь — и обратно. За это время отдыхаю. За рулем. Машины вообще очень люблю.

Как-то в Москве молодые актеры признались мне, что с трепетом ожидали начала съемок: «Вот в Питере актеры — это да!» Даже в училище им рассказывали о питерских актерах: их надо смотреть, у них учиться... Ни я, ни Костя Хабенский, ни Миша Пореченков не ездили в Москву и не «мелькали» там. В Москве можно работать и жить в это время в гостинице или на квартире. Переехать туда — значит стать «одним из...» в тусовке. А так мы для них «петербургские штучки»...

Сейчас у меня очень плотный график. Есть ощущение, что хорошо бы это все в молодости испытать, когда перелеты и смена климата — в удовольствие. Упал в воду — не барахтайся, потому что потеряешь силы и утонешь, лучше ждать, пока тебя течением прибьет к берегу. Тогда ты сможешь по суше спокойно добраться к тому месту, откуда упал.

Для меня действительно самое главное — покой внутри себя. Достигается он, с одной стороны, легко, а с другой — очень сложно. В общем, надо не делать ничего такого, за что потом может быть стыдно.

Говорить правду меня в свое время научил мой хороший друг Володя Резник. Я тогда первый раз попал в вытрезвитель и не знал, что сказать маме. Он посоветовал: «Скажи правду, это проще». И действительно так. Когда не врешь — меньше проблем. Он вообще меня многому научил — а шить мы с ним учились вместе. Это была несколько странная дружба, но сейчас я понимаю, что это — настоящее. Мы познакомились в монтажном цехе, когда я не поступил в театральный. Были периоды, когда мы с ним не виделись по нескольку лет. Однажды я узнал, что он работает директором Музея-усадьбы Н. Рериха, и поехал к нему. Мы тогда не виделись лет семь. Я вошел, вижу: он сидит за столом и чистит вяленую рыбу. Он поднял глаза, увидел меня и сказал: «Если будешь пить пиво — стакан вон там». Удивительный был человек: знал четыре языка, ему всегда было интересно делать то, чего он не умел. Когда у него начинало получаться, он находил что-то другое.

Я человек спокойный и терпеливый. Но у меня так: копится, копится, а когда накопится — мало не покажется. Не переносу вранья. Всегда вижу, когда люди прячутся за масками из-за боязни себя выдать. Разбираться в таких вещах помогает профессия, ведь актер — как психолог: работа над ролью — как разбор личности у врача. Психолог принимает тебя таким, каким ты хочешь показаться, но в то же время видит, какой ты настоящий.

Я живу с ощущением, что у меня все еще впереди.

Андрей о службе в армии

Мне было двадцать семь лет, и я не мог попасть в армию ни при каких условиях, кроме прямого божественного вмешательства. Фактически оно и осуществилось. Меня отмазывал от армии «Ленфильм» — я должен был играть у Динары Асановой в «Пацанах». Отмазывал родной ленинградский Театр Ленинского комсомола, ныне «Балтийский дом». Меня готовы были принять в объятия четыре военных ансамбля и спортрота, плюс к тому я два месяца отлежал в психбольнице и имел твердую рекомендацию в течение ближайшего года меня не призывать. А по истечении этого года я был уже непризываем по возрасту. Но тут в театре случился спектакль «Кукарача» по повести Думбадзе, где я создавал образ милиционера Тушурашвили. Образ милиционера на сцене был большой редкостью. Первый, кажется, после «Деревенского детектива» про Анискина — его много ставили. Как раз в этот момент зять товарища Брежнева — Чурбанов — озаботился созданием положительного образа милиции в искусстве. В театр приехала комиссия. Генералы, полковники... Ну, мне они сказали только, чтобы я верхнюю пуговку застегнул и рукава опустил. А буквально через несколько дней я призвался, причем так, что никакие связи в Северо-Западном округе не могли помочь: это были войска ПВО,

часть московского подчинения. На самом севере области, в непосредственной близости от Архангельска.

А через десять, значит, лет звонит мне среди ночи приятель. Как сейчас помню, три часа, но он этого не замечает, спрашивает: «Ты «Совершенно секретно» получаешь?» Я говорю: «Да, покупаю, но времени-то сколько?..» Он, не слушая: «Последний номер открывал? Там интервью Чурбанова!» А за это время Чурбанов успел уже сесть, отсидеть в колонии, выйти на волю — и вот он, значит, рассказывает теперь, как при нем все было хорошо. Что же, говорят ему, вы и в культуру не вмешивались? Ни-ни, не вмешивался! А журналист ему приводит пример — вот документ: «Мною, Чурбановым, принято решение о просмотре спектакля «Кукарача» по повести Думбадзе... Перечисляется состав комиссии... Комиссией установлено, что образ солдата охраны правопорядка (исп. А. Краско) не соответствует требуемому моральному уровню...» Этому ему мало показалось, Чурбанову: он созвал комиссию из двух министерств — внутренних дел и культуры, и секцию драматургов потребовал туда позвать и обсудил неподобающий образ Георгия Тушурашвили!

Два года я служил обычным рядовым, но все-таки возраст выручал, я был старше даже офицеров, не говоря уж о сопризывниках. Ротного своего был старше. Он, например, вечером мне говорит: «Почему не бриты, товарищ солдат?» — «Брился, — отвечаю, — но я обрастаю». — «А почему я не обрастаю?» — «Потому, наверное, что у вас не растет». Ну он же младше, у него и не растет...

Я довольно быстро выучился оформлять ленинские комнаты и так профессионально это делал, что скоро у меня уже свои подчиненные были. Я руководил художниками — выпускниками Мухи, из Львовского архитектурного! Главным образом проверял, чтобы не было ошибок, и чтобы использовались три краски: черная, белая и красная. В армии существенно единообразие. У нас сложился коллектив художников, мы оформили большое количество ленинских комнат, научившись так размещать плакаты, чтобы они были видны с любой точки... Это наука целая! Конфликтов у меня не было ни с кем — я в силу возраста быстро сориентировался, что в армии их стараются гасить на первом, низовом уровне, чтобы не доходило до начальства. Командир отделения боится взводного, взводный все прячет от ротного... Потом, если бы кто из офицеров и захотел на меня наорать, допустим, — я же сам писал плакаты о том, что офицер должен быть вежлив с солдатом, обращаться должен на «вы», без грубых слов... У меня все эти выписки из уставов были под рукой! Потом, я напрямую подчинялся начальнику политотдела дивизии. Никто не верил, конечно, что я могу ему пожаловаться, я и не стал бы, но все-таки он же сам нами распоряжался, художниками. Он полетит куда-нибудь с инспекцией, увидит, что ленинская комната плохая, и тут же нас туда отправляют на вертолете, подтягивать. Пик маразма, восемьдесят четвертый год. Армия была в этом смысле прекрасной школой гротеска, потому что боевой подготовкой почти не занимались. Ну занимались, наверное, в немногих специальных боевых частях, а в массе это был такой идиотизм, что сразу становилось ясно, куда все катится. Солдаты занимались максимально бессмысленными вещами вроде постоянной уборки, еще они устраивали весну — то есть водой из шланга расчищали плац от снега. А происходило все это при минусовой температуре, и из плаца мгновенно получался каток, и очень было увлекательно наблюдать строевую подготовку в условиях искусственной весны... Опять-таки насчет плаца: в другом месте он был неровный, во впадинах собирались лужи, и после каждого дождя защитников Родины гоняли с тряпками эти лужи убирать. Причем уровень идиотизма был обратно пропорционален званию: чем оно ниже, тем он выше. «Наверху» встречались нормальные люди, с которыми можно было говорить по-человечески. Однажды я концерт самодеятельности сделал. Его увидел генерал. Спрашивает замполита: «Кто сделал концерт?» Тот: «Й-йя!» Генерал ему запросто так: «Да я твой уровень знаю, давай того, кто концерт сделал». Привели меня. «Ну что, — генерал говорит, — отпуск?» Я отвечаю: «Конечно, отпуск, товарищ генерал, но если это будет решаться в части, этот отпуск заматают обязательно!» И он меня лично отправил.

Еще проблема с письмами была. У меня жена первая была полька, училась со мной в ЛГИТМиКе на одном курсе. А в Польше уже четыре года «Солидарность» вовсю воюет. И тут мне в армию письма идут польские, с иностранными марками. Хотели мне запретить ей отвечать, но я как-то сумел доказать абсурдность этой затеи... В общем, веселья много было.

Служил я в войсках ПВО и со всеми тамошними летчиками был одного возраста. Когда я приехал, в часть как раз привезли три фильма с моим участием. Так что эти летчики посмотрели их и пришли со мной знакомиться. Мы здорово подружились и стали на выходные уезжать из части в город: я ложился на заднее сиденье машины и проезжал незамеченным через КПП. А однажды мы уехали не в пятницу, а в четверг — и как-то упустили из виду, что в воскресенье — всесоюзные выборы. В общем, на-

чальник меня хватился. А больше трех дней отсутствия в части стопроцентный дисбат. Мои друзья сильно за меня испугались. Но я-то законы знаю. Говорю им: спокойно, я вернусь во вторник. Они только за голову хватаются.

Короче, возвращаюсь во вторник — у начальника истерика: «Ты отсутствовал пять дней! В дисбат отправишься!» Я ему говорю: «Какие пять? Только два». Он рот раскрыл от такой наглости. А я: «Вы что, хотите сказать, что ваша часть проголосовала не полным составом?» Он как завопит: «Вон отсюда!!!» Но больше меня не трогал. Меня умудрились даже отпустить домой не в ноябре, как полагалось по срокам, а 31 декабря вечером. Посадили в поезд, а я через остановку вышел — и обратно в часть. Вот, думаю, сейчас завалюсь в клуб и такое им всем устрою! Они в ужасе: «Ну что еще?» А я говорю: «Не буду Новый год в поезде встречать, и все». Они меня на самолет сажать, а я им: «Но в магазины-то я не успеваю в Ленинграде». В общем, дали мне с собой на прощание еще и трехлитровый бидон спирта.

Андрей о спорте, здоровье и здоровом образе жизни

До 9-го класса я занимался спортивной гимнастикой. И как только понял, что из меня не получится даже чемпиона города, перестал и зарядку делать. И при этом лет до 25 спокойно крутил сальто.

Физическую форму я никак не поддерживаю, но думаю, что уже пора. О здоровье я начал думать, когда никакого здоровья уже нет. Выспался, хорошо покушал — и уже здоровье. Ну и выпил, конечно. Не сильно, а так, для аппетита, для настроения.

Спасает меня то, что болеть некогда. В этом году (имеется в виду 2004 год. — *А. В.*) меня увезли в больницу прямо со съемочной площадки. Открылась язва двенадцатиперстной кишки, возникло предынфарктное состояние. Сказался очень напряженный график съемок, к тому же меня уговорил Никита Высоцкий спеть на вечере памяти Владимира Семеновича, из-за чего я здорово переволновался. Я поначалу отказывался: «У меня нет слуха, я не пою!» В концерте же собрались актеры, которые поют один лучше другого: Харатьян, Безруков, Певцов, Домогаров... Ко всему прочему меня поставили первым номером: «Нам надо, чтобы ты задал атмосферу!» — и попросту вытолкали на сцену петь балладу Владимира Семеновича Высоцкого «Он не вернулся из боя». После концерта был назначен банкет, но мы с Мишей Пореченковым не остались, потому что торопились на съемки «Агента...». Помчались в аэропорт, прилетели в Питер и сразу попали на ночные съемки. А к утру меня на «скорой» отвезли в больницу. Благо, мне попалась прекрасный молодой доктор. В общем, с помощью доктора, лекарств, капельниц и прочего через пять дней меня вернули на съемочную площадку.

Андрей о женщинах

Вообще у мужчины всю жизнь только одна любимая женщина. Та, которую он любит в данный момент.

У меня после сериала «Агент национальной безопасности» имидж этакого раздолбая. Ничего не поделать, коль так люди воспринимают. Со своей женой Леной мы познакомились, когда она пришла в «Агента...» работать помощником режиссера. Занятно, что мама Лены, моя будущая теща, посмотрев несколько серий, любопытствовала: «А вот этот Краско и в жизни такой же придурочный?» На следующий день я пришел к ним в дом знакомиться...

Меня однажды барышня порезала в порыве ревности. Причем беспричинной. Не люблю я об этом вспоминать, все давно в прошлом... Это истрепанные нервы и подорванное здоровье, а не любовь. Нож проткнул легкое, задел артерию, кровь хлестала — только держись, хорошо, «скорая» быстро приехала. Сразу отправили меня на операционный стол, а во время операции случилась клиническая

смерть. С тех пор я поверил в жизнь после смерти. Читал потом похожие описания: тоннель, свет. И так легко... Мне тогда крупно повезло: попались врачи, служившие в Афганистане, спасибо им, откачали. Конечно, больше мы не общались. Она, как я слышал, жива-здорова.

Однажды из-за любви я попал в психиатрическую лечебницу, у меня был сильный стресс. Это я так расставался с первой женой. Мы вместе учились в театральном институте. Наташа не могла жить без «итальянских страстей», считала, если все не «горит синим пламенем», значит, это не любовь. Мы все время скандалили, а я очень болезненно это переживал, по-моему, каждая ссора вносит трещину даже в самое сильное чувство. Мы в итоге развелись. Она потом вышла замуж за хорошего человека. За Игоря Скляра. А я загремел в психушку. Хорошо, повезло с врачом: с его помощью я избавился от всего, что мне мешало, — и от комплексов, и от мыслей ненужных, и от лишних предметов в институте. Я посещал актерское мастерство и другие занятия по специальности. Психолог выдал справку. Взял самый большой бланк, наверху было крупно напечатано «Научно-исследовательский неврологический институт». Понаставил разных печатей, включая «для рецептов», и написал, что я освобожден от всех предметов, которые мне не нравятся. Помогло: я перестал ходить на политэкономия, на историю партии. И от армии на тот момент был избавлен. В театральных кругах на такие вещи, к счастью, смотрели сквозь пальцы. Еще в институте я снова женился — на девушке по имени Мириам, полячке, у нас родился сын Ванька. Потом я распределился в театр в Томске. В Питер возвращался, чтобы с сыном повидаться. Его воспитывала в основном бабушка, а мы с женой мотались кто куда: я работал в Томске, Мишка (так я называл Мириам) делала диплом в Киеве. А если без шуток, ничего хорошего в этом не было, жизнь врозь не сближает. Да и Ванька у нас сам по себе рос, как сорняк. В общем, мы вскоре разошлись. У Мириам не сложились отношения с преподавателями, и она уехала доучиваться в Польшу, вместе с сыном. Она сейчас работает звукорежиссером на Варшавской киностудии.

Я каждый раз влюбляюсь по-настоящему, поэтому каждый раз отношения перерастают в семейные.

Сейчас я живу с любимой девушкой, Тасей, мы квартиру снимаем (выдержки из интервью 2001 года. — *А. В.*). А познакомились на съемках, она реквизитор в нашем сериале. Тася — на самом деле Лена. У нее фамилия — Шевченко. Сначала я ее Тарасом называл, потом Тасей. Я ушел из семьи. Объяснил все жене, ведь в такой ситуации молчать невозможно. Нам всем нелегко пришлось. Но притворяться и врать я бы все равно не смог. Как-то ехали мы за город на съемки. Я себя неважно чувствовал «после вчерашнего». Попросил остановиться, выпал из машины воздухом подышать. Тася оказалась рядом. Тут я ее и «разглядел». Говорю: «А ты знаешь, что у тебя ноги красивые?» А она мне: «Конечно знаю» — отвернулась. А я влюбился...

Официально я женат два раза. Первый раз — на своей однокурснице. Второй раз я женился в восьмидесятом году на польской гражданке после того, как она родила сына. После свадьбы жена сразу уехала жить в Варшаву. С тех пор я ее видел, чтобы не соврать, два раза. Хотя мы регулярно перезваниваемся, общаемся, потому что у нас есть Ванечка. Сынок приезжает каждый год в Питер отдохнуть, навестить бабушку и папу. Ваня несколько раз ездил со мной на съемки, даже снялся в одном из эпизодов «Агента...».

Андрей о «прелестях» популярности

Сидел я как-то в кафе с Ваней и Леной. Подошли девушки, попросили автограф. Протягивают мне ручку и... женскую прокладку с крылышками. Говорят: «Извините, ничего другого нет». Сын с женой просто ошалели, на меня же это сильного впечатления не произвело. Бывали случаи и покруче. Помню, как-то на «Боях без правил» пошел в туалет. И в тот момент, когда я повернулся от писсуара, человек протянул мне программку со словами: «Вы не могли бы чего-нибудь написать!» Я ему и написал: «С облегчением!» С тех пор меня сложно чем-то удивить.

Популярным быть плохо. Гулять по улицам очень сложно. А для того чтобы решить какой-то вопрос — вот тут известность иногда помогает. Впрочем, бывает и наоборот: какой-нибудь мелкий чиновник упрется, чтобы свою власть показать, вставляет палки в колеса именно потому, что видит

перед собой актера. Последний раз я гулял спокойно по улицам в Чехии. А дома хватает безумцев, людей развязных. Подходят, хлопают по плечу, предлагают опять же: «Пойдем, я тебя угощу!» — как будто мне не с кем, кроме него, выпить. Далее следуют вопросы: «Ты меня обидеть хочешь? Ты меня не уважаешь?» Поэтому стараюсь передвигаться на машине. В Москве такие концы и такие пробки, что удобнее и намного быстрее ездить на метро, но приходится брать такси.

Меня стали узнавать в последние три-четыре года. Правда, по улицам я практически не хожу. В основном езжу на машине. Стараюсь свести общение до минимума. Люди ведь разные бывают, и обижать кого-то не хочется. Донимают обычно по-разному. Кто за рукав хватается, кто спрашивает (одно и то же: «Когда будут следующие, новые серии?»), кто автограф просит. Мы с Мишей Пореченковым как-то ловили на улице в Москве такси. Сложно было и поймать его, и погрузиться. Моментаально народ окружил.

В Израиле снимали одну из серий «Агента...». Нам с Михаилом просто не давали прохода на улицах! Примерно треть населения — выехавшие из России, поэтому и там автографы просили.

Мой зритель постарше, меня любит другое поколение. На рынок прихожу, солидные тетеньки советуют: «Вот это не берите. Я вам сейчас получше дам...» И я этим пользуюсь.

Меня часто гаишники тормозят: «О! Краснов! Как там Леха?» И прощают, если пьяный или превышение скорости.

Если считать славой то, что невозможно ездить в метро, то я достиг славы... Тут у меня машина сломалась, так было ужасно. Если просто смотрят, шепчутся — полбеда, хотя чувствуешь себя как на сцене. Вот когда начинают приставать — очень утомительно. Раз молодой человек цитировал мою роль с первой серии до последней, пока я не вышел из вагона. А тут выхожу из магазина, навстречу парень: «Привет». — «Здорово». — «Чего ты побежал-то?» — «Дела». — «Ну, на, докури, сигара дорогая» — и протягивает окурки. У меня были совершенно фантастические случаи. Однажды подбежали девушки с блокнотиками, я уже потянулся за ручкой, вдруг спрашивают: «Сколько лет Пореченкову?» У Миши поклонники в основном молодежь. Ему из театра не выйти, Владимирский закружен. А у меня поклонники постарше, не совсем оголтелые.

Один из больших чинов спецслужб сказал мне в частной беседе: «Ну, таких, как ты, у нас в органах, конечно, нет, но наши все любят именно твой персонаж». Им бы хотелось быть такими. (Имеется в виду Андрей Краснов — герой сериала «Агент национальной безопасности». — *А. В.*)

Андрей о случаях на съемочной площадке

Снимали «72 метра» в Севастополе. Все в кителях: Башаров, Гармаш, Ливанов, Галкин. Сидим и курим, ждем, пока свет переставят. Подходит офицер местный, отдает мне честь и спрашивает: «Товарищ капитан первого ранга, вы мне так в «Агенте национальной безопасности» нравитесь, разрешите у вас автограф взять?» То есть мужик знает, что я артист, но погоны проигнорировать не может. Такая вот сила привычки.

На съемках «72 метра» мы с Маратом Башаровым погружались на лодке, поскольку параллельно со съемками проходили учения.

Даже когда лодка опускается на перископную глубину — девять метров, — ощущения те еще: кругом начинает капать вода, давление чувствуется прилично, лодка потрескивает, несмотря на то, что она титановая. Но больше всего впечатляет работа этих людей, потому что командир одновременно слушает доклады восьми постов, мгновенно обрабатывает эту информацию и отдает приказы, да еще смотрит в перископ, чтобы поблизости не оказалось кораблей. Вот такого командира я в этом фильме и играю. Конечно, с настоящим командиром — Игорем — мы подружились, и я приглашал его в гости в Питер, но он мне ответил, что последний отпуск у него длился три часа. Он едва успел доехать до дому, а жена ему сразу с порога: «Звонили из штаба. Перезвони». Оказалось, вызывают на боевое дежурство. Дело в том, что из двадцати пяти субмарин у нас в Черном море осталась только одна. На ней мы и снимались.

Курьезы бывают у веселых артистов, а я очень серьезный. Правда, был случай, когда Федя Бондарчук увидел карьерный самосвал БелАЗ. Сказал, что его надо целиком хромировать, оборудовать

кожаным салоном — и на Рублевку! Я добавил: «А в кузов джакузи поставить и посадить туда голых девчонок». — «Точно», — сказал Федя. В этот момент нам и пришла счастливая мысль погонять на самосвалах по карьере.

В сериале «Агент национальной безопасности» у нас на каждом шагу «знакомая обстановка». К примеру, все бандюги на фотографиях в милицейской картотеке — это члены съемочной группы. Представьте, идет текст: «Вы посмотрите на эти лица, это же не лица, а свиные рыла!» А там — приличные люди, наш художник-оформитель или ассистент оператора. Или дается «ориентировка»: «Разыскивается матерый медвежатник Севостьянихин». А это фамилия нашего постановщика трюков. Митя Светозаров — режиссер-постановщик «Агента...» — большой мастер на такие придумки.

Помню, в Театре Ленинского комсомола была срочная работа — спектакль «Роман и лед». Огромная роль, длинный спектакль, я вообще не ухожу со сцены. На репетицию — всего три дня. Я пошел к администратору с последней репетиции, в костюме, мне нужно было два билета для моей девушки и ее подруги. А там сидит такое обтекающее жиром животное в кожаном пиджаке, моего возраста, и говорит, что билеты нужно за два дня заказывать. Ну, я снял костюм прямо у него в кабинете, положил на стол и сказал: «Сегодня ты будешь сам играть». Каждый должен заниматься своим делом. Администрации нельзя забывать, что они кормятся от артистов.

В фильме «Блокпост» мой герой — прапорщик Ильич — носит берет, который положен только особо отличившимся бойцам спецподразделения. Мне льстит, что после «Блокпоста» ребята-спецназовцы сказали: «Ты свой берет заслужил!»

Когда снимали сериал «У.Е.» в Америке, с нашей группой работали два русских по происхождению американца — второй режиссер и его ассистентка. Однажды к ним подошли американские актеры, с которыми я там снимался, и спросили: «Какого это ранга актер? С кем из наших можно сравнить?» И ассистентка ответила, что с Гэри Олдменом, а второй режиссер — что с Шоном Пенном. Это было лестно. Но они тут же добавили, что даже эти названные звезды на съемках ведут себя гораздо скромнее — не начинают материться и говорить партнерам, что они неправильно все делают, а надо делать так и так. На что я им ответил, что у них, наверное, сценарии лучше написаны.

На съемках фильма «Сволочи» мы жили на высоте 2 тысячи 600 метров, а снимали на высоте 2700. Казалось бы, 100 метров по вертикали, а езды на машине — больше получаса. И просто трудно было, особенно в первое время, работать на съемочной площадке из-за разреженного воздуха. А у меня астма. И вообще... я старый больной человек. Плюс изобильная и гостеприимная Армения. Долго отходил. В Армении меня порадовало то, что, во-первых, нас встретили шикарным букетом цветов. Потом нам дали машину в пользование и водителя, который живет в Ереване. Он поселился в нашем пансионате, и мы могли пользоваться машиной в любое время. Правда, машина была одна на двоих, но мы легко решали этот вопрос. В какой-то момент у нас образовалось несколько выходных дней, на которые мы не рассчитывали, и мы спустились в Ереван. А первым делом Александр Ашотович, режиссер, повез нас в Эчмиадзин (резиденцию Католикоса всех армян). Еще была поездка в Гегард, где мы посмотрели храм, высеченный в скале, — это произвело неизгладимое впечатление! Природа невероятно живописная. Мы приступили к съемкам, когда начал таять снег и зацвела вишня. В начале съемок, когда мы поднимались в горы, дорога была расчищена, но вокруг снег лежал толщиной в два метра, а когда съемочный период близился к концу, после вишни зацвел розовенький персик.

...Мы с Атанесяном придумали, что у дяди Паши — моего героя — на предплечье должна быть вытравленная татуировка. Будто бы он сделал ее в детстве, когда сидел на зоне для малолеток.

...Картина не имеет никакого исторического значения, это художественный вымысел. Во-первых, потому, что из детей невозможно сделать диверсантов. У них организм просто не выдержит накала, сломается. Во-вторых, в фильме есть такой фрагмент. Офицер спрашивает пацана: мол, пойдешь воевать? Тот показывает пальцем на портрет Сталина и с презрением в голосе говорит: «За него, что ли?» А не будучи фанатиками, ни на какие подвиги парни не пойдут. Кстати, мы-то думали, что снимали реальную историю. Автор книги и сценария Владимир Кунин утверждал, что сам был когда-то в одном из таких лагерей. И только за пару минут до премьеры он сообщил по телефону режиссеру Атанесяну, что сюжет «Сволочей» — полный вымысел. В итоге Атанесян сказал зрителям: «Чистая правда — первые 30 секунд фильма». Он имел в виду титры.

Андрей о сыгранных ролях

Одна из моих любимых ролей в кино, безусловно, «Болдинская осень» Александра Рогожкина. Хотя съемки длились всего четыре дня, фильм дался непросто — и не только из-за финансовых проблем. Я, человек довольно сильный, после съемок достаточно долго болел — и физически, и морально было тяжело. Хотя за фильм мне не стыдно, но какая-то зависимость в смысле энергетики все же существует.

Я как-то позвонил своему приятелю-сценаристу, который писал «Агента...», и попросил придумать для меня роль. Он не раз это для меня делал, но режиссеры (сценаристы же в кино ничего не смыслят!) брали других актеров. Но здесь режиссером был Дмитрий Светозаров, у которого я уже в нескольких картинах снимался. Так и появился мой герой. Поначалу была идея сделать «агента» героем-одиночкой. Но любому супермену все равно нужен напарник, который вовремя позвонит, появится в последний момент. И этим человеком стал я.

Сначала роль Краснова в «Агенте национальной безопасности» была вспомогательной, хотя со временем разрасталась. Причем не только благодаря сценаристам — актеры во время работы часто добавляют в сценарий новые сцены, импровизируют. Мы, например, на съемочной площадке придумали, что Николаев, в которого постоянно стреляют, состоит из одних дырок. А Краснов (то есть я), гениально стреляющий в тире, выбивающий только десятки, меняется, как только доходит до дела: то не учитывает поправку на ветер, то промахивается, потому что неудобно было лежать... Они с Лехой — идеальная парочка, в которой один все время нарушает закон и не умеет составлять бумаги, но хорошо дерется и еще лучше соображает, а второй — довольно грамотен при составлении бумаг и отписок всяческого рода. Это Бивис и Батхед, только на российской почве. Краснов мне, конечно, нравится, его интересно играть — причем именно потому, что мы с ним абсолютно не похожи. Мой Краснов не придурок, а просто не любит делать лишнюю работу, брать на себя ответственность. Я бы сказал, что он скорее придуривается. Как всякий человек, ленив: если можно чего-то не делать, не делает. Например, предпочитает не сходить, а позвонить, говорить «не понял», пока работу не отдадут другому. Если Мишиному герою проще пойти самому разобраться, набить морду, то моему лучше сидеть в кабинете и писать бумаги о том, что ходил, но не застал никого. Но когда жареный петух клюнет, у него есть и оперативная сметка, и драться может, и стрелять. Но все-таки лучше не напрягаться. Приятно играть узнаваемый образ. Например, когда человек долго держит себя в рамках, а потом после 4—5 рюмок вдруг проявляет жлобство, то в жизни это неприятно, а играть интересно. Как актер, могу понять любого героя, это профессиональная обязанность. Моя любимая серия в «Агенте...» называется «Алиса». В ней Краснова показывают в кругу семьи три сына-имбецила, жена, которую жизнь сделала стервой, с жуткой прической, в безумной кофточке. А когда она уходит из комнаты, в которой сидят ее муж и Николаев, Краснов говорит своему напарнику: «За ней все бегали в школе». — «Чтобы убить?» — «Дурак ты!» А дальше — пьяный и откровенный мужской разговор с по уши влюбившимся Лехой. Это самая сильная и самая страшная сцена в сериале.

«Сволочей» я видел всего один раз на премьере и больше смотреть не стал. Я считаю, что монтаж убил картину. Блистательная тема, актеры работали великолепно. А фильм затянутый получился. По законам жанра медленные сцены не должны идти одна за другой. А когда две сцены без темпа, три, четыре... В общем, картине не хватает динамичности. Хотя от операторской работы я в восторге.

Я везде такой, как есть. Роли разные, типаж один. Мужик из народа. Свой. Хотя я, например, разведчиков играл, ментов, олигархов, палача. И вот что примечательно: целых 24 серии кавказца играл.

Чистая техника — это неинтересно. Надо почувствовать, как ведет себя герой и почему он делает именно так. Я крупных планов вообще не люблю, подолгу ругаюсь из-за них с режиссерами. Потому что считаю, что актера не должно быть слишком много, его должно хотеться видеть еще. Казалось бы, сколько работ сделал Евстигнеев? На самом деле довольно мало.

Подводник — это особая каста. Флот сам по себе — отдельное сообщество, а подводный — каста в касте. Чтобы это выдержать, чтобы вообще на это идти, надо быть фанатиком. Там люди знают, чем рискуют, и относятся друг к другу соответственно. В замкнутом пространстве любой конфликт способен надолго отравить атмосферу. Командир лодки разговаривает вполголоса — не дай бог голос повысится! — и все, что он приказывает, делается бегом! Офицеры при матросах называют друг друга только по имени-отчеству. Наедине, может, еще по именам и на «ты», но при матросах — ни-ни! И я знаю, что это не только при нас, не для киногруппы. Это действительно так и есть, и в «72 метрах»

почти ничего не придумано.

Есть роли, которые я хотел бы сыграть, но пока их никто не предлагает. Это Зилов из «Утиной охоты», Лопахин и Свидригайлов.

Российских актеров берут на роль за то, что лицо узнаваемое, так я думаю. И потом, чем меньше на лице косметики, тем мимика живее, естественнее. Ну а некоторые просто гримироваться не любят. Гримеров любят, а гримироваться — нет. Это я. Хотя для «Линий судьбы», где я играл азербайджанца, я поправился по просьбе режиссера на двенадцать килограммов. И покрасился в черный цвет. Даже брови и ресницы покрасил.

Сейчас я снимаюсь у Владимира Хотиненко в истории об экипаже подводной лодки «Прощание славянки» — играю командира этой лодки (речь идет о фильме «72 метра». - *Примеч. автора*). Компания собралась интересная: Марат Башаров, Сергей Гармаш, Игорь Ливанов, Чулпан Хаматова, Влад Галкин, Сергей Маковецкий, Тема Михалков... Хороший сценарий. Замечательный режиссер. Будем надеяться, что получится достойное кино. Еще снимаюсь в Минске — в «Каменской-3»: играю переводчика с японского языка. Это одна из главных ролей (понятно, не милиционера, а, так сказать, жертвы). В Киеве занят в шестисерийной картине «Дух земли». Мой герой - репортер, телеоператор. Закончились съемки у Дмитрия Месхиева в сериале «Линии судьбы» (24 серии). Я там азербайджанец. Димка Месхиев вообще предложил необычную роль, совершенно для меня неожиданную. Мы с ним уже делали пару работ, небольших правда. Работать с ним интересно, он профессионал, а я вообще люблю профессионалов (личные качества для меня менее важны). Чтобы я стал «настоящим азербайджанцем», мои волосы, брови, ресницы выкрасили в черный цвет, и я два месяца ходил в таком виде.

В «Олигархе» должен был сниматься другой актер — Андрей Панин. Он уже начал сниматься, но что-то у него по срокам не получалось. Павел Семенович Лунгин решил его заменить... Я в это время снимался у Ивана Дыховичного. У меня был последний съемочный день. Приехал в гостиницу, стал собирать вещи домой, раздумываю: то ли до поезда в номере посидеть, то ли по городу погулять. И тут звонок: «Андрюша, сиди в номере, никуда не уходи!» Приехала ассистент режиссера Таня, которую я знал еще раньше.

— Вытаскивай серьгу из уха, едем.

— Куда?

— К Лунгину.

Приехали. Лунгин ко мне приглядывается. И второй режиссер тоже. Марат Башаров рядом ходит, шутит. Я подумал, что будет какой-то эпизод, потому как они уже две недели снимали картину. Мне дали сценарий. Прочитай, мол, и вечером позвони. Лунгин еще спросил, могу ли я освободиться для съемок. Прочитав, я понял, что предложенная мне роль следователя — одна из главных. Несколько удивился. Позвонил, сказал, что она мне нравится. Съездил в Питер, уладил там все дела, что-то перенес, что-то отменил. И начал сниматься...

Вообще-то у меня ампула «простак», ну я же не герой-любовник. Я учился в ЛГИТМиКе — Ленинградском государственном институте театра, музыки и кино. И в годы учебы за мной закрепилось именно это ампула, ну и еще я могу быть резонером. Я играл простаков, слуг, на графов я не тянул. Только вот, пожалуй, могу теперь сыграть такого графа, какие появились в нашей стране. А сейчас, говорят, надо быть синтетическим актером, уметь все. Но в основном я действую в диапазоне: социальный герой, простак, резонер, к сожалению, не герой-любовник.

На режиссеров мне везет необычайно. Павел Лунгин, Дима Месхиев (я играл у него эпизод в «Американке»). И еще был фильм к 100-летию кино, там я играл в одной из новелл — «Экзерсис номер пять»). У Рогожкина снимался в «Болдинской осени», «Блокпосте», «Особенностях национальной рыбалки», «Операции «С Новым годом!»). Надеюсь, что у него еще будут роли для меня. Небольшие роли были в «Брате» Балабанова, в «Сестрах» Сережи Бодрова.

Самая интересная, пожалуй, театральная работа — с режиссером Юрием Бутусовым, спектакль «Смерть Тарелкина». Несмотря на то, что это антреприза, а их сегодня принято ругать. Мы ставили перед собой задачу доказать, что антреприза — это не обязательно халтура, «чес», зарабатывание денег, что спектакль может стать предметом обсуждения как произведение искусства. В результате так и получилось. Кому-то наш спектакль очень нравится, кому-то совсем не нравится. Его обсуждают! При этом не идут разговоры о том, что артисты приехали заработать деньги.

В кино я должен иметь возможность работать так, чтобы мне было не стыдно за то, что я делаю.

Сценарий к «72 метрам» написал Александр Покровский. Это такой флотский Довлатов. Его рассказы мне попались на глаза лет десять назад, когда я ушел из театра и продавал книги на ярмарке в ДК им. Н.К. Крупской и по поликлиникам. Тогда же я подумал, что зарисовки Покровского очень кинематографичные, но такие короткие, что вряд ли кто-то сможет превратить их в сценарий. Валера Золотуха сумел. У нас великолепная компания — не только творческая и административная. Я вообще впервые работал с такой замечательной дирекцией. Ну а о подборе актеров и говорить нечего: Сергей Гармаш, Марат Башаров, Игорь Ливанов, Сергей Власов, Чулпан Хаматова. Когда мы снимали, весь Севастополь собирался у Графской пристани. История трагикомическая, как все в нашей жизни. Нам больше интересовала не героика, а детали. Например, мы с Маратом даже погружались на лодке, поскольку параллельно со съемками проходили учения.

Должна быть дистанция между актером и образом. А люди путают. Кому-то нравится фильм «Операция «С Новым годом!»». Но это не значит, что я должен напиваться на каждом углу.

Любимое занятие режиссера в «Агенте национальной безопасности» — загнать меня на помойку, в лужу, в грязь, чтоб меня били, чтобы я мерз. Мишка-то хоть и жалуется, но его герой — Леха Николаев — все больше по клубам и ресторанам.

Если у человека недостаточно воображения, пусть он лучше не ходит и не смотрит кино. Ни один из фильмов не рассказывает ни о гибели лодки «Комсомолец» или «Курск», ни о гибели 9-й роты, ни о гибели 6-й псковской роты (имеются в виду фильмы «72 метра», «9 рота» и «Грозовые ворота». — *А.В.*) Вот к Феде Бондарчуку было много претензий по фильму. На премьерах в разных городах ветеранов той самой роты оказалось столько, что их хватит на целую армию. Но мне непонятно, почему никого из них не возмущает, как герои разговаривают во время боя. Ведь понятно, что в действительности там стоит один мат и крик. Почему никто не говорит, что показывают неправду? Просто все знают, что есть определенная условность и на экране матом ругаться нельзя. Кино — это некий вымысел, который мог бы произойти на самом деле. А иначе это была бы военная хроника, документалистика. С другой стороны, если участники тех событий говорят, что фильм «про нас», то, значит, кино снято правильно. В «Грозовых воротах» я командир полка, в который входит эта рота. Я нахожусь в штабе и координирую их действия. В фильме я выступаю как вспомогательный элемент, который дает необходимую информацию для зрителей, чтобы им было все понятно. В фильме мой герой занимается исключительно войной. У него есть реальный прототип — командир воинской части, где проходили съемки, израненный весь, ходит с тростью, но он не комиссовался и продолжает служить, командовать, готовить военных. Для него это смысл жизни. У меня очень многие друзья воевали там как профессиональные военные. Весь питерский СОБР — мои знакомые, и ОМОН — мои знакомые. Все они были там. И вот они рассказывали страшные вещи, которые никогда не разрешат снять, точно так же, как не разрешат ругаться матом.

Об игре в спектакле «Смерть Тарелкина» следует рассказать особо. Тем более, что Андрей давал большое интервью, приуроченное к премьере (Продюсерский центр «БРАТ», 15 декабря 2002 г.)

«Играть персонажа, который должен умереть — пусть и понарошку, — дело отнюдь не приятное. Но Тарелкин, уведомлениями о смерти которого нестроят афиши, в исполнении Андрея Краско — человек незаурядный. Ну много ли кому, как этому герою, даже в экстремальной ситуации придет в голову такое: взять да и положить в гроб чучело, засыпать тухлым мясом и прикинуться собственным соседом (и в самом деле умершим)!»

Андрей Краско играет своего Тарелкина с энтузиазмом. Видно, как интересен ему этот герой, — здесь есть что поиграть, и немало! Еще бы: такую историю не каждый день встречаешь (да и встретишь ли?) в реальности. Поэтому на сцене артиста подхватывает вихрь настоящей игры: его собственной, актерской, и его персонажа — со смертью и людьми, которых он пытается обмануть. А что еще нужно настоящему артисту?!»

— Вам понравилось работать в этом спектакле?

— Да. Юрий Бутусов сам по себе замечательный режиссер, и художник, который работал над спектаклем, Александр Шишкин, — тоже профессионал высокого уровня. К тому же наш режиссер после премьеры спектакль доделывал, пока не уехал работать в Москву. Так что первое время после премьеры постоянно что-то менялось. И до сих пор мы сами что-то улучшаем.

— В лучшую сторону, как видно. Ведь премьера была сырая...

— Премьера была сырая, потому что, к сожалению, все артисты были очень заняты. Мы с Константином Хабенским вообще в этот период жили в поездах «Москва—Петербург»: он снимался у

Филиппа Янковского в картине «В движении», а я у Павла Лунгина в «Олигархе». Собирались за неделю все сделать. Но у нас даже недели не получилось, — было меньше дней репетиций перед премьерой...

— Но это же не нормально для спектакля! Для антрепризы это нормально.

— А если говорить не об условиях, а о качестве?

— Некоторые репетируют спектакли и по три года. Например, в Малом драматическом театре. Но я не могу сказать, что там в итоге получается все так замечательно.

— А как долго вы репетировали спектакль «Москва — Петушки» в театре «Приют комедианта»?

— Этот спектакль я репетировал 10 дней, — это был ввод в уже готовый спектакль. Хотя в результате он был полностью переделан, потому что все актеры были новые. Спектакль восстанавливался в память о трагически погибших актрисах Варе Шабалиной и Лели Елисейевой. Они играли в той, первой редакции «Москва — Петушки»...

— Получается, что такой опыт спринтерской работы для вас не нов.

— Опыт спринтерской работы приходит, когда ты снимаешься в сериалах. Да и время сейчас быстро идет. Если вспомнить, когда мне было 6 лет, на весь наш многоквартирный дом было всего два телефона и один телевизор. Сейчас телефон у каждого второго в кармане...

— То есть надо приспосабливаться к каким-то новым условиям, продиктованным временем?

— Телеграфный стиль общения сейчас везде. И даже Хемингуэй начинал писать в этом стиле.

— Был ли Юрий Бутусов для вас режиссером-диктатором?

— Нет, он только предлагал то или иное решение сцены, а уже окончательный вариант мы придумывали вместе.

— А что для «Смерти Тарелкина» придумали лично вы?

— Да много чего. Во-первых, мы же текст переделали, мы взяли две пьесы: «Расплюевские веселые дни» и «Смерть Тарелкина» и сделали компиляцию. А первый монолог Бутусов вообще полностью дал мне на откуп. Я сам его составил из текстов.

— Как реагировали в Москве на ваше восклицание «В глушь, в Москву», когда вы были там с гастрольями?

— Да так же, как и здесь. Смеялись. Ведь есть же анекдот, когда группа людей бежит по перрону Ленинградского вокзала, уже вагоны опустели, все вышли, — опоздали они к прибытию. И выходит из вагона последний человек. Они: «Вы из Петербурга?» Он: «Да». — «Вы не могли бы у нас в правительстве поработать?!» Вот поэтому и смеются.

— Какой вариант «Смерти Тарелкина» вам больше нравится: прошлогодний или нынешний?

— Тот спектакль, который у нас есть сейчас, намного лучше, чем то, что было на премьере. Нам всем нравится в нем играть. К сожалению, играем его редко, потому что сложно всем вместе собраться. Мы стараемся каждый раз что-то улучшать. Мы собираемся на каждый спектакль не за час до начала, а часа в четыре. Все обсуждаем, репетируем.

— Жанр комедия, которым «Смерть Тарелкина» обозначается на афише, в таком странном соседстве из декораций, костюмов, ваших мизансцен, наконец, как-то не уживается...

— Это на афишах написано, что мы играем комедию. И у автора она называлась комедией. Но мы на самом деле из этого материала сделали фарс. А как еще можно сказать об этих персонажах, об этом тексте?.. Так люди не разговаривали даже тогда.

— Ваш персонаж — мистическая фигура. Снимая накладные бакенбарды и парик, он называется чужим именем, подстраивает свою смерть, и никого из тех, кто его видел «при жизни», это не удивляет. Получается, что тот, кем он стал, — и есть его истинное (в вашем исполнении) лицо. Или как?

— Мы долго думали, как это сделать. И пошли от обратного, потому что в пьесе человек надевает парик, вставляет зубы... Мы долго решали с Юрой на репетициях, как нам это обыграть. И решили пойти таким путем.

— А почему?

— Потому что у актера лицо — немаловажный инструмент. И играть спектакль в парике и с накладными бакенбардами было бы неудобно.

— Вы смотрели «Смерть Тарелкина», поставленную в БДТ Товстоноговым? И если да, то что-нибудь оттуда переняли?

— Да, смотрел. И мы ничего оттуда не взяли, потому что там был другой жанр, мюзикл, музыка

замечательная. Кстати, после спектакля БДТ до нас эту пьесу долго не ставили. А после нашего спектакля многие театры взялись: в Москве ставят, наш Александрийский театр... У нас была задача доказать, что антрепризу можно сделать предметом искусства. То есть чтобы это была не халтура, где есть популярные фамилии, и зрители идут, тратят деньги, только чтобы посмотреть на этих известных людей, а чтобы это стало событием в театральном мире, предметом обсуждения. Кому-то резко не нравится спектакль, кому-то, наоборот, очень нравится...

Я не могу сказать, что к игре кого-то из ребят у меня есть претензии. Мы все выдерживаем жанр. Это бывает исключительно редко, потому что актеры в государственных театрах все играют по-разному. Жанр как таковой в театрах исчез. Мало кто понимает, что это такое и что с этим делать. А вот в кино жанр сейчас как раз появился».

Андрей о сценаристах, режиссерах и агентах

Главное — умение оценивать людей, понимать их характер. Это хороший опыт. А для меня в человеке главное, чтоб он был профессионалом своего дела. Тогда становится не важно — резкий он или нет. И были нравы мои учителя: хороший человек — это не профессия. Если тот, кто с тобой работает, видит такого же профессионала и в тебе, отношения меняются. Вот говорят про режиссера какого-нибудь: злой, несговорчивый, гоняет всех! Это ерунда. У меня с любимыми творцами все идет замечательно. Увы, в нашем современном кино три четверти продюсеров и режиссеров не имеют профессии. Самый правильный человек в этом бизнесе — Сергей Сельянов. А остальные... Мама! Правда, среди молодых режиссеров появляются талантливые ребята. Один сказал мне про съемки: два дня. Я подумал, что можно и за один управиться. Приехал, и получилось... три. Потому что он мучил страшно. Многочасовые репетиции до тех пор, пока не получалось то, что ему нужно. Уважаю.

Когда играешь главную роль, ты все сам выстраиваешь. А если режиссер не может вообще ничего, взваливаешь его обязанности на себя. Бывали случаи, когда я сам работал с актерами, а режиссер молчал и руководил оператором, и когда тексты переписывал. А что делать? В проект-то я уже вписался. Сейчас у меня вставлена в договор строка, что я могу переделывать тексты. Чтобы не было конфликта. Конечно, я не собираюсь переписывать Гоголя или Чехова, да меня на них особо и не зовут. Вообще же есть классика, и русская, и советская, перед которой я преклоняюсь. А есть какие-то нечеловеческие тексты будущих фильмов. Такое впечатление, что сценарист сидит дома у компьютера, ни с кем не общается и не знает, как люди реальные разговаривают. Его тексты просто надо адаптировать под человеческую речь. Потому что сюжет вполне пристойный.

Я завел себе агента, когда понял, что вот у меня лежит семнадцать сценариев, и я не в состоянии сделать выбор. Послушался Марика Башарова и взял в агенты его жену — Лизу. Она в этом деле сильно понимает. Сразу очень четко разъясняет, что выгодно, что нет, и кто что в результате снимет. И какой коллектив подбирается. Если ты целый год в сериале снимаешься, то люди становятся тебе родными, и, конечно, это важно. Она их делает выгодными для меня, ведет сама все переговоры. Меня берут практически без проб, это ее заслуга. Если у меня главная роль, то она и партнеров мне подбирает. Малобюджетное кино ее вообще не интересует. Она составляет такие контракты, на миллион страниц, в руке не удержать. От этого зависит ее процент, «развести» ее нереально. Меня «разводили» столько раз, что я устал.

Я каждый день сам пишу. Сценарии исправляю. Эти писаки такого там понапишут, что сказать это невозможно, так русские люди не говорят. И что удивительно: им деньги за это платят.

Я сразу, даже не прочитав еще сценария, говорю: «Текст будем переделывать». Или мне сразу отвечают «да» — или я не работаю. Потому что многие нынешние сценаристы совершенно не знают, что происходит на улице, они черпают всю информацию из Интернета. И произносить этот текст невозможно, это нечеловеческий язык. А я реальность знаю, потому что, например, на съемках сериалов про бандитов часть персонажей играют сами бандиты, часть — рубоповцы. И я с ними постоянно общаюсь и гораздо лучше сценаристов знаю, как и что они говорят. Конечно, если сценарий написал Рогожкин, то ни о каких переделках речи не идет.

Саша Балугев, который много и интересно работал в Голливуде, рассказывал мне: «Какое там

творчество, Андрей! На Западе все расписано, а режиссер, если он не Коппола, — такой же винтик в огромном, тщательно продуманном процессе. У режиссера все заранее нарисовано в стиле комиксов: кто куда ходит, что говорит, куда голову поворачивает. В общем, «заводской» процесс». После такого рассказа я сделал вывод, что это не мой кинематограф! Я так не умею работать...

Меня как-то спрашивали в интервью: «У кого бы вы хотели сняться?» - «У Бессона, Тарантино», отвечаю. «А из русских?» «У Вани Дыховичного». — «А у Никиты Михалкова?» — «Не знаю. Вот у Лунгина бы точно снялся, у Хотиненко». А потом раз, и три кино подряд мне предложили именно эти режиссеры. И у Рогожкина, кстати, в каждом фильме роль для меня написана. Даже в тех, что он не снял.

В «Агенте...» два сценариста. Игорь Агеев учился со мной в институте на курсе параллельно. А с Вовой Вардунасом мы знакомы с пяти лет: дружили, по стройкам и помойкам бегали, в войну играли, учились вместе в школе... Я как-то позвонил ему: «Что делаешь?» «Вот, сценарий пишу». - «Напиши мне рольку!» — «А-а, сколько я тебе писал, толку-то... Все равно ничего не получается». Вова писал для меня роли в сценариях «Праздник Нептуна», «Фонтан». И ни на одну режиссер Мамин меня не взял. В «Фонтане» для меня было пять ролей, в результате же я снимался там в какой-то массовке.

Я сторонник компромисса. Вот мы с Юрой Бутусовым как «Смерть Тарелкина» репетировали? Я ему говорил: «Вот я сейчас сыграл, как ты хотел. Теперь смотри: сыграю так, как я». И в результате или я понимал, что он прав, или он - что я. А в юности, когда я оказался в тогдашнем Театре им. Ленинского комсомола (теперешнем «Балтдоме»), я также работал с Геннадием Михайловичем Опорковым. Вот эти два режиссера — лучшие из тех, что мне до сих пор встретились.

Спектакль по пьесе Виктора Мережко «Мужчина на час, или Мужчина по выходным» — проект Валерия Левушкина — я ставлю еще и как режиссер. Дело в том, что у нас был режиссер, но на второй же репетиции я устал ждать от него каких-то действий и начал репетировать сам. Режиссер встал и ушел. Пришел продюсер и спросил: «Что будем делать?» — и при этом посмотрел на меня. Все в меня ткнули пальцем и сказали: «Пусть он ставит, он уже разобрал репетицию». Но это очень тяжело — и ставить, и играть. Если будет еще один театральный проект, я больше не буду совмещать два этих занятия. В Москве это мой первый опыт в данном качестве, а вообще для меня это четвертая постановка. Фамилии актеров обязывают соответствовать: Смирнитский, Жигалов, Долинский, Чернов, видимо, будет Стеклов, из актрис — Могилевская, Настя Стоцкая, Аня Терехова и, наверное, Граня Стеклова. Это два состава. У меня вызывает огромное уважение, как ведут себя актеры: все сидят и наблюдают за репетициями друг друга, даже если у них на сегодня больше сцен не будет. Никто не уходит, несмотря на занятость, все следят за работой партнеров, пусть даже и из другого состава.

Андрей о театре

Я в театре вырос и знаю его изнутри. Там плохо и денег мало дают, интриги, драки, но даже не это главное. Я систему не люблю. Я поздно ложусь, поздно встаю, люблю такой особый райский образ жизни. Я пробовал — не получается. А антрепризы — это так, чтобы форму не потерять. В антрепризе что хорошо? То, что выбор всегда за мной. Сначала читаю пьесу. Если она понравилась, встречаюсь с режиссером. Если режиссер не понравился, я отказываюсь, если понравился — задаю ему вопрос о партнерах. И если мне не нравится хоть один из партнеров, тоже отказываюсь, потому что понимаю: это не кино, где люди утром встретились, вечером разошлись и все, театральные репетиции — это длительный процесс. Если режиссер прислушивается ко мне и заменяет актера, мы работаем, если нет — до свидания, зовите в следующий раз. Создать в государственном театре коллектив актеров, которые на одном уровне работают и при этом хорошо друг к другу относятся, практически невозможно.

Но и антрепризой у нас пока, увы, занимаются люди, которые знают не артистов, а имена, на которые пойдет зритель. Но я уверен, что артисты вполне могут влиять на продюсеров. Например, когда мы делали «Смерть Тарелкина», у нашей компании была задача максимум доказать, что антрепризный спектакль может быть предметом профессионального обсуждения. А девушка, которая этот проект организовывала, сначала хотела сделать спектакль на Хабенского и Пореченкова и предлагала им французскую пьеску и какого-то там режиссера. Они же сказали: «Мы работаем только с режис-

сером Юрием Бутусовым». А когда появился Бутусов, то заявил, что будет ставить именно «Тарелкина». Дальше уже актеры и режиссер настояли на той актерской компании, которая и создала этот спектакль. И в результате мы достигли своей цели: «Тарелкина» на страницах газет обсуждали те же критики, что высказываются о всех премьерах стационарных театров.

Как зрителю и как актеру мне хочется реалистичного театра вместо концептуального. Надоели все эксперименты. Вы сначала сделайте правдоподобно, а потом уже экспериментируйте. Как говорил еще один мой учитель, Галендеев, существует ось координат: в одну сторону гениальность, в другую — бездарность. Линии бесконечны, а есть нулевая точка, и непонятно, хорошо или плохо. Она самая страшная. Ну, вроде телятинка такая, ну, вроде голосами живыми говорят, но все равно не получается: или глаза пустые, или люди не те... Очень многие сериалы и спектакли — это вот такая как раз телятинка.

Проблема государственного театра в том, что люди в нем друг на друга обречены. Ведь, бывает, встречаешься с человеком время от времени много лет - и вроде бы нормальные отношения, а посылают тебя с ним в гостинице на месяц, так ты его возненавидишь.

Я знаю, что никому ничего не буду доказывать. Приду в театр, скажу: «Возьмете?» Нет? И не надо! С кино, я думаю, тьфу-тьфу-тьфу, полегче будет. Режиссеры, как правило, снимают свою команду.

Андрей о телесериалах

Жанр сериала никогда не умрет. Ведь все американские блокбастеры выходят в сериальном формате: «Смертельное оружие», «Терминатор», «Миссия невыполнима». Но и такие наши сериалы, как «Улицы разбитых фонарей» или «Убойная сила», всегда будут смотреть — у них есть оригинальный сценарий. У Пушкаревой и няни Вики бюджет приличный, там выстроены декорации, хотя и работают они поточным методом. Кстати, мне предлагали сыграть роль дворецкого Константина в «Моей прекрасной няне». Но я отказался.

Чтобы согласиться на работу в сериале, мне не требуется усилий над собой. В настоящий момент, когда я алчно хочу машину и квартиру, я соглашаюсь на что угодно. Но вообще интереснее работать в кино. В принципе та же подготовка, та же работа. Но бывает три дня подготовки и пять дней съемок.

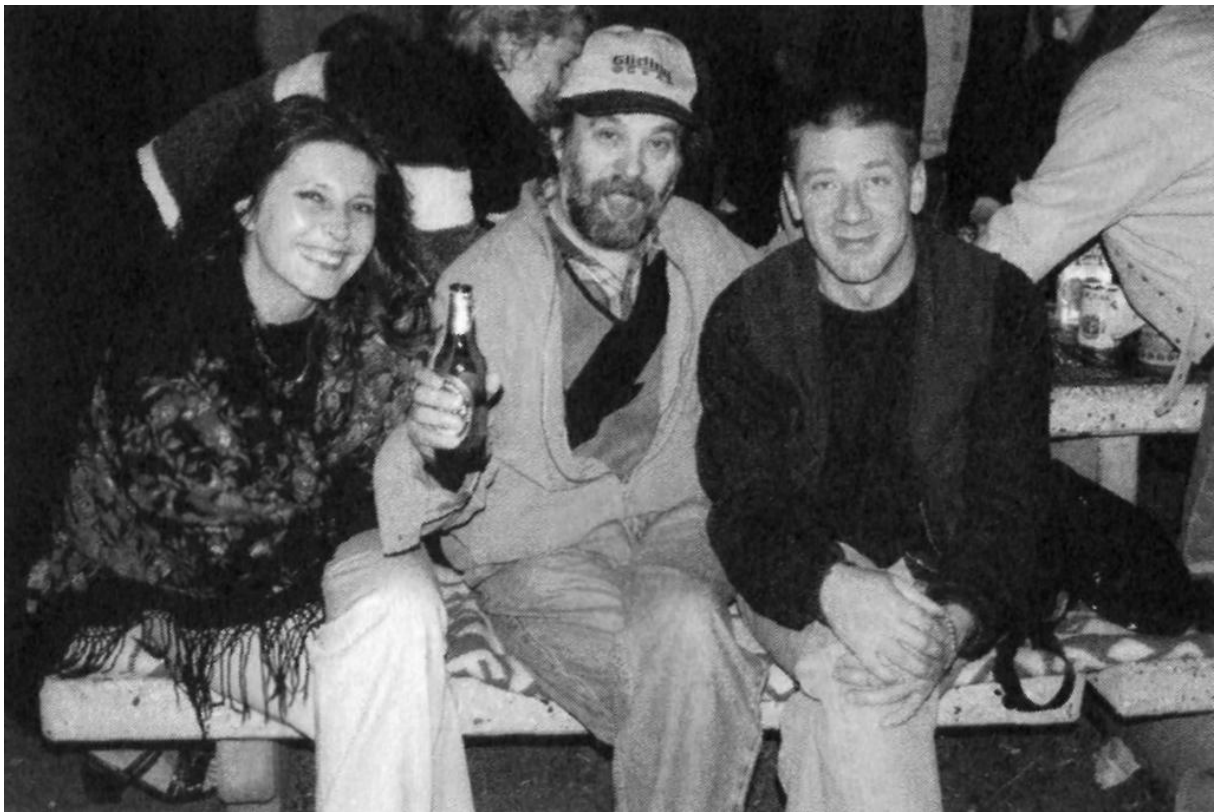
Во-первых, съемки в сериалах не приносят сумасшедших доходов. Во-вторых, раньше, когда они только начинались, мы получали вообще копейки. Не было ясно, пойдут, не пойдут эти сериалы... Когда пошли, там что-то уже прибавилось. К сожалению, мы, актеры, не можем ставить условия, запрашивать гонорары...

Сериалы помогли в другом. Публика, узнав актеров благодаря телевидению, стала раскупать билеты в театр, на их спектакли.

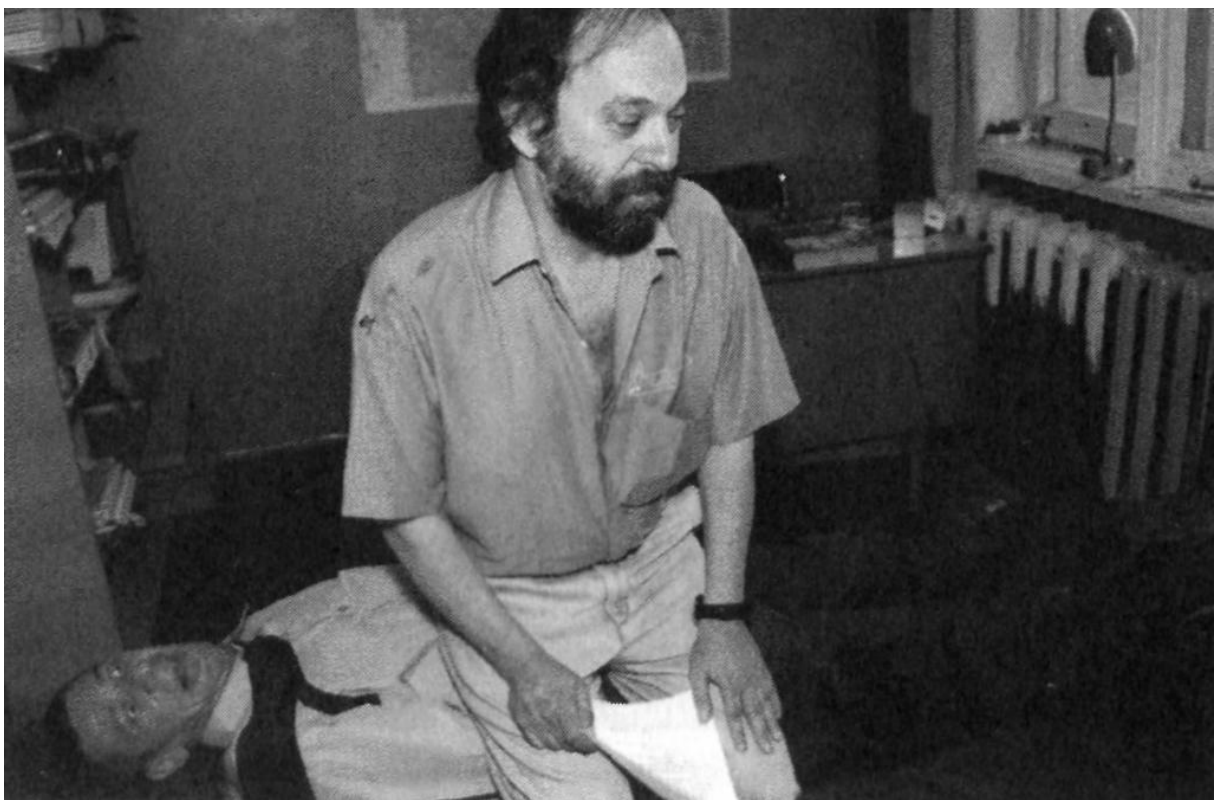
С уходом из «Агента национальной безопасности» режиссера Дмитрия Светозарова сериал вообще сильно потерял. Уважающий себя режиссер и сценарист, прежде чем писать продолжение сериала, посмотрит предыдущие серии, хоть их и тридцать шесть. Потому что не должно быть так, что у героя вдруг исчезает жена, о которой говорилось в каждой из предыдущих серий. У «Агента...» есть зрители-фанаты, которые помнят сюжет дословно, и писать для них полную лабуду — гробить проект. Кроме того, над «Агентом...» сейчас работают разные режиссеры, каждый из которых пытается доказать, что он круче других. Как правильно сказал Митя Светозаров, сериал — это как железнодорожный состав. Вагоны могут быть окрашены в разный цвет и отличаться друг от друга — товарный вагон, пульмановский, цистерна... Но когда вдруг возникает вагон с башнями, вагон без колес или одни колеса едут — просто чтобы режиссер мог выпендриться, — в результате получается полная чушь. Потом есть жанр экшн — и это действие, взрывы, стрельба, а не разговоры. У нас сейчас — разговор в кабинете, у кабинета, по дороге в машину, в машине и так далее. И все на одну и ту же тему, и, на всякий случай, мы по три раза одно и то же говорим, чтобы зритель не забыл. Нельзя считать зрителя идиотом.

Один из сценических образов Андрея Краско

Андрей Краско и Дмитрий Светозаров с супругой Ниной на дружеской вечеринке после съемок серии «Падишах» (сериал «Агент национальной безопасности») в Израиле, 2001 год

Верхом на любимом артисте: загипнотизированный Андрей Краско лежит на двух стульях (серия «Медуза Горгона» сериала «Агент национальной безопасности»)

Андрей тайком от режиссера Д. Светозарова заказал тарелку с его фотопортретом, которую потом использовал в одном из эпизодов сериала «Агент национальной безопасности».

Андрей Краско, Анатолий Самохвалов и Андрей Столыпин (Эстония, Усть-Нарва, 2005 год)

На съемках сериала «Агент национальной безопасности»: Андрей Краско, Дмитрий Светозаров и оператор-постановщик Александр Устинов

Актеры и съемочная группа фильма «Операция «С Новым годом!»»

На сѐмках филъма «Блокпост»

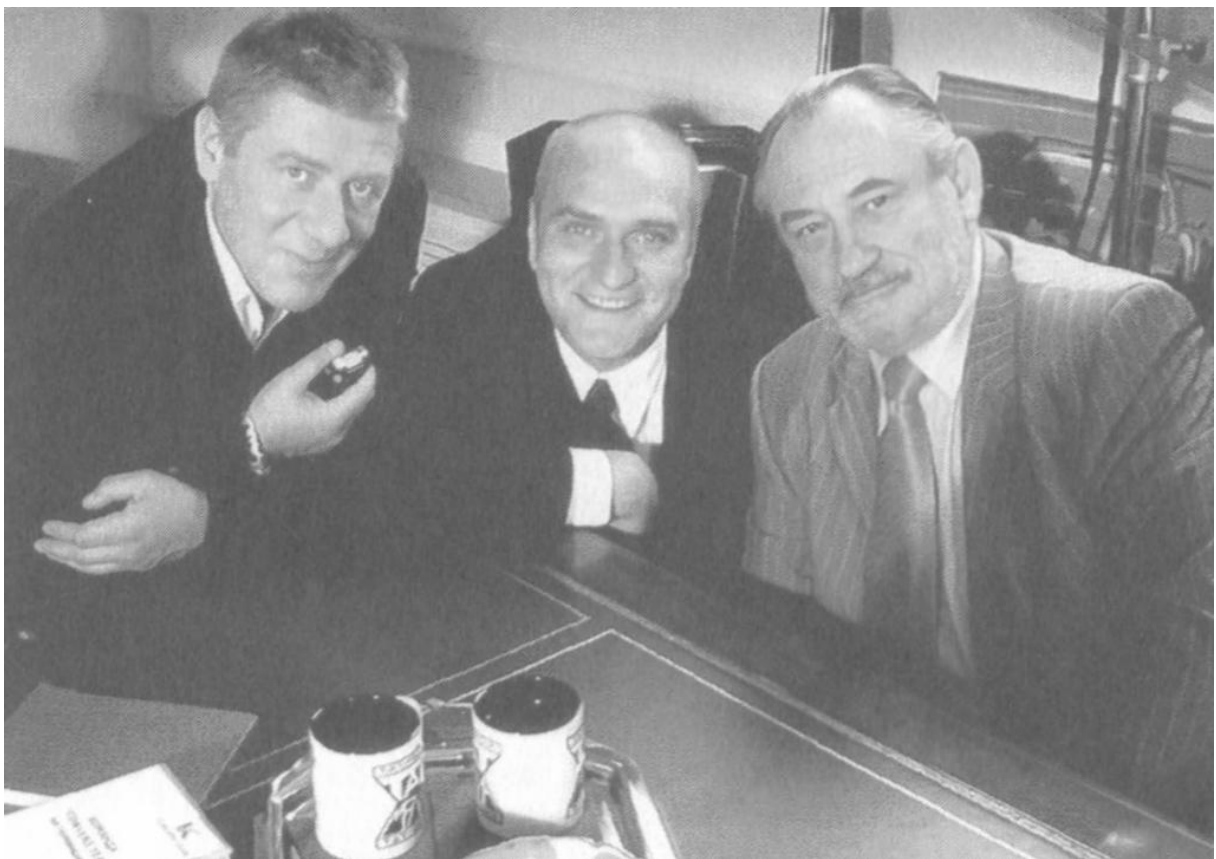
Кадры из фильма «Блокпост»

Кадры из фильма «Блокпост»

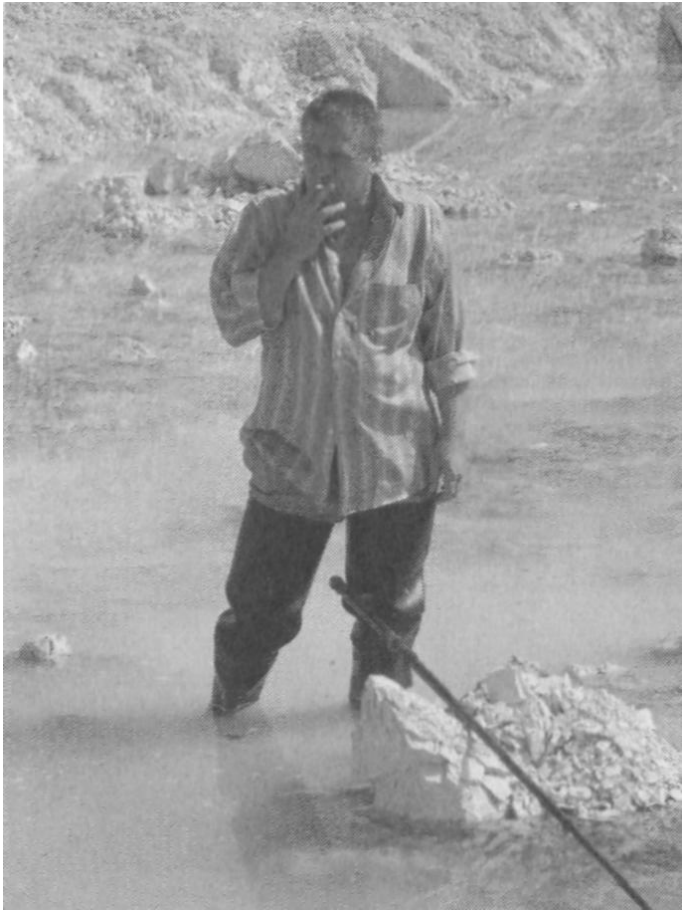
Андрей Краско на съемках фильма С. Урсуляка «Ликвидация»

Андрей Краско, Александр Балувев и Богдан Ступка

На съемках фильма «Вторая жизнь доктора Тырсы»

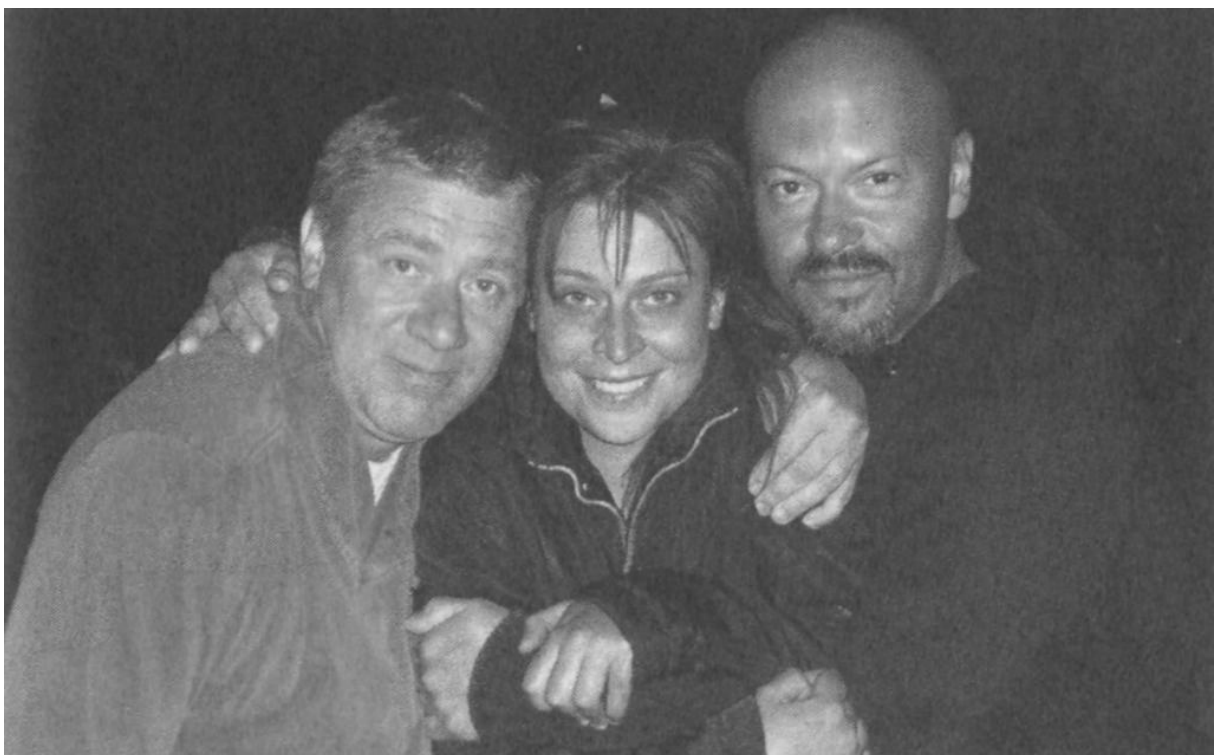
На съемках фильма «Вторая жизнь доктора Тырсы»

Андрей Краско и Федор Бондарчук

На съемках фильма «Вторая жизнь доктора Тырсы»

Андрей Краско и Михаил Порсченков. Перекур во время спектакля «Смерть Тарелкина»

Андрей Краско в роли Тарелкина в спектакле «Смерть Тарелкина»

Андрей Краско в роли Тарелкина

Андрей Краско и Константин Хабенский. Сцена из спектакля «Смерть Тарелкина»

Последний штрих перед съемками

На съемках фильма Виктора Татарского «Группа Z» (2006 год, июнь)

Андрей Краско с Владимиром Матвеевым, актером театра им. Ленсовета

На съемках фильма «Группа Z»

Он много любил, много работал и еще больше не успел сделать...

Если за собой с профессиональной точки зрения тщательно следить, то ничего плохого в съемках в сериале нет. Конечно, если замылиться, начать тиражироваться — такое иногда бывает... Но на это есть Митя Светозаров: «Ты чего? Я тебя в следующей серии пулей в лоб прямо в первом кадре и убью. Чему ты учился в институте?» Начинаем придумывать интересные ходы, историю взаимоотношений героев, которых в сценарии нет. Иногда сидим с Пореченковым, треплемся, ради шутки что-то изобретаем, и оно как-то откладывается в наших персонажах. С Пореченковым у нас замечательные отношения. В первых сериях играли то, что написано, а сейчас чувствуем друг друга буквально как партнеры по экстремальным ситуациям. Нам уже не надо договариваться, взаимодействуем даже на подсознательном уровне.

Андрей об актерской карьере

Первый раз я в ЛГИТМиК провалился. Год работал монтировщиком сцены в Театре имени В.Ф. Комиссаржевской. Первая роль в кино тоже не состоялась — не сошлись с режиссером взглядами на образ героя. Когда я зашел к Динаре Асановой, которая меня, в общем-то, и нашла для кино, и гордо рассказал ей, что отказался сниматься, такое началось! Она меня обругала словами, которые я, даже работая монтировщиком, ни разу не слышал.

Вскоре пришла повестка явиться в военкомат. Армия, Северный полярный круг. Отвертеться от выполнения долга не удалось, несмотря на справки из психоневрологической больницы и, невзирая на то, что шесть ансамблей города готовы были принять меня в штат. Пришлось отложить не только кино, но и театр — я к тому времени уже год служил в Театре Ленинского комсомола (ныне театр «Балтийский дом»), играл главную роль в «Кукараче», был полон надежд на работу с замечательным режиссером Г. Опорковым. Никто ничего не понимал. А пока я служил в армии, умерли и Опорков, и Асанова. Причину, по которой меня практически насильно взяли в армию, я узнал гораздо позднее (см. рассказ Андрея о службе в армии. — *А. В.*). Когда я вернулся из армии, в Ленкоме режиссером работал Егоров, поэтому мне там просто нечего было делать, я ушел. В театры меня не принимали: напротив фамилии Краско стояла отметка «баламут». Особенно тяжело пришлось в начале 90-х, когда фильмов почти не снимали. В театрах тоже не платили. Тогда не только я, многие актеры зарабатывали разного рода «шабашками», не связанными с профессией.

Не только папа, но и все родные считали, что артист из меня не получится, потому что человек должен быть энергичным, а я неторопливый, даже ленивый. Но папа все же послушал то, что я готовил для чтения. Я учился у блистательных педагогов - Аркадия Кацмана и Льва Додина, вместе с Бехтеревым, Акимовой, Скляр, Власовым... Когда я смотрю спектакли в МДТ, я их чувствую - у нас ведь одна школа, нас учили одинаково. Я бы с колоссальным удовольствием поработал с ними. Но поступать в театр — любой — на постоянную работу не хочу.

После института я попал в Томск — по распределению. Тогдашний ленинградский «босс» Григорий Васильевич Романов подарил наш курс Лигачеву для открытия в Томске ТЮЗа. Пришлось ехать. Но долго я там не продержался, как и в Ульяновском театре. У меня отношения с администрацией как-то не складываются, наверное, по причине того, что я всегда говорю то, что думаю. Не люблю, когда человек говорит ерунду или врет, и прямо могу ему об этом сказать.

Никто не знал, что я в артисты пойду. Никто не ожидал от меня такой прыткости. Я достаточно скромный юноша был, никакими особыми актерскими талантами не блистал. И вдобавок постоянно менял пристрастия. Все в детстве кем-то хотят быть - космонавтами, военными, летчиками... У меня все менялось, как стеклышки в калейдоскопе. В один день я хотел быть и космонавтом, и доктором, и пожарным, и шофером... Шофером — чаще всего. Но никак не артистом. Просто так получилось, что это единственная профессия, в которой можно быть всем, кем захочешь. Мало того, у меня первая роль в кино была шофер. Но все считали, что для актера у меня темперамента недостаточно. Тем не менее, что-то во мне педагоги разглядели — Аркадий Иосифович Кацман, руководитель курса, Лев Абрамович Додин и Валерий Николаевич Галендеев. С мастером мне повезло. Я так думаю, что Аркадий Иосифович — это один из последних людей, которые занимались исключительно тем, что

учили, не были параллельно режиссерами в театре, у него был талант именно педагога. Выпускались мы тремя спектаклями. Один готовили три года, с поездками в глубину России, это были «Братья и сестры». Второй спектакль мы делали быстрее и не ездили, к сожалению, никуда — это был Шекспир, «Бесплодные усилия любви». А третий спектакль был просто шоу. Такой «Огонек на Моховой», где каждый делал какой-то номер, близкий к эстраднему. А потом у меня был город Томск — это когда Григорий Васильевич Романов подарил наш курс Егору Кузьмичу Лигачеву. Открыли там ТЮЗ и стали поднимать культуру. Наш народ начал оттуда разбегаться уже через четыре месяца. Я ни секунды не жалею, что там оказался, считаю, что это дало потрясающую профессиональную закалку. Когда я приехал в Ленинград, Ургант мне говорит: «Чего ты ходишь, иди к нам в театр, в Ленком». Я пошел к Геннадию Михайловичу Опоркову, покорило его своей наглостью, потому что спросил: «Что показывать? Мы же взрослые люди, оба понимаем, что если вы будете меня брать, то на какое-то амплуа или на какую-то роль. Вы скажите конкретно, что вам нужно, а там по ходу дела разберемся, что я еще могу». Он вызвал Тыкке, который тогда делал диплом, они мне дали прочитать «Кукарачу», я выбрал три отрывка и показывался через семь дней, хотя мне дали на подготовку месяц. Когда закончился показ, Геннадий Михайлович велел мне идти оформляться тем числом, когда я к нему в первый раз пришел. Так я стал работать в Лейкоме. А потом меня забрали в армию — после истории с «Кукарачей», после того как Чурбанову доложили, что Кукарача в исполнении Краско не соответствует образу советского милиционера, совершает неприемлемые для стража порядка поступки и позорит таким образом солдат внутренних войск. И заслали меня — дальше некуда, в Северный поллярный округ. И там я служил полтора года, о чем тоже не жалею. Перед армией у меня был творческий роман с Динарой Асановой. Мы с ней понимали друг друга. Я должен был сниматься у нее в «Пацанах», в роли плохого преподавателя, и всех ребят, которые там снимались, пробовал я. И когда меня внезапно забрали в армию, Динара была так сердита, что с отцом не разговаривала, наверное, год, — думала, что он может что-то сделать... К сожалению, пока я служил, умерла Динара, умер Геннадий Михайлович, и я вернулся в никуда. Сыграл несколько спектаклей, потом в театр пришел Егоров, и я понял, что мне там больше делать нечего. Поболтался немного в Ленинграде и уехал в город Димитровград. Там в театре было два человека с высшим театральным образованием, из них один я. На балконе театра на втором этаже росли кусты, а внизу паслись козы. Потом меня снова пригласили на съемки, директор не хотел меня отпускать — он просто не верил, что я действительно еду на съемки, а не к друзьям своим. Я уволился и, пока непонятно было, утвердят меня или нет, пошел работать на автоагрегатный завод руководителем танцевального кружка. А после съемок в фильме «Прорыв» начались какие-то бесконечные метания по театрам, что-то меня все не устраивало, а потом были десять лет, когда практически никто ничего не делал ни в кино, ни в театре. Это отдельная тема: шитье штанов, курток, оградки на кладбище, евроремонты, торговля книжками, потом появилась машина — она не давала погибнуть даже в самые трудные дни. Но ее надо было сразу, как я ее купил, переделывать, я пошел работать в автосервис: я крутился возле мастеров, подворачивал гайки, а мастера мне объясняли, как перебирать двигатель, и контролировали процесс. Потом возник первый проект «Улицы разбитых фонарей», и я внаглую стал в него напрашиваться. Но меня не утвердили, я снялся только в эпизодах и продолжал работать на студии фактически шофером: реквизит отвезти, привезти костюмы... Тем временем оказалось, что на меня написали роль в «Операции «С Новым годом!»». Потом был «Блокпост» и многое другое. В каком-то интервью меня спрашивали: «У кого бы вы хотели сниматься?» У кого хочу, у того и снимаюсь! У меня в кино, я считаю, счастливая судьба, режиссеры, с которыми я работаю, все мне очень нравятся, мы думаем — не одинаково, но в одном направлении (Минина Е. // Театральный Петербург. 2001. 1 февраля.).

Мне повезло. Судьба свела с режиссером Александром Рогожкиным. Началось все с сериала «Улицы разбитых фонарей». Я сыграл в крохотном эпизоде роль преступного авторитета. И вдруг звонит Рогожкин! Говорит, у него специально для меня есть сценарий. Это был фильм «Операция «С Новым годом!»». Потом Александр Владимирович под меня переписал «Блокпост».

В ближайшее время собираюсь выпустить еще один спектакль. Ищу пьесу. Даже приобрел пакет бродвейских пьес последних лет и все их перечитал. Там нечего ставить и нечего играть. В таких случаях обычно обращаются к классике. Но у продюсеров всегда есть требование, чтобы было мало народу и декорации легко перевозились в самолете и поезде. И потом, я сейчас уже ищу пьесу на конкретных актеров: мне удалось уговорить поработать со мной в антрепризе, несмотря на их занятость, Мишу Трухина и Женю Добровольскую. Первый спектакль я выпустил еще в Томске. Спек-

такль был по отличной пьесе «Брысь, костлявая, брысь» литовского автора Саулюса Хортяниса. Там сложилась такая ситуация: спектакль хотели закрыть после семи месяцев репетиций, потому что режиссер, который его ставил, не справился. И мы с покойным теперь актером Толей Сибуриным решили, что нельзя этого допустить — это был только второй спектакль нашего курса в Томском ТЮЗе. Мы вдвоем пошли к руководству, сказали, что сами все доделаем, и нас приказом назначили режиссерами. Поначалу к нашей инициативе отнеслись плохо, потому что от работы с плохим режиссером актеры очень устают и начинают ненавидеть все, что с этой работой связано. Так что ребята были настроены плюнуть и забыть. Но мы как-то их заразили, и спектакль вышел, — говорили, что очень приличный.

Когда мы готовили самостоятельные задания, я очень часто сидел в зале и подсказывал. И как-то так получалось, что всегда в точку. Дело в том, что все актеры делятся на тех, кто строит роль интуитивно, и тех, кто делает это логически. Я отношусь ко вторым. А логическое мышление — это ведь и есть уже в некотором смысле режиссура. Многие киношные режиссеры знают, что я все равно сам себе буду роль выстраивать, то есть со мной можно не работать. Но все-таки, когда режиссер тебя не бросает, лучше получается.

Есть главный актерский принцип, которому научил меня мой институтский педагог Аркадий Иосифович Кацман: актер появляется на сцене по какому-то конкретному случаю — ради того, чтобы совершить какое-то действие и уйти, — и этот порыв уйти всегда должен оставаться. Актер — это человек, который всегда должен хотеть уйти: он хочет, а его задерживает то одно, то другое. Вот тогда появляется интрига, тогда на актера интересно смотреть. А если актер вышел и расселся, и красуется — то это уже получается Евгений Петросян, которого не выгнать со сцены никаким образом.

Шут — это лучшее, что может быть в актерской профессии. У меня иногда спрашивают: «Ты чего одни комедии играешь?» А вся наша жизнь — человеческая комедия. Смешное и страшное всегда рядом находятся. А смех — это защита организма.

Андрей о бытовых и финансовых проблемах

В просторную квартиру у метро «Елизаровская» мы переехали накануне того, как я пошел в школу. И та квартира оказалась очень просторной. Нам повезло: мы поселились в одном из тех нескольких домов, которые финны успели выстроить. В квартире шел постоянный ремонт. Кто бы и когда бы ни приходил в нашу квартиру, мама всегда произносила одну и ту же фразу: «Извините, у нас ремонт». У меня в комнате, например, стены были оклеены афишами. Но это позже, когда у меня своя комната появилась. А сначала в этой трехкомнатной квартире жило очень много народу: родители, я, моя сестра, а еще бабушка и тетка, но все равно после той «двушки», из которой мы выехали, эта квартира казалась такой просторной. Просто тогда уклад жизни был другой: не предполагалось, что у каждого должен быть отдельный кабинет — то, что сейчас считается вполне естественным. Отдельная комната появилась у меня, когда я учился в классе девятом-десятом. Когда тетка получила квартиру и уехала. Но все равно не было такого понятия: «моя комната», — все перемещались по квартире хаотично, кому куда хотелось. Кроме афиш-обоев, в моей комнате было очень много книжных полок. Полки вообще в квартире были главной мебелью. А еще был большой стол: я с тех пор очень хорошо помню свое желание — сесть за свой стол. Я не люблю мебель из ДСП. Мне очень нравится мебель или позапрошлого теперь уже века из цельного дерева, или 30 — 40-х годов прошлого: из досок и фанеры. В детстве у меня был дубовый стол с двумя тумбами по бокам и огромной столешницей. Мне его отдал сосед, который закончил десятый класс и поступил в университет, а я тогда как раз в школу пошел. У меня везде во всех моих жилищах — приблизительно одно и то же, включая нынешнюю квартиру, которую я снимаю. Там стоят холодильник, телевизор, видик (ну, это то, что необходимо по работе), стоит компьютер, который мне подарила передача «Арсенал». Есть стенной шкаф, в котором бабушка, что раньше здесь жила, хранила варенье, — там висит наша одежда. А все остальное, что мы покупали, — это книжные полки. Притом, что, собранные вместе, они представляют собой стеллаж, книги все равно лежат еще и в коробках и стопками под кроватью. Если бы у меня была возможность сейчас выбрать квартиру — среднюю такую квартирку, — в ней обязательно должна была бы быть кухня

метров двадцати: это, видимо, с детства у меня осталось — в той квартире актера Ивана Краско, моего отца, все гости постоянно собирались на кухне. Так что кухня должна быть большой, а комната пусть будет не очень. Но денег на квартиру я пока не заработал. Хотя если бы я жил где-нибудь в демократической стране, то тех двадцати двух фильмов, в которых я снялся, мне хватило бы на то, чтобы давно квартиру иметь. Да и здесь бы хватило — хотя бы на однокомнатную, — если бы я жил экономнее. Вот и живу в съемной квартире. Про первую квартиру, которую мы сняли, нам сказали, что она без мебели. Но когда мы туда пришли, обнаружили там кучу мебели. Причем это были полированные стенки. Нам все время обещали, что их заберут, но за полгода, которые мы там прожили, с места ничего не сдвинулось. Даже перемещаться по квартире было тяжело. Наш телевизор так и простоял нераспакованный. И естественно, мы стали искать другое жилье. И нашли.

Когда у меня был застой и в кино, и на ТВ, я продолжал работать, но в других отраслях: штаны и куртки шил, книжки продавал, на кладбище бетон месил для оградок, на машине «бомбил». Машину купил, собрав какие-то гонорары и взяв займы у Андрюши Урганта и у родителей.

В выборе ролей у меня нет никакого принципа, я деньги зарабатываю. Популярность — вещь не долговечная, а у меня большие планы. Хочу, например, дом построить. Если бы мне позволили, я бы и не за городом построил. В центре Москвы полно парков. Я бы построил дом, поставил заборчик, охрану и жил бы, как в Кремле. Но на особняк я так и не заработал. Все проживаю. Обзавелся только машиной, и то в кредит. «SUBARU FORESTER» — вот что-то она приглянулась мне. Я сел, руль покрутил... Люблю универсалы.

Людам, когда деньги есть, обязательно начинает хотеться власти. Столько всего про это уже написано в русской литературе: Островский, Достоевский... Я-то эту проблему воспринимаю только через художественные произведения или через роли. Мне лично не интересно ни одно, ни другое. Хватило бы на квартиру, машину, да младшему сыну надо помочь подняться, маленький он еще.

О деньгах. Могу сказать, что я снимаю жилье, на квартиру не накопил. В прежней живут мой младший сын со своей мамой. Езжу на «шестерке» — на дорогую машину не заработал. Домохозяйки, водителя у нас нет. Что касается еды, одежды и бензина — вот тут да, в настоящее время никаких проблем нет. Если раньше приходилось занимать деньги до следующего гонорара, то сейчас действительно на необходимые вещи хватает.

Многие думают, что я небедный человек. Но это далеко не так. И в Питере, и в Москве я снимаю квартиры. Да и первую приличную машину (джип) я купил совсем недавно в кредит, а до этого ездил на всякой хрени.

Я трачу деньги с той же скоростью, с которой зарабатываю. Кредит за машину — раз, не успеваю дома готовить, значит, иду в ресторан — два, квартира в Москве — когда есть проект, за нее платит проект, когда его нет, я, — это уже три. Квартиру в Питере тоже снимаю. Дом недостроенный стоит под Питером. Надеюсь, что я его все-таки дострою и, когда буду приезжать сюда, буду жить там. Денег накопить не получается еще и вот почему. За сериальные проекты платят не одним куском, а за каждый съемочный день. Естественно, что они разлетаются мгновенно. С другой стороны, я привык, что денег не было и нет. Хотя уровень моей жизни, конечно, изменился: раньше я по дороге со съемок домой покупал себе пачку пельменей, а сейчас иду в ресторан.

Порой мне приходилось сниматься только из-за денег. Да, купить квартиру, машину, дачу тоже хотелось... Но зачастую хотелось просто есть! К сожалению, как показывает опыт, деньги, которые ты за свою халтуру получил, впрок не идут. От этих денег тошно. Есть старая байка про Анатолия Папанова и знаменитого режиссера Иосифа Хейфица. Хейфиц увидел Анатолия Дмитриевича в каком-то ужасном фильме и поинтересовался: «Зачем же вы снялись в таком кино?» А тот ему ответил: «Понимаете, квартиру купил. Жена люстру хочет». Хейфиц до конца жизни мучился, вспоминая эту историю: шутил Папанов или правду сказал? Вот и я очень много снимался «за люстру»...

Андрей о родителях

Раньше про меня говорили: «Ну, все понятно, у него папа — народный артист!» Да отец мой, Иван Иванович Краско, никакого отношения к моему актерскому становлению не имеет. Напротив, он не

спешил поверить в меня. Отец лишь совсем недавно воспринял меня как актера. Хотя отношения у нас всегда были хорошими.

Мои родители познакомились в университете. Отец пошел учиться на артиста не сразу, сначала были военное училище, служба на флоте, потом филологический факультет. Папа во время учебы подрабатывал в университете ночным сторожем. По семейной легенде, маменька к нему бегала... в гости. И родился я. Пока я рос, мама посвящала мне все время, после университета даже пошла работать в детский сад — я был ребенком болезненным. А в первом классе прибежала на большой перемене, чтобы застегнуть мне штаны. Ну не умел я застегивать пуговицы, так и ходил с расстегнутыми. Меня воспитывали исключительно женщины: мама, бабушка, тетя. У папы — то репетиции, то спектакли, то гастроли...

Первый мой «актерский» выход состоялся в родном детском саду: я был зайчиком, Буратино, а папа — Дедом Морозом.

Мне очень нравятся некоторые его работы. Сейчас, в последнее время, к сожалению, не все спектакли смотрю. Не видел его Аракчеева в «Царственном мистике» и Меншикова в «Шуте Балакиреве». И бенефисный спектакль «Утоли моя печали». Зато в детстве по 24 раза ходил на спектакли, знал их наизусть. Папа — очень профессиональный актер. У него были замечательные работы. Одна из лучших, считаю, «Играем Стриндберга» по Дюрренматту. И Кочкарев в «Женитьбе». А старые спектакли «Принц и нищий», «Продавец дождя»!.. Он хорош в фильме «Цветы календулы» Снежкина, хотя и в эпизоде снялся.

У нас с ним такая установка, с самой моей юности, что я человек самостоятельный. Иван Краско — это одно, а Андрей Краско — другое. Папа никогда нигде за меня не просил. Начиная с поступления в театральный институт...

С отцом мы совершенно нормально общаемся, но у него своя семья, дети. Его жену Наталью я знал до этого, все было предсказуемо. С детьми папы мы общаемся не так часто, как хотелось бы... В последнее время я в основном живу в Москве.

Все, кто приходит в профессию после родителей (особенно если родители чего-то достигли), все равно невольно под прицелом. Их сравнивают. А мне не хочется быть продолжением, придатком. И когда мне папа говорил, что надо с актерством заканчивать, я упорно гнул свое. Сейчас консенсус найден. Сначала он говорил, что он театральный артист, а я так, погулять вышел. Мол, в кино каждый раз себя играю. Но в какой-то момент он сломался. Потому что мои герои стали уж больно не похожими друг на друга. За творческой деятельностью отца я слежу очень вяло. Не успеваю смотреть все, что он делает. Я и свое-то творчество смотреть не успеваю.

Благодаря отцу я хорошо представлял, что такое актерский труд. Это ведь то, чего мне в детстве хотелось — стать «сразу всеми»: и космонавтом, и шофером, и пожарным, и капитаном дальнего плавания... Так что в театральный институт я поступал не для папы. Вообще, я всегда старался все делать самостоятельно. В институт поступал сам, отец в этом не участвовал. И поступил только со второго раза.

Отец был женат дважды, мама — его вторая жена. Мало того, у него детей целая куча. От первого брака дочь Галя, от мамы мы с сестрой Юлей, потом у папы случился роман, в результате которого у нас появилась сестра Марина. Мама моя уникальная женщина. Она узнала, что у папы роман, и сказала: «Ты должен уйти и жить там. Там молодая девушка, ребенок, ты им нужен». И это не поза была, а убеждение. Но он остался с нами. (После смерти жены Иван Иванович Краско женился в третий раз, и сейчас они с женой воспитывают двух очаровательных ребятшек. — *А. В.*)

Андрей о детях

Мой старший сын Ваня сейчас учится в театральной школе. Он с четырех лет живет в Польше. С трех лет озвучивает мультфильмы. Бабушка у него — один из самых известных звукорежиссеров страны, много лет работала у Анджея Вайды. Мой сын уже снялся в молодежном сериале в одной из главных ролей. А сейчас будет играть со мной в «Диверсанте». Вернее, без меня: я не еду в Польшу. У меня спектакль. Поэтому меня из одной серии выкинули, а Ваня был на кастинге, и его взяли. Могу

сказать: он молодец. Но не считаю возможным петь сыну дифирамбы. А то, что он не бесталанный мальчик, это точно. Мой младший сын Кирилл по характеру завхоз. Если где-то открыта дверь или вещь лежит не на месте, он нервничает.

Маленький Кирилл однажды смотрел «Бандитский Петербург» — серию, где меня застрелили. Когда я упал и помер, он сказал: «Все, папа к нам больше не придет!»

У меня дети оба — в меня. Упрямые страшно.

Андрей об алкоголе

Я всегда уточняю: «Я алкоголик, но в еще большей степени я — работоголик». Чем больше у меня работы, тем меньше шанс сорваться, уйти в загул и запой. Сейчас у меня работы выше крыши и одна проблема: как откликнуться на все интересные предложения, чтобы одно на другое не наложилось. Теперь у меня есть агент Лиза, от которой узнаю, когда у меня выходные и могу ли я уехать на два дня. Но если вдруг выпадает «окно» в неделю, две, месяц, то родственники и близкие начинают паниковать, опасаясь, что я вновь сорвусь... Я просто запойный. Ничего зазорного признаться в том, что ты алкоголик, на самом деле нет. Это же и вправду первый шаг на пути к исправлению. Когда говорят про человека, что он бывший алкоголик, мне это кажется глупостью несусветной. Это как у Довлатова было сказано: «Бывший князь». Как князь не может быть бывшим, так и алкоголик. Просто есть алкоголики, которые не пьют. В силу разных причин. Например, из-за работы. Вот я же не пью, когда работаю. Алкоголь — это машина времени, толькодвигающаяся в одну сторону. Когда ты после запоя очнулся и с удивлением узнал, какое сегодня число...

Конечно, я пробовал снижать градус спиртного. Но убедился, что это загрязняет организм, потому что напитки более низкого градуса, так или иначе, связаны с химией. Происходит самообман: «Сейчас я потихонечку, помаленечку буду ограничивать себя», но все кончается тем же, только в еще более тяжелой форме.

У меня в контрактах прописано, что в случае срыва съемок у меня урезают гонорар. Но пока никто не подавал иски, смены не срывались. Конечно, я позволяю себе иногда рюмку-другую. Но работа для меня — главное. И могу сказать, что у хороших продюсеров и хороших режиссеров я снимаюсь очень неплохо. А на всякие слухи мне плевать.

Запоев у меня не наблюдается. Меня пугает, когда выбываешь на пару недель, на месяц... Вроде сейчас все на контроле. Два последних года мне и некогда было. На мой взгляд, алкоголизм и тругоголизм — явления одного порядка. Я пил, когда работы не было. Ведь нормальные люди вкалывают не ради денег. Им нравится сам процесс.

Режиссеры гораздо больше на меня жалуются не потому, что я запойный, а потому, что я въедливый; и потом, есть у меня какой-то внутренний цензор, который не позволяет произносить фальшивые слова. Еще с советских времен лучший способ осадить человека — сказать: «Да он же пьяница!» Каким бы хорошим работником, каким бы суперпрофессионалом ты ни был, на тебе будет клеймо. Всегда были пьющие мастера, которые стояли у станка, пьющие актеры, на которых народ ходил...

Вообще, безудержное употребление спиртного имело место в моей жизни в тот момент, когда повысили цены, одновременно ограничив время продажи спиртного, а потом и вовсе введя талоны. С двух до семи стояли страшные очереди, да еще спиртное давали по талонам. Видимо, в характере русского человека заложено противодействие запретам... Когда зелье стали продавать свободно и круглосуточно, у очень многих людей произошла остановка. У меня — точно. Когда все доступно, вроде и смысл пропал.

Я не алкоголик... Ну какой мужик не любит выпить в компании, тем более в хорошей компании! Если бы я пил, разве я бы так активно в кино работал? Я был бы тогда никому не нужен.

Андрей о путешествиях

Я устаю от чужих стран. Вот четыре дня в Египте, куда нас отправил театральный продюсер, стали для меня пыткой. Америка - более интересная страна. В Лос-Анджелесе мне понравилось, несмотря на большое количество латиносов. Но там все разговаривают на «птичьем языке», который я учить принципиально не собираюсь. Они наглые и почему-то считают, что английский все должны знать. А вообще, поездил я в своей жизни мало.

Мне нравится Екатеринбург, он чем-то похож на Питер, но тверже, основательнее. Я бывал здесь то ли в семьдесят восьмом, то ли в семьдесят девятом году. Помню, ресторан «Уральские пельмени» поразил мое воображение, там были настоящие пельмени из рубленого мяса. Вкусные! Я навещал туда каждый вечер и был на грани разорения. В «Пельменях» гуляли местные жулики, они утащили меня на подпольный концерт Владимира Высоцкого, который почти месяц зависал в «Буше» («Большом Урале»). Я понял, что свердловчане народ патриотичный и даже жуликами своими очень гордятся.

Противопоставление москвичей и петербуржцев придумали энергичные провинциалы, которые заселили Москву. Москва — это город пробивных провинциалов, настоящих москвичей осталось считаное количество, и они ничем не хуже петербуржцев. А меня в Москве вообще ничто не может раздражать — я или дома, или на работе, никакими тусовками давно уже не интересуюсь.

Андрей о политике

Власть если ее выбрали, то она власть и есть. Идеальный вариант, когда в стране наступает такой момент, что уже не важно, какая из партий победит, потому что на уровень жизни это никак не повлияет. Так, как это происходит в Англии, во Франции. Власть — это инструмент давления, а я с детства терпеть не могу собраний, митингов, демонстраций.

К сожалению, сплочение происходит только вокруг каких-то катастроф. А так, по-моему, последней настоящей радостью, объединившей наших людей, стал полет Гагарина в космос. Тогда никто не выгонял людей на демонстрации. Они свешивались из окон, сами, по собственной воле, высыпали на улицы, искренне ликовали. Но чаще всего исторические события прошлого прокомментировать можно словами поэта: «Умом Россию не понять...», и вообще никак не понять, добавлю от себя. Ну как можно было, скажем, на Александра Второго, который сделал все для народа, совершить семь покушений и в результате убить?! Это был самый демократичный царь! А если бы Николай поступал с большевиками так, как они поступили с ним? Никакой революции бы не было. Но мне кажется, чем крепче власть, тем она лояльнее, и в этом одна из причин гибели всех империй.

Непридуманные истории из жизни Андрея Краско

Еще в университетском театре во время спектакля, в котором участвовал Иван Иванович Краско, маленький Андрюша выбежал на сцену, на него, конечно, все зашухкали. А он, вместо того чтобы испугаться, повернулся к зрителям и громко крикнул: «Здесь играет мой папа!» — и поклонился.

В детстве Андрей любил смотреть, как бреется отец. И вот однажды отец ему говорит: «Да, Андрюша, нос-то у папы подкачал, смотри, какой кривой!» А он: «Ты что, папа! Если бы ты знал, я так хочу иметь нос, как у тебя». Родители Андрея потом долго смеялись.

Из-за большой загруженности Андрей использовал каждую свободную минуту для отдыха и даже

приноровился спать в любом месте. На съемках сериала «Свой человек» на автовокзале в Краснодаре во время перерыва он в гриме и одежде Клавишника уснул на лавочке. Рядом суетились администраторы, оператор, осветители и прочий технический персонал. К Андрею подошел какой-то дедуля и начал трясти его за плечо: «Чего разлегся? И не стыдно тебе? Тут кино снимают, а ты мешаешься!»

На съемках «Заколдованного участка» к Андрею подошел Леонид Ярмольник и сказал: «Знаешь, на какой канал ни переключу — везде ты». — «Ну, тружусь», — ответил Краско. «Правда, недавно включил мультфильм, а тебя нет», — посетовал Ярмольник. «Извини, недоработка вышла!» улыбнулся Андрей.

Как-то Андрею позвонил двоюродный брат и пожаловался, что они редко видятся, на что Андрей сказал: «Включи телевизор, брат!»

Одну из серий «Агента национальной безопасности» снимали на свалке. Герои — Краснов и Николаев — по сюжету должны были нарядиться бездомными. Во время перерыва актеры сняли лохмотья и пошли обедать. Вернувшись, они не смогли найти костюмы. Оказалось, что местные бомжи, обитающие на свалке, украли лохмотья. Съемки удалось продолжить только после того, как воров нашли и выкупили у них костюмы.

В одном фильме Андрей должен был играть казака, а дырку в ухе для серьги проколоть было некогда. И как-то приятели-музыканты Андрея сказали: «Что ты мучаешься-то? Сделаем!» Хозяйка квартиры, где они отмечали какое-то торжество, взяла иглу от капельницы и стакан водки. Стакан водки Андрей выпил, и... так у него в ухе появилась серьга. С тех пор Андрей стал говорить, что папа у него цыганский барон, а сам он - пират Карибского моря, как Джек Воробей.

На вопрос о том, гордится ли им отец, Андрей ответил: «Не знаю, не уверен. Можете ему позвонить и спросить. Хотите, телефон дам?»

На съемках одной из серий «Агента национальной безопасности» был взорван «запорожец» Андрея (с согласия артиста). Андрей к тому же остался в «наваре» — за взорванную машину ему заплатили 300 долларов. Эта сумма на 100 долларов превышала стоимость машины.

Андрей вообще попадал по жизни в самые нелепые, дурацкие ситуации. Но как было сказано выше, в дурацкую ситуацию может попасть только умный человек. Умному человеку зачастую приходилось играть дурацкие роли. Но быть может, в этом-то вся прелесть? Этакое несоответствие образов, которое кажется идеальным соответствием, но лишь на первый взгляд. Несомненно, в некоторых ролях Андрей похож на самого себя, и те, кто утверждает, что все роли у Краско мало чем отличались друг от друга, сильно заблуждаются. Бесспорно то, что практически каждому персонажу, сыгранному Андреем, присуще то же чувство юмора, что и самому актеру. Речь многих персонажей Краско очень афористична, в его устах они звучат свежо и естественно, как только что родившиеся, — и в этом заслуга Андрея. Его поклонникам удалось собрать целую коллекцию «Краскофоризмов». Вот лишь некоторые из них (Афоризмы предоставлены авторами неофициального сайта Андрея Краско: www.krasko.narod.ru):

Мигалов («УЗКИЙ МОСТ»): «Что такое человеческое счастье? Это ограниченность выбора».

Александр Ветров («КОРОЛЕВСТВО КРИВЫХ»): «Надо выбирать, кому хамить!»;
«Столько талантов — и все на одного человека»;
«Денег у тебя — как у дурака фантиков»;
«За бог с нами и за хрен с ними!» (*тост*).

Савичев («ЗАКОЛДОВАННЫЙ УЧАСТОК»):
«Америку не любят все, кроме американцев. Россия нравится всем, кроме русских»;
«Я тут задумался и понял»;

«Люди вон в городах живут: унитаза, метро, ванна»;
«Задешево не продам, а задорого — стыдно»;
«Красота сама себя показывает»;
«А у меня всегда все серьезно. По-другому не бывает!»;
«Ты красоту носком не затыкай!».

Адамов («НОВЫЕ РУССКИЕ МУЖИКИ, ИЛИ МУЖЧИНЫ НА ЧАС»):

«Были б деньги, я бы ушел»;
«К сожалению, не по справедливости, а поровну»;
«Вот так жадность рождает героизм»;
«Это мы вчера без выходных работали, а сегодня — с выходными».

Майор Игорь Голомазов («ПРИНЦЕССА И НИЩИЙ»):

«Тебе понятно — ты умный. А мне непонятно — я дурак»;
«В любой истории можно найти повод для оптимизма» ;
«Сынки, запомните: настоящий мужчина не должен бросать друзей в беде и должен отвечать за свои поступки, даже если за них надо отвечать головой. Усекли?»

Клавиных («СВОЙ ЧЕЛОВЕК»):

«Алкоголизм — это зависимость. Я человек независимый: хочу похмеляюсь, хочу терплю»;
«Чистое тело пахнет лучше любого дезодоранта»;
«Солнце светит, небо чистое — я уже радуюсь»;
«Слава, деньги — все фуфло, главное — свобода»;
«Нет ничего лучше физической усталости после осмысленного физического труда»;
«Закон сохранения энергии распространяется и на денежные знаки. Если у тебя их больше, значит, у кого-то их меньше»;
«Сначала мужчина ищет женщину, чтобы с ней спать; потом ищет женщину, чтобы с ней жить; а потом ищет женщину, чтобы с ней умереть».

Командир подлодки Геннадий Янычар («72 МЕТРА»):

«В русском языке есть слова, их там много; когда их составляешь вместе, получается предложение, где есть сказуемое, подлежащее и прочая светотень. И все это — великий русский язык»;
«Если корову поставить на задние лапы, то [сердце], конечно, будет слева»;
«А рога у коровы есть — это плохо».

Сыщик («НОЧНОЙ ПРОДАВЕЦ»): «Дело в том, что всем на все наплевать»;

«И сколько ты ни заплатишь нашим людям, от этого ровным счетом ничего не изменится. Всем будет на все наплевать! Такой мы народ!»

Эпштейн («ОПЕРАЦИЯ «С НОВЫМ ГОДОМ!»): «Закуска градус крадет».

Витек («ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЫБАЛКИ»):

«Глупых вопросов не задавать! Вопросы есть?»;
«Заткнись, балласт!»;
«Не писай в рюмку!»

Андрей Иванович Краснов («АГЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»):

«Курить в противогазе неудобно»;
«Я, как человек с большим семейным опытом, ответственно заявляю: мусор на ночь выносить — плохая примета»;
«Любить — чтоб дух захватывало, а пить — чтоб лежа пошатывало»;
«Не умеешь — научим, сказано идти — пойдешь, приказано ухаживать — будешь ухаживать»;
«Стрельба — это дело общественное и, я бы даже сказал, государственное»;
«Дома надо сексом заниматься»;
«Язык за границей — первое дело»;

«В животе так бурчит, официантки в кафе оборачиваются»;
«Раньше были времена, а теперь мгновения. Раньше поднимался дух, а теперь давление»;
«Лучше в новых домах жить — потолки ниже»;
«А что мне — жопу хвоей присыпать и муравейником прикинуться?»;
«Хотя бы разик в сутки супчик должен быть в желудке!»

Сан Саныч, хозяин пансионата («НА БЕЛОМ КАТЕРЕ»):

«Экстремал, экстремаю и буду экстремать»;
«...Я был так же далек от разгадки, как и разгадка от меня»;
«Бывает в жизни время, когда особенно остро осознаешь: или ты, или обстоятельства. В такие моменты проявляются самые сильные стороны характера. И я обычно смывался».

Дядя Паша («СВОЛОЧИ»):

«В голове ветер, а в попе — дым»;
«Все курите! В горах и так дышать нечем, а вы еще и курите. Балбесь».

Полковник ФСБ Чернов («У.Е.»):

«Ну народ — в драке не выручат, в войне победят!»;
«Если не хочешь знать, куда тебе идти, не учи, что я должен делать»;
«Пенсия маленькая, а мне тоже иногда мороженое кушать хочется»;
«В Нью-Йорке одни буржуи живут»;
«Это не хохма, это наша жизнь. Наша русская жизнь»;
«Так, доченька. Давай договоримся не пугать друг друга показным цинизмом».

Последнее, что Андрей рассказывал о себе, — это откровения в интервью, данном Михаилу Садчикову (*Садчиков Михаил. <http://www.Trud.ru> № 122 за 7 июля 2006.*) за несколько дней до смерти. Причем большая часть их посвящена отношению актера к алкоголю (излюбленная тема журналистов в беседе с Андреем Краско). Откровенность Андрея иной раз сражает наповал:

«Отец для меня всегда был идеалом. Хотя мы с ним в какой-то момент по-разному стали понимать профессию. Папа до сих пор убежден, что актер в любые времена должен служить в театре, работать на телевидении. По моим же понятиям выходило, что актер должен заниматься одним только искусством. А те спектакли, что отец с партнерами тогда играли (про то, как один секретарь райкома разоблачил другого нехорошего члена КПСС или как одна бригада благодаря своей неутомимости выиграла соцсоревнование у другой), не являлись никаким предметом искусства. Хотя ставилось все это в именитом театре, режиссер и актеры долго репетировали, искали правду образа...»

Именно в тот момент Красно и выпал из профессии...

«Кем я только не работал! — признается он. — Помню, штаны шил. Тогда в моду вошли слаксы, брюки с большим количеством карманов. С тех пор ношу именно такие штаны. В молодости я часто дарил друзьям сумки, которые тоже сам шил. И себе шил, с удобными карманчиками под пачку папирос, под спички... Я и на кладбище бетон месил для оградок, книжками торговал, на машине «бомбил». У меня в это время болели родственники, сын младший болел, приятель в больницу попал. В больницах тогда кормили кашей и чаем. Вот я готовил еду, сидел в свой крутой «запорожец» и ехал сначала в больницу к приятелю, а потом через весь Питер отправлялся в Зеленогорск, к сыну. Развозил им еду, и на следующий день все начиналось снова. А надо было еще добыть денег на еду...

...Даже когда шил штаны, не считал себя безнадежно выпавшим из профессии. Следил за тем, что происходит в кино, и был уверен, что нужно просто переждать момент. Так и случилось. Меня начали приглашать сниматься без каких-либо моих на то сверхусилий...

...А вообще мне в театре хочется поиграть... По-хорошему завидую своим друзьям-товарищам Косте Хабенскому и Мише Пореченкову, что все успевают — и у Табакова в театре играть, и в сериалах сниматься».

Когда журналист напомнил Краско признание, сделанное на одной из встреч со зрителями: «Я трудоголик и алкоголик...», Андрей сказал:

«Я просто запойный. Но считаю, что нет ничего зазорного признаться в том, что ты алкоголик. Это же первый шаг на пути к исправлению! По-разному бывало. В молодости случались большие про-

валы, в последнее время все сдерживается работой. Очень люблю виски, но от него у меня возникает изжога с первого же глотка. Такова реакция моего организма. Одно время абсент нравился, иногда употреблял ром. Раньше, как и все мое поколение, пил портвейн. Удобно, потому что закусывать не надо. Но самый устойчивый напиток — водка.

...Русский актер всегда пил помногу. Недаром же в народе укоренилось выражение: «Ой, артисты — они все пьяницы!» А на заводе — не пьяницы, в КБ — трезвенники? Всюду одна и та же ситуация, просто артисты — на виду.

...Понятно, что алкоголь не способствует нормальной личной жизни. Женщины такого мужчину не воспринимают. А с теми женщинами, что воспринимают тебя и такого, жить невозможно... Потому что они сами пьющие. А пьющие женщины намного страшнее, чем мужчины. Женский алкоголизм фактически неизлечим, в отличие от мужского. Я в этой теме хорошо подкован.

...На меня не действуют ни гипноз, ни кодирование.

Первый шаг — это сознаться самому себе: ты — алкоголик. Самому себе! Ведь обычно человек говорит: я могу остановиться в любой момент, могу подолгу не пить! Но это все отговорки... В итоге допиваешься до активного экстрагента для очистки кожи, флакончик которого в ларьке стоит семь рублей, и становишься синего цвета. В общем, только ты сам решаешь: то ли у ларька на ящиках поспать и пойти допивать то, что не допито, или кардинально менять жизнь, ограничивать себя.

Лучше всего, если новая работа возникает на горизонте. К счастью, в последние годы не могу пожаловаться на отсутствие интересных предложений».

И наконец, на вопрос журналиста, не следует ли поберечь себя и почаще отказываться от ролей, Андрей ответил:

«Думаю, энергетические затраты как-то компенсируются. Возьмем актеров старшего поколения, которые, как мы теперь знаем, мало того что были всенародными любимцами, но еще пили будь здоров и еще вкалывали. И прожили до преклонных лет, причем не покидая сцену. Вот бы и нам так! Но боюсь, у меня не получится... Моему сыну сейчас восемь лет, и я иногда думаю: боже, как буду его дотягивать хотя бы до сознательного возраста. Уже мучают вопросы: доживу ли, смогу ли ему что-нибудь оставить?..»

Один из близких питерских друзей Краско — Андрей Столыпин — сказал: «Журналисты очень много всякой муры говорят и пишут, и не только про дом или водку. А ему уже не ответить. И хоть мертвые сраму не имут, те, кто живы, помнят и любят, должны их защитить. А то нехорошо как-то». Да, нехорошо. Андрей был великим актером, а великим людям, как правило, свойственны слабости. И не в том ли заключается истинная любовь, чтобы уметь прощать слабости другого человека и относиться к ним с пониманием?!

СЛОВА О НЕМ И ДЛЯ НЕГО

Поклонники об Андрее

Кинокритик Екатерина Тарханова однажды заметила: «У нас есть очень хорошие актеры типа Марата Башарова, Владислава Галкина, Сергея Гармаша и совершенно уникального Андрея Краско, которым деваться больше некуда, кроме как в очень плохое кино». Так ли это? Независимо от того, хорошими или плохими были фильмы и сериалы, иногда их смотрели только потому, что там снимался Андрей Краско. Андрей был всеобщим любимцем: на его неофициальном сайте — бесчисленное множество признаний в любви от телезрителей и театралов; блокнот, оставленный на его могиле одной из поклонниц, до последней странички исписан самыми разными людьми — все они глубоко скорбят, все они признают, что российское кино с уходом Андрея потеряло многое, все они убеждены, что *такого* артиста больше нет и вряд ли появится... Для многих смерть Андрея стала личным горем — его утрату восприняли как потерю самого близкого человека. Андрея невозможно было не любить, говорили его друзья. Но в жизни актера имел место длительный период, когда он был обделен зрительской любовью, чувствовал себя невостребованным. И для актера это, наверное, самое страшное. Если бы только было возможно наверстать упущенное! По крайней мере, стоит попытаться это сделать.

Андрей! Ты должен знать, насколько ценили тебя зрители, как они тебя любили и как ждали твоего появления на экране! При жизни ты не услышал этих слов, ты просто знал, что они есть — они всегда были в сердцах тех, кто восторгался твоим талантом...

Губернатор Санкт-Петербурга

Валентина Матвиенко:

Глубоко трагично, что талантливый, одаренный человек ушел так рано, на пике карьеры, на взлете. Андрей Краско был настоящим петербуржцем, артистом, большая часть творческой биографии которого была связана с нашим городом. Многим любителям театра и кино был дорог этот обаятельный, ироничный и веселый человек. Ему верили, его любили, потому что узнавали в его героях самих себя и угадывали свои судьбы. С нами останутся созданные им образы, ведь в каждый из них он вложил частичку своей души.

Пресса

Леонид Шахов (ЖИЗНЬ. 6 июля 2006.).

Краско играл в основном служивых людей. Агентов национальной безопасности, сотрудников специальных служб, военных моряков и завхоза Пашу. Я видел фильмы «Блокпост», «72 метра», «Грозные ворота», «Олигарх» и «Сволочи».

Что сказать?

Бывают хорошие фильмы, плохие и сериалы. А еще случаются никакие — бесталанные, слабые и даже откровенно «дешевые». Их может «вытащить» только актер.

Краско «вытащил» не один фильм...

Краско был с работой на «ты». И с друзьями. И с врагами. И любил, чтобы и с ним тоже были на «ты». И матерые режиссеры, и великие коллеги, и юные «сволочи». Простой русский парень, открытый и талантливый. Без кукиша в кармане. И без денег там же. Пофигист. Хочу — курю, не хочу — тоже курю. Он был на «ты» и с жизнью. Ни кола ни двора. Ни машины. Семья? Семья есть. Но где? Жена - здесь. Сын - там. А сам между здесь и там. Нигде... Потому и любую роль он исполнял так, как

будто всю жизнь только в этом образе и жил.

Он жил как играл.

Он играл как жил...

Андрей Иванович, точнее, Андрей (не любил по имени-отчеству) не был гламурным актером, не ходил на тусовки, не сбивался в стаи, не подписывал коллективных писем, не флиртовал со славой. Потому и не был таким, знаете ли, визгливо-популярным, как некоторые его собратья по цеху, хватающиеся за любую роль, даже ведущего на телевидении. Потому и не были влюблены в него до безумия девчонки с голыми пупками и пустой головой. Они не визжали, встретив его в ночном клубе: «Ай! Краско!!!» (Он, собственно, и не ходил в эти клубы.) Они не караулили его у дома. Да и дома, собственно, у него не было... Его не любили.

В него верили.

А это больше, чем любовь...

Михаил Трофименков (Коммерсантъ. 2006. 6 июля. № 121 (3452).)

Кажется, за последние годы не было ни одного амбициозного фильма, где не сыграл бы Андрей Краско: от «Олигарха» (2002) Павла Лунгина до «9 роты» (2005) Федора Бондарчука, от «72 метров» (2004) Владимира Хотиненко до «Сволочей» (2005) Александра Атанесяна. К нему относились как к талисману, сочиняя, как в «Турецком гамбите» (2004) Джаника Файзиева, крохотную, вроде бы и ненужную роль. Только бы мелькнул на экране нескладный человечек, на лице которого читались одновременно хитрованство и простодушие, гонор и робость.

Краско был, пожалуй, самым колоритным комическим актером России, гением эпизода. Его персональный миф оформился до такой степени, что режиссеры-иконоборцы стали бороться с ним, нейтрализовать иронией. Так, в «Жмурках» (2005) Алексея Балабанова его горластый сосед вламывался на шумную разборку, чтобы уснуть навеки в стенном шкафу.

При этом его звездная карьера укладывается в пять лет, хотя впервые он снялся в кино еще в 1979 году. Трудно припомнить актера, которому была на роду написана столь прямая и успешная профессиональная дорога, на которой оказалось столько препятствий и ловушек, что слова «трагическая судьба» не будут преувеличенными. Каждая эпоха измывалась над ним по-своему. У героев Краско была причудливая общая черта: словно спустя четверть века он сладострастно мстил генералам, которые порушили ему жизнь из-за того, что Кукарача не соблюдал форму одежды. У многих его героев с формой явные нелады. Участковый-лунатик, рассказывающий, как свинья спасла ему жизнь, в «Ночном продавце» (2005) Валерия Рожнова щеголял в дурацкой панамке. Капитан подлодки Гена Янычар в «72 метрах» шикарно вышвыривал фуражку в море, а потом, угрожая всех «вывернуть мехом наружу», гнал экипаж спасать ее. Липкий гэбэшник в «Копейке» бредил скудным гардеробом, с которым когда-то приехал в столицу. Без фриков Краско российский кинематограф станет гораздо скучнее.

Сайт памяти Андрея Краско

Ольга Даньшева:

На днях я, возвращаясь из магазина, невольно подслушала разговор между моими соседками — Зинаидой Васильевной и Маргаритой Петровной, дамами пожилыми, не особо интересующимися кино и смотрящими фильмы, как говорится, ради картинок.

— Смотрела «Участок»? — спросила Зинаида Васильевна.

— Заколдованный, что ли? Смотрела, правда, две серии пропустила.

— Ой, мой Степаныч в таком восторге, в таком восторге! Так хохотал, ни дать ни взять, себя в ком-то узнал! Вот, говорит, научились же снимать! Но вот что я тебе скажу, Петровна, дурят они народ. Своими ушами слышала, что снимали они сериал на природе, ну, в настоящей деревне то есть. Так я и кумекаю, что никакие не актеры там играли, а самые что ни на есть простые жители той деревни. Понатыкали везде скрытых камер, потом похитрее склеили, вот и сериал получился. А ре-

жиссеру — денежки в карман.

— Да ты что? — Похоже, Маргарита Петровна была поражена. — Неужто до такого дошли.

— А ты сама посуди. Был там один мужик, пузатенький такой, все в рыжей кожаной кепке ходил да в майке.

Я насторожилась, умерила шаги. Речь шла конечно же о Юрии Савичеве, которого сыграл обожаемый мной Андрей Краско.

— Помню, — ответила Маргарита Петровна.

У этого актера очень хорошие глаза, такие выразительные...

— Наивная ты! - перебила Зинаида Васильевна. — Эх, наивная! Я тебе о чем толкую! Не актер это вовсе, а самый обыкновенный деревенский житель.

— Да ну?!

— Да-да-да! Точно тебе говорю! Не родился еще актер, который мог бы ТАК натурально изобразить алкаша, его похмельные страдания и помешательство на этой почве! Ну скажи мне, Петровна, скажи, ты видела когда-нибудь, чтобы у актера багровело лицо (вместо слова «лицо» было применено другое, менее литературное) и выкатывались глаза? Не-ет, такое изобразить невозможно. Говорю тебе, снимали скрытой камерой...

Что ответила Маргарита Петровна, я уже не слышала. Я вошла в свою квартиру с довольной улыбкой, ибо мой любимый актер только что получил самую высшую оценку от зрителей. Его приняли за своего!

Татьяна:

С фотографий смотрит на нас совсем еще малыш, потом подросток, затем — симпатичный молодой человек, смотрит, улыбается и еще не знает своей судьбы. Нет еще в нем той грустной умудренности, того человеческого умиротворения, той глубокой порядочности, какая появится с пережитым. Меня всегда завораживали детские фотографии умерших людей. Так хочется все знать о человеке: о том, как рос, о чем думал, чему радовался и огорчался, в какой момент стал таким, каким мы его узнали и полюбили. Вглядываешься в лицо на фото, пытаешься уловить настроение, а там - удивительно - мальчик еще совсем, младше тебя, глядит отвлеченно. Не знает, что спустя годы не только для его близких, а для сотен людей эти фото останутся самым дорогим и единственным чудом, памятью о нем.

Юлия:

...Нам остается только имя — Чудесный звук на долгий срок...

Андрей Краско, человек необычайного дара, дара Владимира Высоцкого, Олега Даля — людей, которым не суждено состариться. Это люди — Гении, опередившие скорость жизни и потому ушедшие так рано, и хоть я его и не знала лично, только по одним его необыкновенно ясным глазам сразу видно, что такой человек никогда не пойдет на «делку с собственной совестью». Вот уже почти два месяца, как его нет, а легче не становится, почему-то еще тяжелей стало, телевизор кажется пустым, будто сразу по всем каналам идут профилактические работы. Говорят, время лечит, так почему тогда так тяжело?! «Поздний успех», — он говорил, а сейчас кажется, что, кроме него, никого никогда и не было...

Теперь он неуязвим, как солнечный луч, никакие болезни ему теперь не страшны.

ОН СВОБОДЕН...

Ириша:

Он был святым человеком! Чистым, искренним, глаза светились добротой. То, что значит Андрей для меня, не описать словами... Он был для меня всем! Судьба ему досталась не из легких, но он все преодолел. Не зря говорят, что Бог забирает к себе так рано самых лучших, ибо они нужны ему там. Искренне надеюсь и верю, что нашему Андрюше там лучше, чем было здесь.

Иногда, когда я иду по улице и вижу проходящих мимо мужчин, сходных по комплекции с Андреем, смотрю на них и вижу лицо Андрюши, как будто это он идет, живой и здоровый... но потом понимаю, что мне все это просто показалось. А вообще, у меня такое ощущение, что он просто уехал куда-нибудь отдохнуть и скоро вернется...

Как его жизнь-то была. Но он молодец, себя не потерял. Как говорил сам Андрей: «Со мной много чего случалось в жизни, но я ни о чем не жалею». Настоящий мужик (не буду говорить «был»)! В последние годы он очень много снимался, за один 2005 год снялся в пятнадцати фильмах и сериалах.

Работал без продыху, не обращая внимания на покалывающее сердце, спал по три часа в сутки. Даже после смерти он продолжал играть, он сыграл свой уход: помните, когда выносили гроб, люди, не сговариваясь, начали аплодировать. Это все объясняет. Мы будем вечно любить и помнить Андрея. «К нему не зарастет народная тропа».

ОН ЖИВ! ПОКА НАРОД ПОМНИТ, ОН БУДЕТ ЖИТЬ! А МЫ БУДЕМ ПОМНИТЬ ЕГО ВЕЧНО!!!

Елена Макарова:

Для меня Андрей Краско был и остается одним из моих самых любимых актеров. Его работы в кино невозможно не заметить, даже если это и был маленький эпизод. На мой взгляд, харизма Андрея Ивановича в том, что каждую роль он не просто мастерски играл, он перевоплощался, и создавалось ощущение, что он в жизни был именно тем, чей персонаж играет. Краско не просто талантливый актер — это был одаренный человек; его дар в том, что через свои роли он пробуждает в наших душах человечность, доброту, юмор, его герои вызывают у зрителей искренний смех или слезы.

Андрей в любой своей роли, будь то Янычар, Савичев, Мураш, Скоросько, Ветров, Голомазов, Витек, становится родным и близким. У меня всегда было ощущение того, что он будто хороший знакомый или друг. Просмотр фильмов с участием Краско рождает в душе массу эмоций, чувств, переживаний. В его немного грустных глазах видно все: душевность, порядочность, доброта, нежность. Человек с такими глазами способен растопить даже самое ледяное сердце. И у него это получалось...

Я считаю Андрея Краско гениальным человеком, который жил для того, чтобы дарить своим зрителям частичку себя. Гении рождаются, чтобы посвятить себя науке, искусству, так и Андрей — он посвятил себя всем нам, своим зрителям...

Мышка:

Андрей — это необычный человек, на редкость добрый. Когда его не стало, сложилось впечатление, что я потеряла близкого друга, родственника и, в конце концов, просто знакомого. Тяжело, когда уходят такие люди, кажется, что лучше уже не будет, и я уверена, что никто не сможет заменить Андрюшу. Он один такой на целом свете, такой добрый, светлый, отзывчивый, преданный своей работе человек. У него потрясающе получалось играть и хороших героев, и злодеев. Я очень уважаю и люблю этого актера. Когда смотришь какой-либо фильм с участием Андрюши, оторваться просто невозможно, он как будто притягивает своей игрой в кино. Он потрясающий актер и человек, хотя, к сожалению, я не была знакома лично с Андреем Ивановичем (о чем жалею), но я несколько не сомневаюсь, что он был надежным и верным другом и человеком! Спасибо тем, кто будет выпускать книгу об Андрее.

Леня:

У Андрея было много разных ролей, больших и не очень, все они такие разные, но все же их что-то объединяло, это была несравненная игра. Игра, заставляющая зрителя поверить в существование тех героев, которых он играл. Каждый из нас нашел в Андрее своего героя, будь это доктор Эпштейн («Операция «С Новым годом!») или капитан Геннадий Янычар («72 метра»). Даже не самый интересный фильм «обречен» на успех, если в титрах присутствует имя Андрей Краско, так как нам, зрителям, интересно наблюдать за ним, своим героем! И даже самые мелкие, эпизодические роли Андрея затмевали крупный план. А это значит, Андрей Иванович Краско — Великий актер, ведь заслужить зрительскую симпатию — самый наивысший труд.

А когда случилась трагедия, то стало как-то плохо, ощущение того, что умер очень близкий, родной человек, которого ты всегда знал и любил. Я очень уважаю и люблю этого человека!

Как хорошо, что про Андрюшу напишут книгу, ведь он этого достоин!

Катерина:

Он был «не похожим на артиста», по крайней мере, многие так говорили. Знаете, человек может быть не похожим на актера, зато играть может блистательно. Андрей буквально сиял в кино и сериалах. Любая его новая работа — это подарок для всех; кажется, что больше ничего не нужно, только бы увидеть любимого актера в новом образе. Андрей Иванович — это та самая икона, на которую и которой нужно молиться. Это тот человек, на которого можно, а может, даже и нужно равняться. Он

притягивает как магнит своими новыми работами в кино. Так и хочется смотреть и смотреть на него и любоваться им во всей красе. Его роли прекрасны, как и он сам, его обаянию нет предела, он просто великолепен в любой роли! Спасибо вам, Андрей Иванович, за все те роли в кино, которыми вы успели нас порадовать в этой нелегкой жизни. Мы вас очень любим и помним!

Снежана:

Знаете, а я открыла для себя Андрея после «72 метров». По-моему, более гениально (уж простите за пафос) никто бы не смог сыграть Янычара! С тех пор я обязательно смотрела фильм или сериал, если в ролях там значился Краско, пусть даже и в эпизоде! Не важно было, какая у него роль: главная или эпизод, важно — как это сыграно! Единственное, о чем я очень жалею, что при жизни Андрея я не нашла этот сайт и, соответственно, не смогла сказать здесь о своем отношении к нему... Но я думаю, что Андрей сейчас видит нас и знает, как мы его любим!

Татьяна:

Меня ужаснула мысль: а вдруг бы Андрей выбрал другую профессию? Мы бы никогда его не узнали... А ведь он запросто мог это сделать, все обстоятельства к тому складывались. Спасибо, Андрюша Иванович, что не бросил нас!

Steizer:

Андрей Краско стал для меня самым любимым и лучшим русским актером. Его персонажа в «Агенте национальной безопасности» я полюбила давно. Тогда я училась еще в восьмом или девятом классе. И вот уже я кончила одиннадцать классов, но все равно с удовольствием смотрю этот сериал. Я была удивлена, когда, посмотрев фильм «72 метра», увидела Андрюшу в роли командира подводной лодки. Серьезная роль и подход к ней, но все равно где-то слышала смешные фразы от него. Сыграл он блестяще!

Проходит время, меняются люди и вещи. Но любовь — она всегда будет. И не важно, что порой нас понять очень трудно, но когда умирают люди, которых мы любим, мы меняемся. Так и со мной произошло. Я давно смотрю на жизнь по-другому. Знаю, что от жизни гораздо проще убежать, чем от смерти. Но мне все равно хочется убежать от боли, грусти и быть там, где люди, которых я очень люблю.

Соня:

Посвящается Андрею Ивановичу Краско

Не прощайся навек —
Прости...
Так случилось — пришлось
Уйти.
Словно свечку задули —
И враз
Синеглазый огонь
Погас.
Боль уйдет, а останется
Грусть.
Тихо слезы текут —
И пусть.
Все пройдет. Не забыть мне
Вовек
Тот холодный июльский
Снег...

P.S. Не была знакома с Андреем Ивановичем. Знаю его и люблю по чудесным работам в кино и на телевидении. А он ушел, и частичка сердца ушла...

Надежда:

Все еще не могу поверить... Один из лучших... Лучший. Любимый.

К своему стыду, не знала о его здоровье, поэтому смерть повергла в шок. Бесконечно не хватает его,

уже сейчас... Пусть в лучшем мире он будет счастлив, а любим он в обоих мирах: такой родной, хороший, столько не сыграно ролей...

Александр:

Каждый фильм с участием Андрея запоминался именно благодаря ему, его великолепной игре, тонкому, искрометному юмору... В каждой роли Андрей настоящий, он вдыхает Жизнь в своих героев, очень грустно и больно говорить о нем в прошедшем времени... Но есть люди, о которых ТАК никогда не будешь думать, — он всегда рядом, всегда среди нас... И все же не могу поверить в его смерть... Невероятно больно поверить в это... Слишком тяжело... Смириться невозможно. Светлая память... Ты навсегда останешься в наших сердцах!

Григорий:

Андрей Краско ушел навсегда. Он много раз «умирал» в кино и в театре. И мы, даже зная, что те кадры - игра, рыдали по-настоящему. Потому что любили всех его героев. У него даже в кино все было по-настоящему, как в жизни.

Алексей Иванов:

Погасла настоящая звезда. Все фильмы с участием Краско считаю просто шедеврами. Любое вкрапление его участия в ленте оставляло массу положительных эмоций от картины. Это как заряд положительного настроения не то что на весь день, а на долгие годы. Очень жаль, что смерть отнимает у нас таких людей. Горько и больно, когда понимаешь, что человека больше нет. Не будет больше и изюминки в работах режиссеров. Скорбим и помним. Светлая память!

Розалия:

Каждый раз, смотря фильм с Андреем, мечтала увидеть, как он работает на сцене, точнее, работал... Как это трудно написать в прошедшем времени: БЫЛ, ЖИЛ, ИГРАЛ... Как будто это происходит не со мной и все это не правда. Как хочется в это верить, но...

Мне всегда казалось, что у него можно многому научиться. У него был огромный актерский потенциал.

Простой русский мужик, которому всегда веришь. Предельная искренность, открытый взгляд... Теперь это все лишь воспоминания. Он еще мог столько сделать, но не успел, ведь жизнь — не игра...

Юрий:

Каждый раз, когда мы с женой вдруг замечали Андрея на экране в какой-то еще не виденной нами роли, радовались. Потому что по его лицу, по его игре всегда было видно, что он искренен в любой роли, что он живет ею. Столько фильмов было с его участием, что когда называют очередной, то вспоминаешь: «Верно, и там он сыграл». Хорошо, что он успел столько сделать и очень, очень жаль, что столько он сделать не успел. Андрей Краско, замечательный русский актер останется с нами навсегда!

Виктор:

Очень обидно. Лучшие люди всегда уходят неожиданно. Всегда любил его работы, только он мог «вытягивать» фильмы на своей работе, несмотря на то что в основном это работы второго плана. Но для этого же нужно еще больше таланта, чтобы твои роли всегда запоминали и любили.

Петр Шубин:

Буквально за год до смерти Андрея я закачал своему отцу в телефон сигнал, где Андрей Иванович заходит в квартиру к бандитам со словами: «Слышь, мужик, если вы сейчас не загасите свою шарманку — то я ее сам загашу...» Отец был просто счастлив и всем перебрасывал эту мелодию.

Да и вся наша семья была в восторге от этого замечательного актера.

Когда я узнал, что Андрея Краско нет, я остолбенел...

6 июля 2006

Ольга Даньшева:

Вокруг листва вся в плесени,

Неласков солнца луч,
Стенает гладь небесная,
А воздух липок, жгуч.

В нутро он пробирается
Навеки, навсегда
И криком разливается:
«Беда пришла, беда!!!»

Несчастье бьется, бесится
Нелепостью своей.
Не верится, не верится,
Что умер наш Андрей!!!

Словами сострадания
Долгов не возвратишь
И самобичеванием
Его не воскресишь.

К душе придет бессмертие
В критический момент.
И на неделе следующей
Опять пойдет «Агент...».

Андрея любили не только в России, но и других странах. На сайт памяти актера пришли письма из самых разных уголков планеты. За неимением русской клавиатуры люди писали транслитом:

tanja (11.07.2006 17:29:32)

Do sih por prebovaem v shoke. Ne ukladovaetsja v go-love. Spektakli i filmy s ego u4astiem eto vseгда jar4aisee sobotie. Tonkii jumor, ironija , um i vseгда raznoi v kazdoi roli. Prosto kosmar. *Poklonniki iz Tallinna.*

olga (06.07.2006 15:44:39)

Svetlaia pamiat velikomy aktery. Philadelphia. USA.

poklonniki (12.07.2006 15:59:37)

Zal, tsto uschel zametsatelnii akter. No s nami on ostalsa takim, kak mi privikli ego videt v kino. Vtorogo takogo talantlivogo tseloveka uze ne budet nikogda.

Jenny (27.07.2006 11:02:40)

Ja prosto v shoke, prjamo komok v gorle ot gorechi... Tolko chto uznala o konchine mojego ljubimogo aktera... Ja vse ne mogla ponjat pochemu po ORT idet rekla-ma filma pamjati Andreya Krasko i pobezala iskat po internetu... Ja zhivu V Gollandiji i ne kazdij raz smotrju novosti, vot vidno i propustila... Vechnaja pamjat tebe, Andrej! Ti bil prekrasnij akter i dumaju, zamechatelnij chelovek toze! Ti i tvoji roli navsegda ostanutsa v nashih serdcah!

Ангел-Искусатель (06.07.2006 18:01:45)

Андрюша Краско — это удивительный человек, друг и актер...

Он ушел, но память о нем всегда будет с нами!

Я никак не могу прийти в себя и поверить, что его нет с нами, среди нас...

Мне всегда нравилось все то, что он делал и как...

Помню, увидела его в фильме «Питер FM» — он там с Женькой Цыгановым играл в одном эпизоде...

Но как он это сделал!

Vovchik (5.07.2006 13:48:06)

Сколько еще бы он сотворил в кино и в театре... Очень жаль, что не стало ВЕЛИКОГО актера...

ADS (6.07.2006 1:57:54)

На экране он был настоящим мужчиной. Какой был в жизни — не знаю, не был знаком лично, к сожалению, но уверен — такой актер был настоящим Человеком!

Jetty (5.07.2006 6:25:28)

Замечательный был актер. Светлый, искренний, настоящий...

Ieva (5.07.2006 8:28:09)

Слов нет, не хочется во все это верить... Столько ведь еще осталось незаконченного... Почему всегда уходят из жизни такие хорошие люди? Это же несправедливо!

Sever, Киев (5.07.2006 14:37:37)

Боже, в голове не укладывается — всего лишь час назад досмотрел один из фильмов с его участием, как всегда, в восторге — он ярче играет свою роль второго плана, чем актеры первого. Шок... 48 лет, до полтинника не дожил — прямо межа какая-то...

Земля пухом, прекрасный артист Андрей Краско, и долгая тебе память!

Семья Слюсаренко Одесса, Украина (5.07.2006 8:08:20)

Услышали по НТВ ужасное сообщение о скоростижной кончине чудесного Человека и Актера. Всегда будем его помнить! Наши искренние соболезнования семье безвременно ушедшего от нас Человека.

Валерий (6.07.2006 11:20:53)

Это был один из самых любимых мной актеров... Почему лучшие уходят на пике своей карьеры, так много еще не сделав и не завершив?! Тот же Бодров, например...

Sol (6.07.2006 6:02:19)

Когда умирают такие люди, возникает ощущение, что ты безвозвратно потерял добрую, светлую и задорную часть самого себя.

Игорь, Киев (5.07.2006 12:42:23)

Ну почему именно он?! Во жизнь какая... Мы гордимся, что имели возможность в наше время по-лучать удовольствие от творчества настоящего актера.

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ!

Петр (5.07.2006 14:24:10)

Я тебя уважал за твой истинно простой по-детдомовски характер. Земля тебе пухом, Андрей!!!!!!!!!!!!

Михаил (7.07.2006 10:34:24)

Черт, даже заплакал. Не был знаком близко, видел раз мельком, жалею, что не взял автограф. Просто актер из далекого Питера, а ушел, как будто близкий друг или брат. Вот свойство настоящих людей! Вечная память.

Саша, Крым (5.07.2006 8:50:13)

Вечная слава великому актеру! Помним и скорбим. *Симферополь.*

Serg (5.07.2006 11:37:06)

Помню, люблю и скорблю! Совсем недавно общались... Не хочу верить Приеду проводить в последний путь.....

Валерий (9.07.2006 11:07:12)

Просто был в шоке от сообщения...

Удивительный, прекрасный Актер! Через годы только мы поймем о величине этой актерской личности. Очень, очень скорблю...

Светлая память великому, поистине Народному Артисту!

Валерий. Вильнюс

nata (6.07.2006 14:56:24)

Очень расстроилась. Кино потеряло много! Просто трагедия!

П.Нич (14.07.2006 00:56:52)

Об этой великой утрате лучше Е. Евтушенко не скажешь.

Уходят люди...

Их не вернуть,

Их тайные миры не возродить.

И каждый раз мне хочется опять

От этой невозвратности кричать.

Vladimir (10.07.2006 14:21:40)

Мировое кино действительно понесло тяжелую утрату. Фильмы с участием Андрея Краско смотрят во многих странах, где живут русскоговорящие. Мы в Израиле очень потрясены смертью замечательного артиста. Выражаем соболезнование семье и близким покойного. Как жаль, когда уходят такие талантливые люди. Это, конечно, невосполнимо.

Ирина (6.07.2006 1:21:10)

Даже не могу поверить; когда люди умирают неожиданно — это страшно, а когда умирают такие НАСТОЯЩИЕ — еще ужаснее. Он был в первую очередь мужчиной и Человеком с большой буквы. Пусть земля ему будет пухом, светлая память!

Зрительница (5.07.2006 15:07:21)

Ужасно жаль, трудно поверить! Он на десять лет младше меня, столько мог бы еще сыграть так же искренне, так же ярко и заметно. У него всегда получалось выглядеть на экране настоящим мужчиной, хотя пресса и не награждала его эпитетами, которые он явно заслуживал.

Не находятся слова, чтобы выразить сожаление. Громадная потеря. Не так часто видим на экране много сыгравших актеров, которые умудряются сохранить такую естественность, вызвать у зрителей такое чувство доверия и понимания.

Самые искренние и глубокие соболезнования родным, друзьям и всем, для кого эта потеря так же тяжела и обидна.

Natasha, Chicago, IL (5.07.2006 14:38:15)

Я в каком-то ступоре! Ну почему так всегда, самые светлые, искренние люди покидают эту землю так рано. Актер он был потрясающий, даже эпизоды играл так, что они становились как главная роль. Человек, я думаю (как жаль, что лично не знала!!!), он был исключительный. Таких — единицы.

Искренне соболезную всем родным, близким, друзьям и таким же, как я, поклонникам его блестящего, но, увы, такого недолгого творчества.

Земля ему пухом и вечная намять!!!

ShrekFiona, Кишинев (6.07.2006 15:32:31)

Очень глубоко потрясена известием о скоропостижной смерти моего любимого актера, одного из ЛУЧШИХ артистов России — Андрея Краско.

Вчера, 5 июля, был мой день рождения! Теперь с моим днем рождения буду помнить о том, что в этот день не стало Андрея!

Примите соболезнования, все близкие и друзья!

Эовин (6.07.2006 2:00:00)

Просто нет слов... Больно от мысли, что этот человек теперь живет только на экране. Вечная Вам память, Андрей Краско...

alena (27.07.2006 16:58:47)

Посмотрела документальный фильм об Андрее. Ну что сказать?!

Живешь, выкладываешься и умираешь. Такая переоценка ценностей происходит, только жаль, что ценой чужой жизни. Родных прямо отпускать не хочется, и опять-таки ловишь себя на мысли, что это скоро пройдет, и понимаешь, что вот оно что плохо — беречь разучились! Не умеем мы, пока со смертью не столкнемся, ценить, уважать, да и просто ждать своих родных, любимых людей!

Записи из блокнотика, оставленного поклонницей на могиле Андрея:

Печальный мир!

Далее когда расцветают вишни...

Даже тогда...

Кобаяси Исса

Добрый день, Андрей Иванович, то есть уже почти вечер. Удивительно, что я волнуюсь так, будто Вы стоите передо мной и я признаюсь Вам в любви... Почти краснею, можно сказать. Вот люди подошли и гадают, чья могила... Господи, какие жуткие слова: могила, гроб! Как чужды они Вашим глазам... Так вот, я поражена — неужели кто-то еще не знает Вас, неужели кто-то, посмотрев в Ваши глаза, пусть и на фотографии, может не узнать их?!

Ну да ладно. Я пришла не за этим, да, честно говоря, не знаю зачем... Помолиться за Вашу душу? Да нет. Она еще слишком жива... Вот прямо как будто сижу рядом с Вами. Поскорбеть? Но я отказываюсь чувствовать скорбь. Правда.

Вы сильный, щедрый, добрый, настоящий мужчина, но очень хочется говорить «Андрюша»... А не имею права. Ведь мы с Вами не были знакомы, хотя я была ученицей Ивана Ивановича.

Чувствую, утопаю в ненужных словах — просто хочу говорить с Вами, как с живым и очень земным. ...Вы настоящий простой русский мужик — уж, по крайней мере, это Вам подходит больше, чем звезда. Что такое звезда? Погорела, посияла и потухла — и потом, звезды так далеко... А Вы теперь горите еще ярче.

Конечно, можно обличать, искать виноватых, дескать, вспомнили, когда уже поздно стало! Ну, положим, так, но ведь Вы-то, Вы-то ведь простили — так и нам уж грех сквернословить. Вы, в отличие от звезд, всегда были рядом ~ кто искал в Вас друга, находил его, и не важно кто — знаменитый, богатый или простой человек.

Для меня Вы просто хороший человек. По-моему, никакие эпитеты никогда не побьют слова «хороший человек», ведь заслужить их по-настоящему трудно.

Сижу вот я одна... и так хорошо здесь... а вроде и не одна. Очень светлое, чистое место. Таких теперь мало, везде чувствуется давящая суэта, дикость, неряшливость. А здесь словно остановилось время. Уверена, Вам здесь хорошо — это место... похоже на Вас: немного печальное, немногословное, но дышится легко. Тоска не пригибает к земле.

Андрей Иванович, наверно, утомила я Вас уже. Понимаю. Столько слов за последние несколько дней, столько признаний, слез. А я не хочу и не могу ни с кем соревноваться в красноречии. Просто хочу сказать, мне в мои 19, притом, что лично я Вас не знала, Вы дали очень много. Дали веру, смелость, мудрость, понимание, дали прикоснуться к Вашим глубинам и познать подлинное, забытое, человеческое. Через роли, через интервью, а главным образом, через глаза Вы отдавали, отдаете и будете отдавать... Вот получали Вы мало, но, думаю, Господь оплатит наши земные долги сполна. Благодарю Вас.

01.08.2006

Даша

P.S. Большая просьба не лишать автора настоящих строк возможности и в будущем таким вот образом разговаривать с Андреем Ивановичем - не выбрасывайте, пожалуйста, этот блокнот.

Очень буду рада, если кто-то захочет тоже прибегнуть к такому вот своеобразному способу об-

щения. Пишите, если есть что сказать... Андрей Иванович вряд ли обидится.

Здравствуйте, Андрюша. Мы простые люди, не имеющие отношения к миру искусства, но мы Вас очень любим, никогда не забудем. Спасибо за то, что Вы сделали в этой жизни. Как жаль, что жизнь Ваша оборвалась на взлете. Вы были словно натянутая струна, которая оборвалась... И мы, любящие Вас, так многого не услышали... не увидели... не ощутили...

Жаль... Плачем... Скорбим... Любим... Помним...

02.08.06

Васильева Оля и мама Рыжова Надежда

Андрей! Как жаль, что Вас с нами больше нет. Замечательный человеческий и актерский дар.

Господь забирает лучших. Нам одиноко без Вас.

12.08.06

(Смирнов)

Дорогой Андрюша Иванович. Очень Вас любим и скорбим по Вас. Вы замечательный актер, остроумный с грустными глазами. Роль в «72 метрах» — одна из лучших. Русские моряки отдадут Вам честь.

6 авг. 2006

Семья Распоповых-Гладких

Спасибо Вам за то, что Вы были с нами, что радовали нас. Таких, как Вы, очень мало осталось на этой земле. Наверное, потому, что все люди, настоящие, уходят от нас. Что будет Завтра?

06.08.06

Ольга

Спи спокойно, Андрюша!

Думаю, что Господь уже отпустил тебе все твои грехи, да воздастся же тебе по твоим великим заслугам, за твое доброе сердце!

Твоя поклонница

Андрей, дорогой. Жаль, что по такому грустному поводу, но ты помог нам всем собраться через много лет. Мы с тобой учились, помним тебя отличным пацаном. Ты остался честным, замечательным человеком. А артист ты просто блистательный. Мы тебя помним и очень любим.

13.08.06

Одноклассники

Дорогие коллеги Андрея! Для него важно, чтобы вы за него молились, так как душа жива и ждет наших молитв. Андрей перед Богом. За себя он молиться уже не может, а за нас он молится. Дай вам Бог вразумления.

14.08.06

С уважением, Лариса, Нина

Царствие Небесное рабу Божию Андрею.

Эх, Андрюша, что же ты наделал?! Опустела без тебя земля!

15.08.06

Е.А.

Теперь все глупо, пусто и бессмысленно. И слова, и этот блокнот. Я Вас любила, уважала. Конечно же узнала Вас поздно...

Я улыбалась, видя Вас на экране. Вы дарили сонмы положительных эмоций. Было все искренне, ненадуманно...

Было желание встретиться с Вами в жизни — огромное желание... А приехала к Вам из Москвы в Комарово...

Помолитесь за нас, а мы пока здесь за Вас. Царствие Небесное. Аминь.

16.08.2006

Ирина З.

Привет, Братан. Скорбим. Спи спокойно.
20.08.2006

(подпись неразборчива)

Спи спокойно, всеми любимый, но такой одинокий, грустный герой...
27.08.06

Александр М.

Смерти нет!!! Увидимся после!!!

КОГДА ПОЯВЛЯЕТСЯ РАДУГА, ИЛИ ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Для Андрея Краско главная роль в фантастической мелодраме Карена Оганесяна «Вторая жизнь доктора Тырсы» стала последней из завершенных больших ролей (последние кадры картины были отсняты незадолго до смерти актера — 30 июня). Это кажется мистикой, но в фильме герой Андрея тоже умирает! Сюжет картины философичен: дочь доктора Тырсы (Нелли Уварова) влюбляется в своего шефа, ровесника отца. Возмущенный этой ситуацией, Виктор Палыч, которого играл Краско, устраивает с обидчиком разборки, и они заканчиваются для него трагически... Многие подозревают, что после смерти жизнь не заканчивается («Смерти нет, увидимся после», как написал один из поклонников Андрея в блокнотике). Доктор Тырса, практичный скептик, в такую ерунду никогда не верил. Но по вине неловко брошенного шара для боулинга он оказался между жизнью и смертью, на пустынной равнине вместе с такими же, как он, людьми, уже не принадлежащими этому миру, но еще и не принятыми в мир иной. Благодаря приключениям в потустороннем мире герой Краско понял, что жизнь, которой он жил до сих пор, не так уж и плоха. И ему есть зачем к ней возвращаться.

Снимаясь в этой роли, Андрей признался друзьям, что пятнадцать лет назад на операционном столе пережил состояние клинической смерти: «Ощущения были такими, как их обычно описывают в книгах. Белый коридор, свет и пустота впереди. Блаженная пустота... Оттуда не хочется возвращаться, есть желание остаться навсегда...» Совпадение это или...

В своем последнем интервью Андрей сказал: «Думаю, энергетические затраты как-то компенсируются. Возьмем актеров старшего поколения, которые, как мы теперь знаем, мало того что были всенародными любимцами, но еще пили будь здоров и еще вкалывали. И прожили до преклонных лет, причем не покидая сцену. Вот бы и нам так! Но боюсь, у меня не получится... Моему сыну сейчас восемь лет, и я иногда думаю: боже, как буду его дотягивать хотя бы до сознательного возраста. Уже мучают вопросы: доживу ли, смогу ли ему что-нибудь оставить?» Андрей не дожил... Что он оставил после себя? Пожалуй, самое главное — народную любовь, признание тысяч поклонников в разных частях света, несколько десятков ролей — пусть и не самых главных. Но зато, как сказал один из его поклонников, роли второго плана удавались Андрею лучше, чем роли первого другим известным актерам. Это, наверное, не случайно.

Кто-то из скептиков, возможно, заметит: «Ради чего было так перенапрягаться, зачем нужно было брать на себя столько, неужели нельзя было хоть изредка себя жалеть?!» Что в итоге? Недостроенный дом, невыплаченный кредит за машину, двое детей, которые остались без отца, и любимая девушка, на которой Андрей собирался жениться... На эти вопросы не может ответить никто, кроме Андрея. Да и стоит ли на них отвечать? Андрея не вернуть, но память о нем навсегда останется в сердцах тех, кто его любил: родных и близких, друзей и коллег, многочисленных поклонников. Удивительно, но у этого человека не было врагов — в некотором смысле он был святым. Безгранично добрым. Предельно искренним и безумно талантливым. И хочется верить, счастливым...

Как и большинство талантливых людей, Андрей Краско стал востребованным слишком поздно. Чья в этом вина — уже не столь важно. Теперь нет смысла оглядываться назад и копаться в прошлом — хотя бы потому, что будущего больше нет. Нет Андрея Краско - гениального (это подтверждают режиссеры, коллеги и поклонники) актера. Актера, который из всех сделанных актеров был самым не-сделанным, настоящим, органичным. Актера, который и не был-то похож на актера — настолько натуральным он предстал перед нами на экране и сцене. Говорят, что его погубил голод - те несколько лет, на протяжении которых ему пришлось работать то таксистом, то портным, то кладбищенским служащим... Кем угодно, только не актером. С возвратом в кино и театральную жизнь к Андрею вернулась уверенность в собственных силах (впрочем, он и так никогда не вешал нос и стойко переносил возникшие на его пути трудности). В последние годы Краско, как одержимый, снимался везде, где только можно. Казалось, что человек долгое время провел под водой, как в подводной лодке, а потом наконец-таки всплыл наверх и вдохнул воздух. И никак не мог надышаться — такой сильной была потребность в этом самом воздухе, в солнце, в наземном мире! С каждым солнечным лучом Андрей оживал, и с каждым днем жить ему становилось все интереснее. «Только сейчас я понимаю, что у меня все еще впереди», — заявил он в одном из интервью. Но кто мог знать, что солнце будет светить так недолго?! Верил ли Андрей в судьбу, неизвестно. Зато он верил в себя. В одном из армей-

ских писем, адресованных родителям, Андрей писал: «Мне вроде бы предлагают съемки в фильме. Восемнадцать серий — грандиозно! Даже загадывать боязно, чтоб не сглазить. Но режиссер должен всех утвердить, а потом запускать фильм. А отсюда даже на пару дней на пробы не вырваться. Хотя, бог его знает, может быть, даже здесь дрогнут перед восемнадцатисерийным весом? Но это как должна быть заинтересована студия! А с чего?! Я ж ни фига и нигде практически. А как хочется, черт! А сколько ушло с 13 мая в никуда! И вот так думаешь целые дни, планы вынашиваешь, а на кой? Но ничего. Опять же: всплывет — коснется. Вот, рисовать, например, учат. Тоже на пользу... Сначала я думал: «Вы считаете, вам художника в помощь прислали? Или что-то вроде этого, да?» Мол, я вам нарисую-у-у-ую!.. Вот так и думал как раз. А пришлось нарисовать, как миленькому. Только кисточки сверкали и краски капали. Зато комиссия сказала, что «наглядная агитация была на хорошем уровне»... Так выпейте вы там за то, чтобы рецидивы были на Кесарском уровне: Ромео и Джульетты, Сакко и Ванцетти, Гоголя и Босха, Пушкина и Эйнштейна. Ну и за мое здоровье тоже. Нет, я не лезу в один ряд с этими именами. Хотя вру — лезу, конечно, но сам себя не ставлю. А доберусь, так люди сами поставят. Сотрут пыль, покроют лаком и засияю через пару имен от Булгакова! Если доберусь, что, к несчастью, очень спорно. Если хватит воли, здоровья, сил, что сомнительно, но чем черт не шутит!..»

Андрюша, будь уверен: ты добрался! Ты добился своего - пусть, может, и не совсем так (или совсем не так), как хотел. Но главное — добился! И люди это оценили. Ты приносил радость своим талантом, ты сиял, как радуга, даже в самом посредственном сериале, ты делал окружающих тебя людей счастливыми. Разве это не заслуги?! Разве это — не повод воздвигнуть тебе нерукотворный памятник?! Все те же скептики возразят: «А не поспешно ли?» Да нет, господа, не поспешно, а слишком поздно... Главное твоё желание в жизни — быть востребованным как актер. Это желание исполнилось, и ты можешь быть спокоен: ты прожил жизнь не зря!

Говорят, что радуга — мост из *этого* мира в *тот*, мостик, соединяющий человека с Богом. Так ли это, никто не знает. Для многих зрителей ты был радугой телеэкрана, неким светлым, незаменимым образом. Ты появился внезапно, как и положено радуге, нарушив монотонный экранный дождь, и так же скоро исчез. Но почему-то кажется, что ты все еще здесь, где-то рядом, совсем близко... Ты вновь, прищуривая свои синие глаза, улыбаешься с экрана телевизора и непринужденно, как будто ничего не произошло, говоришь: «Все в порядке! Не волнуйтесь за меня! Я наконец-таки свободен, у меня отпуск...»

ПРИЛОЖЕНИЕ

Фильмы с участием Андрея Краско

- 1979 «Личное свидание» - режиссер А. Лебедев
1980 «Никудышная» - режиссер Д. Асанова
1986 «Прорыв» - режиссер Д. Светозаров
1988 «Полет птицы» - режиссер В. Григорьев
1988 «Фонтан» - режиссер Ю. Мамин
1989 «Дон Сезар де Базан» - режиссер Я. Фрид
1989 «Псы» - режиссер Д. Светозаров
1990 «Город» - режиссер А. Бурцев
1991 «Афганский излом» - режиссер В. Бортко
1991 «Лох — победитель воды» - режиссер А. Тигай
1991 «Человек со свалки» - режиссер Б. Горлов
1993 «Конь белый» - режиссер Г. Рябов
1993 «Юноша из морских глубин» - режиссер Г. Новиков
1994 «Русская симфония» - режиссер К. Лопушанский
1994 «Русский транзит» - режиссер В. Титов
1995 «Прибытие поезда» - режиссер Д. Месхиев
1996 «Операция «С Новым годом!»» - режиссер А. Рогожкин
1997 «Брат» - режиссер А. Балабанов
1997 «Улицы разбитых фонарей» - режиссер А. Рогожкин
1997 «Шизофрения» - режиссер В. Сергеев
1998-1999 «Агент национальной безопасности — 1» - режиссер Д. Светозаров
1998 «Американка» - режиссер Д. Месхиев
1998 «Блокпост» - режиссер А. Рогожкин
1998 «Особенности национальной рыбалки» - режиссер А. Рогожкин
1999 «Болдинская осень» - режиссер А. Рогожкин
2000 «Агент национальной безопасности — 2» - режиссер Д. Светозаров
2000 «Бандитский Петербург. Барон» - режиссер В. Бортко
2000 «Обида» - короткометражный фильм
2000 «Особенности национальной охоты в зимний период» - режиссер А. Рогожкин
2001 «Сестры» - режиссер С. Бодров-мл.
2001 «Копейка» - режиссер И. Дыховичный
2001 «Агентство» - режиссер А. Максимков
2002 «Олигарх» - режиссер П. Лунгин
2003 «72 метра» - режиссер В. Хотиненко
2003 «Участок» - режиссер А. Баранов
2003 «Ключ от спальни» - режиссер Э. Рязанов
2003 «Линии судьбы» - режиссер Д. Месхиев
2004 «Наваждение» - режиссер А. Легчилова
2004 «Потерявшие солнце» - режиссер В. Сорокин
2004 «Строптивая мишень» - режиссер Ю. Колесник
2004 «Стервы, или Странности любви» - режиссер В. Фатьянов
2004 «Богиня: Как я полюбила» - режиссер Р. Литвинова
2004 «Диверсант» - режиссер А. Малюков
2004 «Каменская - 3» - режиссер Ю. Мороз
2004 «Дух земли» - режиссер В. Янощук
2004 «Даша Васильева. Любительница частного сыска - 3. Несекретные материалы» - режиссер А. Мармонтов
2004 «Sapiens» - режиссер А. Рогожкин

2004 «Узкий мост» - режиссер О. Базилов
2005 «Турецкий гамбит» - режиссер Д. Файзиев
2005 «Жмурки» - режиссер А. Балабанов
2005 «Ночной продавец» - режиссер В. Рожнов
2005 «Гибель империи» - режиссер В. Хотиненко
2005 «Брежнев» - режиссер С. Снежкин
2005 «Королевство кривых» - режиссер А. Якимчук
2005 «На белом катере» - режиссер В. Мельниченко
2005 «Охота на изюбря» - режиссер А. Карпыков
2005 «9 рота» - режиссер Ф. Бондарчук
2005 «Есенин» - режиссер И. Зайцев
2005 «Принцесса и нищий» - режиссер Д. Месхиев
2005 «Свой человек» - режиссер З. Мусаков
2005 «Доктор Живаго» - режиссер А. Прошкин
2005 «Своя чужая жизнь» - режиссер А. Рогожкин
2006 «Кто приходит в зимний вечер» - режиссер С. Дремов
2006 «Сволочи» - режиссер А. Атанесян
2006 «Грозные ворота» - режиссер А. Малюков
2006 «Оранжевое небо» - режиссер А. Кириенко
2006 «У.Е.» - режиссер А. Атанесян
2006 «Заколдованный участок» - режиссер А. Баранов
2006 «Питер FM» - режиссер О. Бычкова
2006 «Частный заказ» - режиссер С. Ткачев

Последние фильмы с участием Андрея Краско

«Вторая жизнь доктора Тырсы» - режиссер К. Оганесян
«Любовь-морковь» - режиссер А. Стриженов
«Кинь Вавилон» - режиссер В. Щегольков

Театральные работы Андрея Краско

Андрей Краско окончил театральный институт (ЛГИТМиК) в 1979 году и по распределению был направлен в Томск, где почти два сезона проработал в ТЮЗе. За это время Андрей сыграл в девяти спектаклях и, по его словам, помнит лишь пять из них:

1979-1981. «Брысь, костлявая, брысь» по пьесе Сау-люса Хортяниса (режиссеры А. Сибурин, А. Краско) — *Андрис*

1979-1981. «Мужчина семнадцати лет» по пьесе Игнатия Дворецкого

1979-1981. «Робин Гуд» — *Робин Гуд*

1979-1981. «Синие кони на красной траве» по пьесе Михаила Шатрова — *Ерматов*

1979-1981. «А все-таки она вертится» по пьесе Александра Хмелика — *Петров*

В начале 1980-х годов до и после службы в армии Андрей работал в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола, где играл в следующих спектаклях:

«Роман и Юлька» — *Роман*

1982. «Кукарача» (режиссер Г. Опорков) — *Кукарача*

«Если верить Лопотухину, или А все-таки она вертится» по пьесе Александра Хмелика — *Лопотухин*

С приходом в театр нового главного режиссера Андрей остался без работы. После долгого перерыва ему удалось возобновить работу в театре. В театре «Приют комедианта» Андрей сыграл в спектаклях:

1999. «Собачий вальс» (режиссер П. Шерешевский) — *Феклуша*

2001. «Москва—Петушки» (режиссер Г. Васильев) — *Венечка*

Среди других театральных работ Андрея

2001. «Андорра» (Театр им. В.Ф. Комиссаржевской, режиссер В. Гришко) — *Солдат*

2001. «Смерть Тарелкина» (Продюсерский центр «Брат», режиссер Ю. Бутусов) — *Тарелкин*

2005-2006. «Новые русские мужики, или Мужчины на час» по пьесе В. Мережко — *Адамов (Адамчик) и Колыманов*. В этом спектакле Краско выступил также в качестве режиссера.

СОДЕРЖАНИЕ

Когда умирают звезды, или Вместо предисловия	3
<i>Иван Краско. А помнишь, сынок?</i>	4
Воспоминания друзей и коллег об Андрее	20
Андрей о себе	66
Слова о нем и для него	130
Когда появляется радуга, или Вместо послесловия	141
<i>Приложение. Фильмы и спектакли с участием Андрея Краско</i>	143

А65 Андрей Краско. Непохожий на артиста, больше чем артист / Авторы-составители И. Краско, А. Величко. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. - 239 с.

ISBN 978-5-9524-3585-8

В последнее время имя Андрея Краско шло во вступительных титрах наравне с именами исполнителей главных ролей, даже если он появлялся на экране на считанные минуты. Образы, им созданные, были узнаваемы, больше того, любимы и близки зрителю. В наше стремительное время катастроф и бедствий необходимо остановиться и помянуть актера, который умел служить искусству без громких слов и которого мы потеряли на взлете. В книгу вошли собственные заметки артиста, воспоминания его отца, близких и друзей. Дополняет текст полная фильмография и богатый фотоматериал.

ББК 85.374

АНДРЕЙ КРАСКО

Непохожий на артиста, больше чем артист

Авторы-составители *Иван Краско, Анна Величко*

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *Т.В. Вышегородцева*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.02.2008.
Формат 84*108/... Бумага офсетная. Гарнитура «Петербург».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,6.
Уч.-изд. л. 10,87 + 3 альбома - 13,51.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 1383

ЗАО «Центрполиграф»

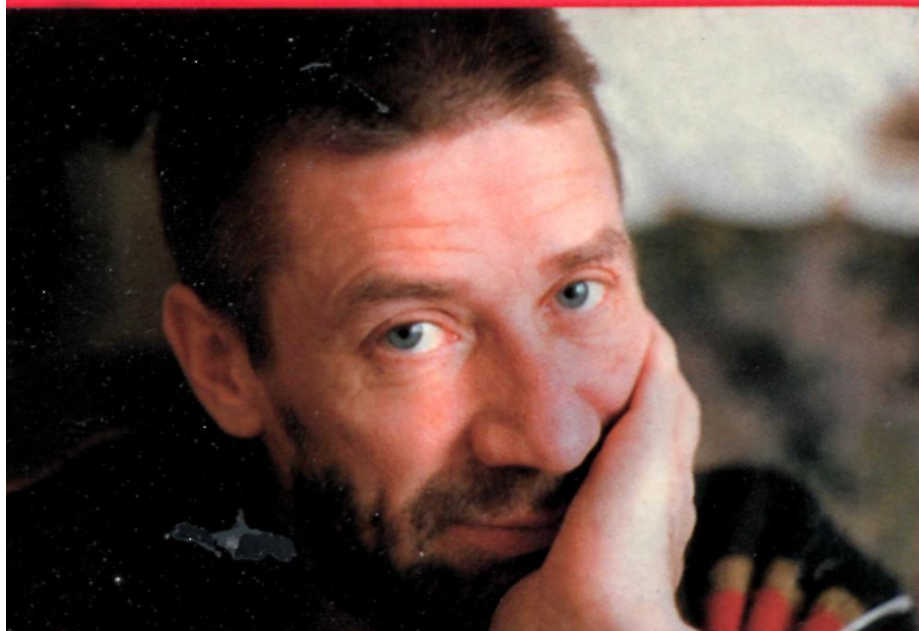
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: [MAILTO:MCNPOL@DOL.RU](mailto:MCNPOL@DOL.RU) [HTTP://WWW.CENTROPOLIGRAF.RU](http://WWW.CENTROPOLIGRAF.RU)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Андрей Краско

НЕПОХОЖИЙ
НА АРТИСТА,
БОЛЬШЕ ЧЕМ АРТИСТ

Он не был похож на артиста. А что значит быть не похожим на артиста? Это значит быть невероятно естественным: он каждый раз играл как про себя...

Юрий Стоянов – актер

Я тогда подумал, что профессионального бандита может сыграть только какой-то специальный человек, который будет вести себя в кадре «по-живому». А Андрей... не актер, и все – не видно, что играет...

Михаил Пореченков – актер

Судьба Андрея Краско во многом знаковая для целого поколения творческой интеллигенции нашей страны...

Дмитрий Светозаров – кинорежиссер

ISBN 978-5-9524-3585-8

ЦЕНТРОЛИГРАФ®